

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

- Coordination and popularization of oriental studies.
- Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.
- Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.
- Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.
- Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

- Координация и популяризация востоковедческих исследований;
- Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;
- Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;
- Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;
- Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 00.07.2024. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. /2024. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 00.07.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № /2024. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганова, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Дэжин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

EDITORIAL COLUMN 6

PHILOLOGICAL SCIENCES

Ibragimova D.R., Glushkova S.Y. **Features of means of linguistic manipulation in the socio-political discourse of the PRC (based on articles on Chinese-American relations)** 9

Ho T.T. H. **The use of English words in the Vietnamese media** 20

Mirzieva L.R., Shaikhutdinova E.N., Liu Xu. **Strategies for translating nationally-biased units from Russian into Chinese (a study of the movie "He is a dragon")** 29

Zhu S. M., Khabibullina E.K., Son S. **Replacing complex sentences with simple sentences (using the example of the Korean novel "Princess Bari") // KFU** 43

HISTORYCAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

Hismatullin B.R., Gabdrahmanova I.I. **The role of historical events of the Middle Ages in the upbringing of Turkic youth: the influence of dastans on socio-family traditions of modern Turkic peoples** 56

Akhmetova A., Glushkova S., Park S. J. **Overview of the Current Research State on the History and Culture of the Gaya Confederacy** 72

Abulhanova M.S., Khuzina A.I. **Haenyeo of Jeju Island as a Symbol of Women's Struggle against Japanese Occupation on the Korean Peninsula** 84

Vishnyakova I.A., Gerasimov I.V. **Memoirs of Iranian revolutionaries as a source on the history of the first phase of the Lebanese civil war (1975-1976).** 96

Lychagin A.I., Bodrova O.I., Merkulova D.G. **The «weak link» of the European Union in the global policy of China** 107

Smirnova A.M. **Persian manuscript of the 18th century from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS): Contribution to the historiography of Kashmir** 123

Nizamova M.A. **The role of public-private partnerships in shaping Japan's sustainable cybersecurity policy** 133

REVIEW

Martynov D.E., Martynova Yu.A. **Rewiew on: [Kovalevsky O.M. History of Mongols. Publication, commentary by I. V. Kulganek, V. Yu. Zhukov. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2024. 644 p. ISBN: 978-5-4469-2301-4].** 140

Information for authors 149

Article formatting sample 154

РАЗДЕЛЫ

ОТ РЕДАКЦИИ 6

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ибрагимова Д.Р., Глушкова С.Ю. Особенности средств языковой манипуляции в общественно-политическом дискурсе КНР (на материале статей о китайско-американских отношениях). 9

Хо Т.Т.Х. Использование английских слов во вьетнамских СМИ 20

Мирзиева Л. Р., Шайхутдинова Е. Н., Лю Сюй. Стратегии перевода национально-ориентированных единиц с русского языка на китайский (на примере фильма "Он — дракон") 29

Чжу С. М., Хабибуллина Э.К., Сон С. Замена сложных предложений на простые предложения (на примере корейского романа «Принцесса Бари») // КФУ 43

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Hismatullin B.R., Gabdrahmanova I.I. The role of historical events of the Middle Ages in the upbringing of Turkic youth: the influence of dastans on socio-family traditions of modern Turkic peoples 56

Ахметова А.И., Глушкова С.Ю., Пак С. Д. Обзор современного состояния изученности истории и культуры Конфедерации Кая 72

Абульханова М.С., Хузина А.И. Хэнэ острова Чеджу как символ женской борьбы против японской оккупации на Корейском полуострове 84

Вишнякова И.А., Герасимов И.В. Воспоминания иранских революционеров как источник по истории начального периода гражданской войны в Ливане (1975-1976) 96

Лычагин А.И., Бодрова О.И., Меркулова Д.Г. «Слабое звено» Европейского Союза в глобальной политике КНР 107

Смирнова А.М. Персидская рукопись XVIII века из коллекции ИВР РАН: Вклад в историографию Кашмира 123

Низамова М.А. Роль государственно-частного партнерства в формировании устойчивой политики кибербезопасности Японии 133

РЕЦЕНЗИИ

Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Рецензия: [Ковалевский О.М. История монголов / подг. к изд., предисл., коммент., прилож.: И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков; отв. ред. И.Ф. Попова; вступ. слова: И.Ф. Попова, Р.М. Валеев. — СПб.: Нестор-История, 2024. — 644 с. ISBN 978-5-4469-2301-4] 140

Информация для авторов 149

Образец оформления статьи 154

ОТ РЕДАКЦИИ

19 апреля 2024 г. актив казанской Академии публичной дипломатии и участники конкурса *Youth Ambassadors* посетили Генеральное консульство Китая в Казани. Дипломатическое сообщество КНР, аккредитованное в Республике Татарстан, представило целый набор докладов о китайско-российском сотрудничестве на современном этапе, главным образом, касающихся инициатив по глобальному развитию, глобальной безопасности и глобальному партнерству в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП).

В своем докладе Генеральный консул КНР в Казани г-н Сян Бо начал с разъяснения позиции Председателя КНР Си Цзиньпина, который в марте 2013 г. при посещении МГИМО озвучил

концепцию построения Сообщества единой судьбы человечества (人类命运共同体, *Жэньлэй минъюнь гунтунти*), принятой ранее на XVIII Съезде КПК. В докладе Генерального консула Сян Бо акценты были расставлены следующим образом: он начал с вопросов об идеологической основе данной концепции и лишь затем перешел к вопросу о продвижении данной концепции и ее практической реализации. 26 сентября 2023 г. правительством КНР была опубликована Белая книга «Совместное строительство сообщества единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая»¹. Кроме того, г-ном Генеральным консулом была представлена официальная информационная записка МИД КНР “The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future”, опубликованная в октябре 2023 г.

Позиция руководства китайского государства и Коммунистической партии Китая заключается в том, что построение Сообщества единой судьбы человечества является очевидной тенденцией исторического развития всего человечества. Если говорить о сложившихся теориях международных отношений, они зачастую не способны объяснить проблемы современного мира. От прошлого международное сообщество унаследовало формулу силы и восприятие международной ситуации как игры с нулевой суммой. Однако в условиях глобализации, которая является долговременным объективным процессом, становится ясным, что процветание в рамках отдельно взятой страны невозможно. Соответственно, предложенная в КНР концепция предполагает освобождение от традиционных циклов: «война и мир», «процветание и упадок», «порядок и хаос». Китайское мировидение предполагает взаимные выгоды, общие права и общие обязанности стран с различными социальными системами, различными идеологиями, различными историческими культурами и различными уровнями развития. Исторический базис данной концепции вполне ясен: это традиционная модель Поднебесной, в которой отношения всех стран должны быть гармонизированы с Небом и Землей. В терминологии Председателя КНР Си Цзиньпина это описывается концепцией «пяти миров» (в скобках — способы их реализации):

1. Прочный мир («диалог и консультации»).
2. Всеобщая безопасность («общее строительство и совместное использование»).
3. Всеобщее процветание («взаимовыигрышное сотрудничество»).
4. Всеобщая открытость и вовлеченность («обмен и взаимное обучение»).
5. Всеобщая чистота и красота (экологические и низкоуглеродные технологии).

С указанными концепциями тесно увязаны проекты Инициативы «Один пояс, один путь», а также три инициативы: глобального развития, глобальной безопасности и глобальной цивилизации, которые являются направлениями к Сообществу единой судьбы человечества. В рамках данного сообщества реализуется модель равноправного и упорядоченного многополярного мира. При реализации данной модели существует действительная демократия в международных отношениях: «все страны, большие и малые, равны, гегемонизм и политика силы отвергаются». Первым важным шагом в этом отношении является действительное соблюдение целей и принципов Устава ООН и общепризнанных норм международных отношений. Общедоступная глобализация удовлетворяет общие потребности всех стран, особенно развивающихся, и надлежащим образом устраняет дисбалансы между странами и внутри страны в развитии, возникающие в результате

¹Официальный текст доступен также на английском языке: Full Text: A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions // Xinhua, State Council of the People's Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/news/202309/26/content_WS6512703dc6d0868f4e8dfc37.html. См. также: Генеральный консул КНР в Казани Сян Бо. «Совместное построение Сообщества единой судьбы человечества» // Министерство международных и межрегиональных связей Нижегородской области. URL: <https://international.nobl.ru/presscenter/news/54554/>

несправедливого распределения ресурсов. Руководство КНР решительно противостоит злоупотреблениям концепциями безопасности, односторонности в любых ее проявлениях.

Всё перечисленное ярко проявилось в «Позиции Китая по политическому урегулированию украинского кризиса», опубликованной по поводу первой годовщины эскалации восточноевропейского кризиса. В этом документе перечисляются двенадцать аспектов политической позиции КНР, включая отказ от мышления времён холодной войны. Не оставлены в стороне и проблема безопасности атомных электростанций, защиты гражданских лиц, содействия послевоенному восстановлению.

Россия занимает большое место в политике Китая. Российская Федерация определяется г-ном Сян Бо как «стратегический партнер всеобъемлющего взаимодействия», буквальная реализация сообщества единой судьбы. По итогам 2023 г. торговый оборот двух стран-соседей достиг рекордных 240 млрд. долларов. Казанские востоковеды осведомлены, что в 2023 г. в рамках регионального сотрудничества успешно прошло заседание Совета по межрегиональному сотрудничеству в формате «Янцзы – Волга», форум «РостКи: Россия и Китай — взаимовыгодное сотрудничество». В текущем, 2024 г. предстоит второй форум «РостКи», проведение которого увязано с устраиваемым в Казани саммитом БРИКС, на котором ожидается присутствие глав Китая и Российской Федерации.

Таким образом, инициатива Сообщества единой судьбы человечества укоренена в китайской традиционной культуре, в том числе

политической культуры, которая не приемлет конкуренции и превыше всего ставит понятия мира во всем его многообразии. Китайская цивилизация привержена пути мирного развития, а китайская государственность направлена на сохранения мира во всем мире. Как постоянные члены Совета Безопасности ООН и ответственные державы, Китайская Народная Республика и Российская Федерация несут ответственность за реализацию мировой многополярности, противодействию одностороннего запугивания и поддержание мира во всем мире. Это способствует и построению Сообщества единой судьбы человечества.

**Features of means of linguistic manipulation
in the socio-political discourse of the PRC
(based on articles on Chinese-American relations)**

**Особенности средств языковой манипуляции в общественно-
политическом дискурсе КНР (на материале статей о китайско-
американских отношениях)**

**Ибрагимова Диана Радиковна¹,
Глушкова Светлана Юрьевна²**

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
ddibragimova@gmail.com*

¹<https://orcid.org/0000-0001-5272-1764>

²<https://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

**Diana R. Ibragimova¹,
Svetlana Y. Glushkova²**

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author: ddibragimova@gmail.com

¹<https://orcid.org/0000-0001-5272-1764>

²<https://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

УДК 811.581.11 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-9-19](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-9-19)

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности средств языкового манипулятивного воздействия в общественно-политическом дискурсе Китайской Народной Республики. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей применения техник языковой манипуляции в новостных статьях и публикациях средств массовой информации Китая. Исследование базировано на таких научных методах, как контекстуальный анализ, лингвостатистический метод и интен-анализ. Мате-

ABSTRACT

The article examines the features of the means of linguistic manipulation in the socio-political discourse of the People's Republic of China. The purpose of this study is to identify the peculiarities of the use of language manipulation techniques in news articles and media publications in China. The research is based on scientific methods such as contextual analysis, linguostatistical method and intent analysis. The materials for the study were articles for 2021-2023 published on such Chinese news portals as the Xinhua News

риалами для исследования послужили статьи за 2021-2023 гг., опубликованные на таких китайских новостных порталах, как информационное агентство Синьхуа, новостной таблоид Хуаньцю, пекинская газета Коммунистической партии Китая The Beijing News, новостной портал Sina News, ежедневная газета Коммунистического союза молодежи Китая China Youth Daily, ежедневная газета Beijing Daily и государственное информационное агентство China News Service. В первой части статьи авторы рассматривают проблему определения в современном языкознании таких понятий, как «общественно-политический дискурс» и «языковая манипуляция». Затем приводится анализ китайских статей на использование средств языкового манипулятивного воздействия и выявление их характерных черт. В ходе анализа авторы выделяют лексические, грамматические, графические и фонетические приемы языкового манипулирования, используемые в китайских СМИ. Авторы приходят к выводу о том, что использование языковых манипуляций в китайском общественно-политическом дискурсе непосредственно связано с позицией правительства и КПК на счет тех или иных социальных и политических событий, а также о взаимодействии всех уровней китайского языка (грамматический, лексический и фонетический) для успешной реализации техники языковой манипуляции в общественно-политическом дискурсе КНР.

Ключевые слова. Языковые манипуляции, СМИ, КНР, общественно-политический дискурс, китайский язык, китайско-американские отношения.

Agency, the news tabloid “Huanqiu”, the Beijing newspaper of the Communist Party of China “The Beijing News”, the news portal “Sina News”, the daily newspaper of the Communist Youth League of China “China Youth Daily”, “Beijing Daily” and state news agency “China News Service”. In the first part of the article, the authors consider the issue of defining such concepts as socio-political discourse and language manipulation in modern linguistics. Then an analysis of Chinese articles is provided on the use of linguistic manipulative means and the identification of their characteristic features. During the analysis, the authors highlight lexical, grammatical, graphic and phonetic techniques of language manipulation used in Chinese media. The authors come to the conclusion that the use of language manipulation in Chinese socio-political discourse is directly related to the position of the government and the CCP on certain social and political events, as well as the interaction of all levels of the Chinese language (grammatical, lexical and phonetic) for successful implementation of the technique of language manipulation in the socio-political discourse of the PRC.

Keywords. Language manipulation, media, the People’s Republic of China, socio-political discourse, Chinese language, Sino-American relations

For citation: Ibragimova D.R., Glushkova S.Y. Features of means of linguistic manipulation in the socio-political discourse of the PRC (based on articles on Chinese-American relations). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 9-19 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-9-19>

Для цитирования: Ибрагимова Д.Р., Глушкова С.Ю. Особенности средств языковой манипуляции в общественно-политическом дискурсе КНР (на материале статей о китайско-американских отношениях). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 9-19. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-9-19>

На примерах видно, что лексический фонд языка баргутов (старых и новых) богат исконными архаичными словами, связанными в основном со скотоводческой, бытовой терминологией, но утрачивающими свою значимость в связи с сильным влиянием других монгольских языков, диалектов и китайского языка. В результате этого на смену им приходят более современные и созвучные социокультурным процессам и явлениям слова и выражения.

Общественно-политический дискурс, являясь одним из наиболее быстро меняющихся дискурсов в современном языкознании, представляет собой совокупность отражений событий, происходящих в обществе и политике как отдельного государства, так и событий, отражающих актуальную геополитическую ситуацию. Необходимо отметить, что, несмотря на большой научный интерес со стороны исследователей, само понятие «общественно-политический дискурс» до сих пор не имеет единого общепризнанного определения как в отечественной, так и в зарубежной науке.

Некоторые отечественные ученые определяют общественно-политический дискурс как любой коммуникативный акт, происходя-

щий в конкретной ситуации общественно-политического характера (Негров 2008, 41). Другие исследователи предлагают относить к общественно-политическому дискурсу любой дискурс, в котором адресант, адресат или содержание единицы коммуникации будут иметь отношение к общественно-политической сфере (Ровинская 2002, 88). Интересным оказывается то, что западные исследователи в отдельную категорию выделяют именно политический дискурс. При этом подчеркивается, что отличительной чертой данного вида дискурса является попытка участников коммуникации придать своим словам достоверность и повлиять на мнение адресата, убедив в верности своей позиции (Amaglobeli 2018, 19). В китайском же языкознании термин «общественно-политический дискурс» (社会政治话语) не введен в научный обиход, однако большое внимание уделяется формированию политического дискурса с китайской спецификой (中国特色政治话语), который, в свою очередь, отвечает запросам Коммунистической партии Китая (КПК) и включает в себя такие аспекты, как пропаганда в средствах массовой информации, правительственные отчеты, политические выступления, встречи и др. (Чжан, Дин 2019, 8).

Поскольку одна из целей общественно-политического дискурса — это влияние на позицию реципиента, манипулирование его мнением ради конкретной (зачастую идеологической) цели, СМИ играют если не основную, то одну из важных ролей не только в контексте функционирования данного вида дискурса, но и с точки зрения его развития и формирования. В таком случае СМИ влияют на создание определенного мнения у массового читателя и его изменения в ходе осуществления непосредственных целей политического характера.

Материалом для исследования особенностей средств языкового манипулирования в китайском общественно-политическом дискурсе послужили статьи 2021-2023 гг., посвященные китайско-американским отношениям в ряде СМИ Китая. Среди них такие новостные агентства, как 新华社 (информационное агентство Синьхуа), 环球网 (таблоид Хуаньцю), 北京报 (пекинская газета КПК The Beijing News), 新闻中心 (новостной портал Sina News), 中国青年报 (ежедневная газета Коммунистического союза молодежи Китая China Youth Daily), 北京日报 (ежедневная газета Beijing Daily), 中国新闻社 (государственное информационное агентство China News Service). Для дальнейшей иллюстрации использования языковых манипуляций в общественно-политическом дискурсе Китая будут приведены лишь некоторые примеры исследованных статей, содержащих в себе наиболее яркие по мнению авторов приемы языкового манипулирования.

Одним из наиболее общеупотребимых приемов, благодаря которому СМИ могут оказывать воздействие на свою аудиторию, явля-

ются языковые манипуляции. Отражающая субъективное изложение событий и фактов, языковая манипуляция может быть направлена как на убеждение адресата в достоверности изложенных данных, так и на прямое манипулирование и контроль мнением реципиента. Исследователями подчеркивается, что зачастую реципиент не готов к тому, что тот или иной текст в СМИ может быть направлен на изменение или манипулирование его личной позицией (Nordlund 2003, 7), поэтому сам факт использования языковой манипуляции может быть не осознан адресатом, что может содействовать потенциальному непомерному использованию данного приема в общественно-политическом дискурсе для достижения политических и социальных целей как политическими субъектами, так и непосредственно журналистами, являющимся авторами текстов общественно-политического характера.

В статье от 5 августа 2022 г., посвященной визиту спикера палаты представителей США Нэнси Пелоси на Тайвань, можно наблюдать приемы языковой манипуляции уже в самом заголовке: «佩洛西窜访台湾六宗罪» (Ван 2022). Использованное здесь слово «窜访» имеет отрицательную коннотацию. На русский язык его можно перевести как «посетить с необъявленным визитом», «тайно посетить какое-либо место», «провести с кем-либо негласную встречу». Помимо этого, данный глагол употребляется для описания визита представителя из недружественных стран и отражения презрительного отношения к данному событию. В данном контексте это слово можно перевести как «снова туда-сюда как мыши». При прочтении

только заголовка реципиент уже понимает общее отношение к визиту Пелоси на Тайвань даже без дальнейшего подробного объяснения данного события. Помимо того, что слово «窜访» выражает отношение Китая к упомянутому инциденту, данный лексический прием языковой манипуляции также дает ему негативную оценку, тем самым имея возможность повлиять на собственное мнение адресата.

В этой же статье встречается одно предложение, которое наполнено несколькими различными способами языкового манипулирования: «近年来, 美方说一套、做一套, 不断虚化、掏空一个中国原则, 以“切香肠”方式挑战中方底线、红线。». Так, здесь употребляется такое художественно-выразительное средство, характерное для китайского языка, как 俗语 (суюй – в русском языке это средство выразительности можно сравнить с поговоркой) – «说一套、做一套». В данном контексте этот суюй также имеет отрицательную коннотацию, на русский язык его можно перевести, как «говорит — одно, а делает — другое». Употребление данного суюя дает оценочное суждение действиям США, уличая их в двуличии и не соответствии сказанных слов с фактическими действиями.

Интересным оказывается и употребление здесь политического термина «тактика нарезания салями» (“切香肠”方式), который в этом случае означает, что США проводят политику, в которой постепенно, благодаря реализации маленьких целей, достигается перемещение линии баланса сил. Данный термин также не характеризует западную державу с положительной стороны, тем самым представляя перед адресатом определенный односторонний

негативный образ государства, не предоставляя какой-либо дополнительной информации, которая могла бы противоречить вышесказанному. Использование оценочно-эмоциональной лексики, как, например, «虚化» (выхолащивание, размывание) и «掏空» (полностью все вытащить, ободрать как липку), для описания действий США по отношению к политике одного Китая, также подтверждает вышесказанное.

Визит Пелоси описывается, как «佩洛西的窜台表演», что буквально можно перевести, как «тайное тайваньское шоу Пелоси». Оценивания поездки политика как «шоу» также не оставляет других вариантов для интерпретации данного события. Категоричными оказываются и высказывания с явной отрицательной коннотацией «再一次破产» (еще один крах (по отношению к дипломатии и репутации США)), «注定要被世人唾弃» (суждено быть с плевок выброшенными миром) и «被历史扫进垃圾堆» (быть подметанными историческим ходом событий в мусорную свалку) по отношению к действиям США в отношении Тайваня. Поскольку у материкового Китая существует единственная позиция по отношению к Тайваню – и это принцип одного Китая, подобные оценочные выражения кажутся само собой разумеющимся. При этом стоит отметить, что данная категоричность в тексте данной новостной статьи также способствует распространению подобной бескомпромиссности и среди массовой аудитории. В свою очередь, подобные лексические приемы языковой манипуляции способствуют формированию определенного мнения у реципиента, которое в дальнейшем будет соотноситься

с позицией, которую занимает не только конкретное издание или журналист, но и с взглядами, которыми придерживается государство и КПК в контексте современных геополитических реалий.

Апелляция к авторитету и обращение к «плюс-фактам» (зачастую нейтральные факты, которые выставляются исключительно в положительном ключе для восприятия адресатом данного факта исключительно в положительном ключе) также являются одними из наиболее общеупотребимых способов языковой манипуляции в общественно-политическом дискурсе КНР. Так, например, в статье от 8 августа 2022 г. (Чжоу 2023) упоминаются порядка 20 международных организаций, их представителей и руководителей, которые поддержали КНР в их праве отстаивать принцип одного Китая и выступили против визита политика на Тайвань. Приведем лишь некоторые из упомянутых в статье имен и организаций: «摩洛哥中国友好交流协会会长穆罕默德·哈利勒» (президент Марокко-Китайской ассоциации дружественных обменов Мохамед Халил), «埃及中国友好协会副会长希夫尼» (Шифни, вице-президент Ассоциации дружбы Египта и Китая), «伊拉克中国友好协会主席海德尔·鲁拜伊» (Хайдер аль-Рубайи, председатель Ассоциации дружбы Ирака и Китая), «斯里兰卡中国社会工作文化合作协会主席英德拉南德·阿贝塞克拉» (Индрананде Абесекера, председатель Ассоциации социального и культурного сотрудничества Шри-Ланки и Китая), «尼加拉瓜中国友好协会主席梅尔卡多» (Меркадо, председатель Ассоциации дружбы Никарагуа и Китая) и др.

Было отмечено, что в статье упоминаются исключительно те страны и организации, которые высказали публичные слова поддержки Китаю, в связи с этим реципиенту показывают большое количество людей, согласных с позицией государства. Тем самым данный способ языкового манипулирования способствуют формированию категоричного мнения о данном событии у реципиента, который в своих суждениях может опираться на мнения представителей международных ассоциаций и организаций, а именно авторитетных источников. При этом в исследованных новостных публикациях, посвященных визиту Пелоси на Тайвань, журналистами и корреспондентами подчеркиваются лишь негативные последствия данного события. Тем самым можно говорить об употреблении такого приема, как «минус-факты», который создает у адресата негативное отношение к изложенной информации и влияет на дальнейшее формирование у него позиции на тот или иной счет.

Характерной особенностью китайского общественно-политического дискурса, в частности, средством языковой манипуляции, употребляемым в текстах СМИ, является использование в заголовках цитат, что также может относиться к апелляции к авторитету. Было отмечено, что в некоторых случаях в названии статей и публикаций сразу указывают автора цитаты, например, в данной статье от 17 августа 2022 г.: «普京：佩洛西窜访中国台湾地区是一次精心策划的挑衅» (Хуа 2022). В данном заголовке ссылаются на слова Президента Российской Федерации Владимира Путина и представляют дальнейшую информацию от имени главы

государства. В некоторых статьях в заголовке не указан автор цитируемых слов: «外交部介绍情况!“中方必将奉陪到底”» (Бай 2023). При этом при прочтении самого текста публикации адресату предоставляется информация о том, что цитата принадлежит Ван Вэньбиню (汪文斌), официальному представителю МИД КНР.

Еще одна особенность, которую можно отнести к системе языкового манипулятивного воздействия в китайских СМИ — использование чэньюев (成语). Чэньюй представляет собой идиоматическое выражение или фразеологизм, который чаще всего состоит из 4 фиксированных иероглифов. Так, например, чэньюй «指手画脚» в предложении «我们从不接受美国对中俄关系指手画脚, 甚至胁迫施压» (Бай 2023) обладает негативной коннотацией и означает «размахивать руками; давать указания». В данном контексте этот чэньюй описывает действия США по отношению к КНР и РФ, тем самым подчеркивает негативное отношение китайской стороны к любому вмешательству со стороны американского руководства в отношения между Китаем и Россией. Категоричное высказывание совместно с использованием «минус-факта» в этом случае способствует формированию негативного восприятия данных событий и с позиции реципиента.

Эмоционально-оценочная лексика в виде метафоры «拱火浇油» (подливать масла в огонь; обострить и без того ненадежную ситуацию) и выражения «趁机牟利» (воспользоваться случаем и наживаться) также отображает исключительно негативное отношение КНР к действиям США на международной политической арене. Подобные лексические способы языко-

вой манипуляции показывают действительность с одной, наиболее выгодной для адресанта стороны, тем самым формируя у адресата схожую позицию на счет конкретной описанной ситуации.

К тому же, было отмечено частое использование обобщения в статьях китайского общественно-политического дискурса для подчеркивания массовости того или иного мнения как признака его объективности и верности. К словам, выражающим обобщение, можно отнести «绝大多数» (абсолютное большинство), «毫无疑问» (без малейших сомнений), «无疑» (вне всякого сомнения), «人尽皆知» (всем известно), «当然» (само собой разумеется) и т.д. Подобные слова мы также относим к видам языковой манипуляции, поскольку зачастую вводимая данными словами информация не имеет фактических данных, которые могли бы показать её объективность. В большинстве случаев подобные обобщения направлены на убеждение адресата в верности и точности данной информации или манипулирование его мнением.

Ниже представлена диаграмма, показывающая количественное соотношение использования различных приемов языковой манипуляции в общественно-политическом дискурсе Китая и основанная на 45 новостных статьях и публикациях, рассмотренных в ходе данного исследования. (см. рис.1).

Из приведенной диаграммы видно, что наиболее часто встречались такие приемы языкового манипулятивного воздействия, как лексика с ярко выраженной негативной или положительной коннотацией, плюс-факты и минус-факты, идиомы и эмоционально-оценочные

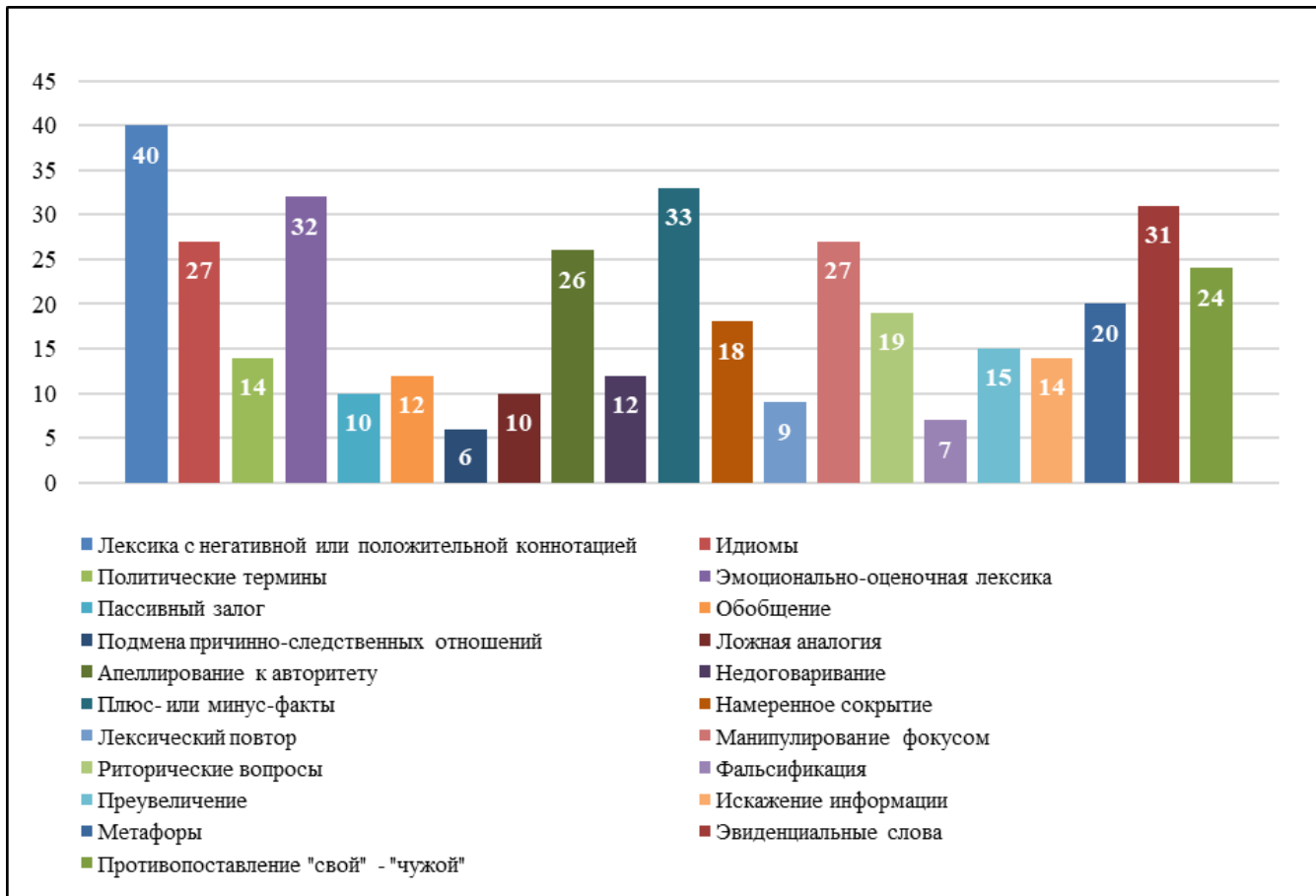

Рис. 1. Количество употреблений языковых манипуляций в статьях китайских СМИ.

слова и выражения. В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что в общественно-политическом дискурсе Китая для осуществления акта языковой манипуляции в новостных статьях активно используются все уровни языка, а именно грамматический, лексический и фонетический уровни. При этом также встречаются и графические способы манипулирования, например, изменение шрифта для подчеркивания ключевой мысли в тексте, использование различных символов (восклицательный и вопросительный знаки, кавычки), подчеркивание и выделение важных для акцентирования внимания подзаголовков.

В данной статье авторами была предпринята попытка исследовать особенности средств языковой манипуляции в китайских СМИ, употребляющихся в статьях и новостных публикациях, затрагивающих отношения КНР и США. Важной характерной чертой общественно-политического дискурса Китая, которая, соответственно, находит свое отражение и в используемых средствах языкового манипулирования, является отражение исключительно той позиции, которая транслируется правительством государства и КПК. Данный факт следует из того, что все официальные медиа на территории материкового Китая являются подведомственными правительству, поэтому

кардинально отличающиеся от государственной повестки статьи в ходе данного исследования рассмотрены не были.

Стоит отметить, что рассмотренные в ходе исследования способы языковой манипуляции, свойственные общественно-политическому дискурсу КНР, и их особенности представляют собой наиболее часто используемые техники языковой манипуляции, которые были отмечены в новостных статьях за 2021-2023 гг. в представленных новостных порталах и газетах. Сама система языковой манипуляции представляет собой постоянно меняющийся процесс, который к тому же является глубоко субъективным как для адресанта, так и для адресата. В связи с этим дальнейшее изучение данной темы может быть связано как с исследованием отдельных аспектов системы китайского языка в контексте формирования и существования техник языкового манипулятивного воздействия, так и с конкретными политическими, культурными, социальными и экономическими событиями, происходящими как во внутренней, так и во внешней политике Китая, и их отражением в общественно-политическом дискурсе с применением языковых манипуляций.

Список литературы

1. Негров Е.О. Трансформация политического дискурса в современной России: дис. ... канд. полит. наук. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб, 2008. 178 с.
2. Ровинская Т.Л. Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ). Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2002; №6. С. 87-93.
3. Amaglobeli G. Types of Political Discourses and Their Classification. Journal of Education in Black Sea Region. Vol. 3, Issue 1. 2018. Pp. 18-24.
4. Чжан Шэнли, Дин Сяоцян. (张胜利, 丁晓强) Стиль письма и построение политического дискурса с китайской спецификой. (文风与中国特色政治话语的构建) Шэньчжэньские социальные науки. (深圳社会科学) 2019. № 1. С. 5-12 (на кит.яз.)
5. Nordlund M. Linguistic manipulation: an analysis of how attitudes are displayed in news reporting. Luleå, 2003. 46 p.
6. Ван Ди (王頔). Негласный визит Пелоси на Тайвань представляет собой шесть преступлений. (佩洛西窜访台湾六宗罪) Новостная сеть «Синьхуа». (新华网) http://www.news.cn/2022-08/06/c_1128893882.htm (дата обращения 15.05.2024) (на кит.яз.)
7. Чжоу Чуцин (周楚卿). Многие дружественные организации и люди осудили визит Пелоси на Тайвань, выразив твердую поддержку принципа одного Китая. (多国友好组织和人士谴责佩洛西窜访中国台湾地区表示坚定支持一个中国原则) Новостной портал Sina News. https://k.sina.com.cn/article_1699432410_654b47da020010bjp.html#/ (дата обращения 17.05.2024) (на кит.яз.)
8. Хуа Ди (华迪). Путин: визит Пелоси в тайваньский регион Китая является хорошо

- спланированной провокацией. (普京: 佩洛西窜访中国台湾地区是一次精心策划的挑衅) Информационное агентство Синьхуа. (新华社) https://k.sina.com.cn/article_1699432410_654b47da020010fwy.html#/ (дата обращения 19.05.2024) (на кит.яз.)
9. Бай Юньи (白云怡). МИД провел брифинг! «Китайская сторона обязательно будет сражаться до победного конца». (外交部介绍情况!“中方必将奉陪到底”) Новостной портал Хуаньцю. (环球网) <https://news.sina.com.cn/c/2023-02-20/doc-imyhiumr8447400.shtml> (дата обращения 10.05.2024) (на кит.яз.)
- ### References
1. Negrov E.O. Transformation of political discourse in modern Russia: dissertation of a candidate of political sciences. St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2008. 178 p. (In Russ.)
 2. Rovinskaya T.L. The role of the media in the activities of “green” parties (the experience of the USA and Germany). Moscow: Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Political sciences. 2002; № 6. Pp. 87-93. (In Russ.)
 3. Amaglobeli G. Types of Political Discourses and Their Classification. Journal of Education in the Black Sea Region. Vol. 3, Issue 1. 2018. Pp. 18-24.
 4. Zhang Shengli, Ding Xiaoqiang. Writing style and construction of political discourse with Chinese characteristics. Shenzhen Social Sciences. 2019. № 1. P. 5-12. (In Chinese)
 5. Nordlund M. Linguistic manipulation: an analysis of how attitudes are displayed in news reporting. Luleå, 2003. 46 p.
 6. Wang Di. Pelosi’s covert visit to Taiwan constitutes six crimes. Xinhua News Network. http://www.news.cn/2022-08/06/c_1128893882.htm (accessed:15.05.2024) (In Chinese)
 7. Zhou Chuqing. Many friendly organizations and people condemned Pelosi’s visit to Taiwan, expressing strong support for the one-China principle. Sina News news portal. https://k.sina.com.cn/article_1699432410_654b47da020010bjp.html#/ (accessed:17.05.2024) (In Chinese)
 8. Hua Di. Putin: Pelosi’s visit to the Taiwan region of China is a well-planned provocation. Xinhua News Agency. https://k.sina.com.cn/article_1699432410_654b47da020010fwy.html#/ (accessed:19.05.2024) (In Chinese)
 9. Bai Yunyi. The Ministry of Foreign Affairs held a briefing! “The Chinese side will definitely fight to the bitter end.” Huanqiu News Portal. <https://news.sina.com.cn/c/2023-02-20/doc-imyhiumr8447400.shtml> (accessed:05.10.2024) (In Chinese)

Сведения об авторах

Ибрагимова Диана Радиковна,

Ассистент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Российская Федерация, г. Казань, ул. Пушкина 1/55

ddibragimova@gmail.com

Глушкова Светлана Юрьевна,

Канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Российская Федерация, г. Казань, ул. Пушкина 1/55

svetaelina@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;

Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;

Approved after reviewing 10.05.2024;

Accepted for publication 25.05.2024.

Information about the authors

Diana R. Ibragimova,

Assistant of the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation, Kazan, Pushkin st. 1/55

ddibragimova@gmail.com

Svetlana Y. Glushkova,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation, Kazan, Pushkin st. 1/55

svetaelina@gmail.com

The use of English words in the Vietnamese media

Использование английских слов во вьетнамских СМИ

Хо Тху Тху Ханг

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

Thuyhang2207ulis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7254-2218>

Ho Thi Thu Hang

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Corresponding author:

Thuyhang2207ulis@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7254-2218>

УДК 81-23 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-20-27](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-20-27)

АННОТАЦИЯ

Язык является великой ценностью всех народов в мире. Благодаря языку многие культурные традиции передаются из поколения в поколение. Однако тенденция глобализации в языке, как и другие сферы в жизни, подвержены этому влиянию. С каждым днем появляется все больше заимствованных слов во вьетнамском языке. Заимствованные слова используются от повседневных тем до экономических и политических сфер. Через определенный период времени определить, какие слова являются заимствованными, а какие — исконно вьетнамскими словами, это уже не простая задача.

Средства массовой информации (СМИ) используют язык как средство общения, поэтому они очень чувствительны, активны

ABSTRACT

Language is a great value of all nations in the world. Thanks to languages, many cultural traditions are passed on from generation to generation. However, the trend of globalization is also gradually affecting the language of a nation. Every day more and more borrowed words appear in Vietnamese language. They are widely used in many fields, from topics on everyday life to topics in economics, politics. Over a long period of time, determining which words are loanwords and which words — pure Vietnamese words is not a simple task.

The mass media use language as a means of communication, so they are very sensitive, active in the exchange and language development. Contemporary Vietnamese media reflect the diversity,

в обмене и развитии языка. Современные вьетнамские СМИ отражают разнообразие, инновации и тенденции развития современного вьетнамского языка. В статье исследуется использование английских слов во вьетнамских газетах. А также рассматриваются аспекты сохранения чистоты вьетнамского языка.

В работе использованы следующие методы: коллективный, статистический, сравнительный анализ, описательный, аналитический и метод синтеза.

Ключевые слова. Заимствованное слово, вьетнамский язык, вьетнамские СМИ, английские слова, самобытность языка, сохранение красоты вьетнамского языка.

Для цитирования: Хо Т.Т.Х. Использование английских слов во вьетнамских СМИ. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 20–28 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-20-28>

Vietnamese language has appeared for a long time and it has a long history of development. However, like other languages, Vietnamese language always moves to change in accordance with the requirements of modern life. Language contacts and borrowing are a common phenomenon in almost all languages in the world.

Today, in the context of globalization, English is considered a global language. English is one of the most important foreign languages taught in schools in most non-native English-speaking countries in the world. Since then, a lot of English ele-

ments have penetrated into other languages, including Vietnamese. English words have been incorporated into Vietnamese with a high speed and in large quantities.

The following methods are used in this paper: collective, statistical, comparative analysis, descriptive, analytical and synthesis method

Keywords. Loanword, Vietnamese language, Vietnamese media, English words, identity of the language, preserve the beauty of Vietnamese language.

For citation: Ho T.T. H. The use of English words in the Vietnamese media. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P.20-28 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-20-28>

In lexicology, a *loanword* (also spelled *loan word*) is a word imported into one language from another language. These words are also called a *borrowed word* or a *borrowing* (Richard, 2019).

Almost all languages in the world have borrowed words, because one language does not have enough words to define all concepts. Therefore, borrowing words from one language to another is

an indispensable trend in the process of cultural exchange and integration. However, it is necessary to be careful in using borrowed words to avoid losing the identity of the language receiving those words. If we want to achieve this goal, we should only use borrowed words when our language does not have suitable alternative words or alternative words are too long and complicated.

Loanwords play relatively important roles in Vietnamese language. They supplement new words that were not available in Vietnamese before. They also create words with different nuances of meaning from words in Vietnamese. The borrowed words are often more formal and have fuller meaning.

Nowadays it is easy to see loanwords in many areas of our life, especially in the media. To

clarify the use of English words in Vietnamese newspapers, some articles of the Vietnamese electronic newspapers, such as: “Vietnamnet, Dantri, VnExpress, Hoahoctro Magazine, Vietnamese Students, Tuoitre Online, Thanhnien Online, Kenh14” and some Vietnamese television programmes were studied. They are popular newspapers in Vietnam which have a large audience of young people and students. 30 articles were randomly selected and were divided into 6 topics, including: politics - society, education, daily life, economics, culture and entertainment, technology. Each topic has 5 articles, and each article has about 400-600 words. The survey of the number of English words appearing in articles will give us an overview of using English words in Vietnamese newspapers today.

	Topic	Total number of English words
1	economics	34 words
2	technology	50 words
3	daily life	31 words
4	politics – society	22 words
5	culture and entertainment	101 words
6	education	39 words
	Total: 30 articles	277 words/30 articles

Table. 1. The statistical table of the appearance of English words in Vietnamese newspapers

Таблица 1. Статистика использования английских слов во вьетнамских СМИ

On the basis of 277 words in the statistical table, it is found that there are words repeated many times in different articles, such as: internet, wifi, virus, online, hacker, website, email, comment, view, stress, show, showbiz, fan, fanpage, like, clip, MC, module, top, marketing, module, shopping... Among these words, there are some words appearing on many different topics, such as: website, online, stress, show, top, marketing, module, MC... These words appear from political and social articles to topics about life, economics, culture and entertainment.

From the results of the survey above, it can be seen that English words appear quite regularly and frequently in Vietnamese articles. Surveying 30 articles, we found 277 times that English words are used, and on average, each article has 9.2 words. In the survey, we do not take into account proper nouns in English used in Vietnamese newspapers, such as Apple, Amazon, Ebay, Samsung Electronic..., because they are proper nouns, we cannot replace it with another option. Therefore, we have to keep these nouns intact.

From 30 articles that we randomly selected for the survey, only in 5 articles they do not use any words in English (one article about economics, one article about education, two articles about social politics and one article about daily life). On the contrary, all articles on entertainment and cultural topics use English words. There are even articles in which more than ten words borrowed from English are used. The frequency of using loanwords from English depends on the content of the article. The articles on social and political topics have the lowest rate, only 4,4 words / article on average. The

articles about technology, culture and entertainment have the highest rate. There are articles with a dense number of English words appearing:

For example:

“Cả hai mẫu *GLE Coupe* của Mercedes và X6 của BMW đều pha trộn phong cách thiết kế giữa *crossover* và *coupe*” (Both the Mercedes GLE Coupe and the BMW X6 have a design that blends the crossover and the coupe) [1].

“Cùng với *Top 3 My Ebank*, danh sách ứng viên cho danh hiệu *Top 5 Internet Banking* và *Top 5 Mobile Banking* được VnExpress công bố trên giao diện mới của *website My Ebank* tại địa chỉ: *myebank.vnexpress.net*” (Along with *Top 3 My Ebank*, the list of candidates for *Top 5 Internet Banking* and *Top 5 Mobile Banking* titles is announced by VnExpress on the new interface of *My Ebank website* at: *myebank.vnexpress.net*) [2]. (More detailed information can be found via the links in Reference section).

Not only using English words in their articles, newspaper companies also use English words to name their online newspaper, such as: Tuoitre Online, ThanhnienOnline, Hoa Hoc Tro Magazine, VnExpress... There are even online newspapers that mostly name sections in English. For example: online newspaper “Kenh14” has Star / Music / Cine / TV show / Fashion / Sport / Cool / Video sections.

Moreover, some TV programs that attract many viewers are given English names next to Vietnamese names, such as: “Thần tượng Việt Nam”(Vietnam's Idol), “Giọng hát Việt” (The Voice), “Giọng hát Việt nhí” (The Voice Kids), “Vua đầu

bếp" (Master Chef), "Ai là triệu phú?" (Who Wants To Be A Millionaire?)... There are even TV programs that Vietnamese people rarely remember their Vietnamese names, for example: World Cup, Vietnam Next Top model, Vietnam's Idol...

From 277 English words that we found in the survey, there are some words which have been widely used by many generations or classes of Vietnamese people. Vietnamese people tend to use these words as Vietnamese words and they read these words with intonation and accent in Vietnamese. For example: TV – ti vi, game – game, yogurt – dâu gút, chat – chat, wifi – goai phai, clip – cò líp, internet – mạng in tơ nét, radio – đài ra đi ô, dollar – đô la... There are many loanwords from English that were translated into Vietnamese language, such as: chat (nói chuyện), television (vô tuyến truyền hình), post (đăng ảnh, đăng tin), games (trò chơi, trò chơi điện tử), show (buổi diễn), clip (đoạn phim), wi fi (mạng không dây)... However, most Vietnamese people, especially young people, prefer to use the English version more than its translation into Vietnamese. This is a general trend not only in Vietnamese but also in many other languages in the world.

In the past when Vietnamese people had to borrow words, they often just borrowed the meaning of those words (Đo, 2017). It means Vietnamese people used to try to understand the meaning of an English word and then translated it into Vietnamese. But nowadays, people tend to borrow English words but keep the original language form, for example: Wifi, internet, chat, MC, shopping, marketing, online, offline... As mentioned above, even on TV programs of major channels such as

VTV1, VTV3... or on Online newspapers, the English name is also used instead of Vietnamese one.

Borrowing words without changing the forms of words is a general trend of all the languages in the world today. If there are similar words between different languages, it will help people communicate more easily, especially in the current globalization context. In addition, it is not always possible for us to be successful in translating an English word into Vietnamese. Our translation version may be too long, or can not fully express the meaning of the original word. For example, the word "wifi" in English has the Vietnamese version "mạng không dây". As you can see, the Vietnamese version is longer, so Vietnamese people prefer to use English version. In some cases, borrowing words without changing the form of the original word is a correct choice, because the translation into Vietnamese is too long and does not fully express the meaning of the original word while the original word is concise and easy to remember.

When studying the use of borrowed words from the survey, we found that English words which were translated into Vietnamese often appear in articles about politics, society, economic and daily life... These articles are about general issues and they are read by wide and diverse audience. Therefore, these articles are required to be written more accurately and easily than articles about culture, entertainment and technology. (Đo, 2017)

On the contrary, the articles about culture, entertainment, mobile phones, and vehicles are often aimed at readers who are interested in these topics. These readers often know a lot about themes that interest them. Therefore, in articles on

these topics, English words appear a lot, and they are not translated into Vietnamese. More than 80% of the English words in Vietnamese articles that we surveyed belong to these topics.

For example:

“*Hacker Anonymous Malaysia "hạ gục" 50 website Việt Nam*” (Hacker Anonymous Malaysia” defeated “50 Vietnamese websites) [3] (More detailed information can be found via the link in Reference section).

In the category “Motorcycles” of Vietnamnet newspaper, “Xe ++” of Dan Tri newspaper, “Vehicle” on VnExpress, these English words, such as: crossover, coupe, sedan, hatchback, SUV, AT, MT... have become so familiar to readers. Authors of these articles used English words without any explanation in Vietnamese. Perhaps, they think that readers are able to easily understand the content of the articles without translation.

Or the words: ton sur ton, croptop, jumpsuits, retro, vintage, trendy, set, mix & match, tips, legging, item, street style... in the category “Fashion” of “Kenh14” newspaper are also completely familiar to Vietnamese fashion followers.

It is not difficult for music lovers to read articles with a range of English words about this topic, such as: hit, single, solo, live, cover, band, rock, ballad, Vpop, Kpop, MV, concert... without translation into Vietnamese language. (До, 2017)

In Vietnam, English is also a foreign language. Therefore, when a range of loanwords from English appear in the Vietnamese media, it makes Vietnamese people confused in correctly reading these words. And the pronunciation of an English

word often depends on the ability and habits of each person. Therefore, with the same English word, but Vietnamese people can read it in different ways: World Cup (vôn cúp, oãn cúp, uân cúp, guôn cúp, goãn cúp...), style (sờ tai, xì tai, xì tin, xờ tin...) (Чу, 1997).

In a lot of articles in Vietnamese, the words, such as: hot boy, hot girl, teen, cute... appear many times. Young people gradually get used to using the loanwords as in the articles and use them as a habit. In the past, Vietnamese people did not use the word “teenager”. In Vietnamese, there are many words which are suitable for expressing the age groups of teenagers. These words in Vietnamese are very good and appropriate, but why do Vietnamese people replace them with the word “teenager”? Currently, the word “teenager” appears a lot in newspapers for young people, and it has gradually replaced the pure Vietnamese words that Vietnamese people still used many years ago.

Vietnamese language also has many loanwords from Chinese besides English. According to the researchers, about 60% of Vietnamese words are borrowed from Chinese language. However, when a Chinese word entered into Vietnamese, it was changed in pronunciation to suit the phonetic system of Vietnamese. This type of reading is called Sino-Vietnamese reading. This type of reading was completely built up in 9th-10 th century and has been used stably up to now. (Чу, 1997).

In general, Vietnamese language borrows Chinese words for two purposes:

The first purpose — supplement the missing concepts in Vietnamese. Old Vietnamese language lacked many words, especially in the fields of

culture, literature — art, law, politics, economy, defence and education. In order to supplement the missing concepts, new words were created on the basis of principles of word formation in Vietnamese. At the same time, the Vietnamese also borrowed many words from the Chinese language.

For example:

Loanwords from Chinese in the cultural field: lễ nghi (ritual), lễ hội (festival), tôn giáo (religion), văn minh (civilization)...

Loanwords in the field of literature — art: tiểu thuyết (novel), hội họa (painting), điêu khắc (sculpture), trữ tình (lyrical)...

Loanwords in the legal field: hiến pháp (constitution), luật sư (lawyer), tòa án (court), quy định (regulations)...

Loanwords in the political field: chính phủ (government), độc lập (independence), dân chủ (democracy), liên minh (alliance)...

Loanwords in the economic field: công nghiệp (industry), tư bản (capital), tỷ giá (rate), chứng khoán (securities)...

The second purpose – creation of words having different nuances of meaning. (Чу, 1997)

Sometimes, there are not enough words with formal or general nuances of meaning in Vietnamese. Therefore, Vietnamese language has borrowed some words from the Chinese language with the same basic meanings as the words in Vietnamese, but with a different nuance of meaning. From here synonym pairs have appeared:

For example:

The pure Vietnamese words cause a sense of vulgarity, fear or pain, while Sino-Vietnamese

words bring nuances of courtesy and politeness.

The pure Vietnamese words: chết (die).

The Sino-Vietnamese words: từ trần (pass away).

Sino-Vietnamese words create more formal nuances of meaning than pure Vietnamese words.

The pure Vietnamese words: cưới nhau (marry), người già (old people).

The Sino-Vietnamese words: hôn nhân (wed), phụ lão (elderly people).

Today Vietnamese language still borrows words from Chinese. The newest example is the phrase “green tea”. “Green tea” is a drink from green tea. However, this phrase has been added a new meaning recently. The phrase “green tea” is now also used to refer to girls who always behave innocently, but are actually very tricky and cunning, and they are always interested in someone who already has a girlfriend or his own family. In this case, Vietnamese people only borrow the meaning of the phrase. And then, they express this meaning entirely in Vietnamese words.

President Ho Chi Minh said: “Language is the extremely long-standing and precious wealth of the nation. We must preserve, respect it and make it more and more popular. If we borrow the vocabulary of a foreign language while we also have our own, is that dependency?” [4] (More detailed information can be found via the link in Reference section).

In the context of globalization in all areas of life, the phenomenon of borrowing words from other languages has become a natural phenomenon of all languages in the world, including Vietnamese language. Loanwords are very necessary,

because a language cannot have enough vocabulary to call all the things and phenomena in life. However, the big issue is: how we can use borrowed words and still show a sense of respect and preservation of our language at the same time. Currently, a part of young people, as well as newspapers and television, have used loanwords too much and not selectively. This loses the beauty of Vietnamese language.

It can be said that preserving the beauty of Vietnamese language is a necessary task. However, preserving the beauty of the Vietnamese language does not mean that you have to completely delete loanwords. We can preserve the beauty of Vietnamese language by using loanwords at the right time, at the right place and with the right object. We should use borrowed words selectively and use pure Vietnamese words instead of borrowed words if possible. Moreover, it is not just the duty of the professionals, but the duty of everyone in Vietnam, from the president to the farmers.

Список литературы

1. Minh Vu. Differences between GLE Coupe and X6. <http://vnexpress.net/tin-tuc/oto-xe-may/gle-coupe-va-x6-nhung-khac-biet-3119179.html> (accessed:19.04.2024) (In Vietnamese).
2. VnExpress.net. Top 3 brightest candidates for the title "My Ebank 2014". <http://kinhdoanh.vnexpress.net/tin-tuc/ebank/thanh-toan-dien-tu/top-3-ung-vien-sang-gia-cua-danh-hieu-my-ebank-2014-3105190.html> (accessed:19.04.2024) (In Vietnamese).
3. Phong Van. Hacker Anonymous Malaysia took down 50 Vietnamese websites. <http://nhipsongso.tuoiitre.vn/tin/20141210/hacker-anonymous-malaysia-ha-guc-50-website-viet-nam/683022.html> (accessed:19.04.2024) (In Vietnamese).
4. Vietnam+. Mega story. Preserving the beauty of Vietnamese language. <https://mega.vietnamplus.vn/giu-gin-su-trong-sang-cua-tieng-viet-5364.html> (accessed:19.04.2024) (In Vietnamese).
5. Richard Nordquist. *Loanwords: Definition and Examples*. ThoughtCo, 2019. <https://www.thoughtco.com/what-is-a-loanword-1691256> (accessed:19.04.2024)
6. До Тху Ча (Đỗ Thu Trà). Влияние английского языка на вьетнамский язык СМИ. (Việc vay mượn các từ tiếng Anh trên phương tiện truyền thông đại chúng ở Việt Nam), 2017. http://lrc.quangbinhuni.edu.vn:8181/dspace/bitstream/DHQB_123456789/3673/1/pdf. (дата обращения 18.04.2024) (на вьет.яз.)
7. Май Нгок Чу (Mai Ngọc Chử). Основы языкознания и вьетнамского языка (*Cơ sở ngôn ngữ học và tiếng Việt*). – Ханой: Издательство Заозук, 1997. – 340 с. (на вьет.яз.)
8. Солнцев В. М. Вьетнамский язык / В. М. Солнцев, Ю. К. Лекомцев, Т. Т. Мхитарян, И. И. Глебова. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 100с.

References

1. Minh Vu. Differences between GLE Coupe and X6. <http://vnexpress.net/tin-tuc/oto-xe-may/>

- gle-coupe-va-x6-nhung-khac-biet-3119179.html (accessed:19.04.2024) (In Vietnamese).
2. VnExpress.net. Top 3 brightest candidates for the title "My Ebank 2014". <http://kinhdoanh.vnexpress.net/tin-tuc/ebank/thanh-toan-dien-tu/top-3-ung-vien-sang-gia-cua-danh-hieu-my-ebank-2014-3105190.html> (accessed:19.04.2024) (In Vietnamese).
 3. Phong Van. Hacker Anonymous Malaysia took down 50 Vietnamese websites. <http://nhipsongso.tuoitre.vn/tin/20141210/hacker-anonymous-malaysia-ha-guc-50-website-viet-nam/683022.html> (accessed:19.04.2024) (In Vietnamese).
 4. Vietnam+. Mega story. Preserving the beauty of Vietnamese language. <https://mega.vietnamplus.vn/giu-gin-su-trong-sang-cua-tieng-viet-5364.html> (accessed:19.04.2024) (In Vietnamese).
 5. Richard Nordquist. Loanwords: Definition and Examples. ThoughtCo, 2019. <https://www.thoughtco.com/what-is-a-loanword-1691256> (accessed:19.04.2024)
 6. Do Thu Cha (Đỗ Thu Trà). Vliyanie anglijskogo yazyka na v'etnamskij yazyk SMI. (Việc vay mượn các từ tiếng Anh trên phương tiện truyền thông đại chúng ở Việt Nam), 2017. http://lrc.quangbinhuni.edu.vn:8181/dspace/bitstream/DHQB_123456789/3673/1/pdf. (data obrashcheniya 18.04.2024) (na v'et.yaz.)
 7. Maj Ngok Chu (Mai Ngọc Chừ). Osnovy yazykoznaniya i v'etnamskogo yazyka (Cơ sở ngôn ngữ học và tiếng Việt). – Hanoj: Izdatel'stvo Zaozruk, 1997. – 340 s. (na v'et.yaz.)
 8. Solncev V. M. V'etnamskij yazyk / V. M. Solncev, Yu. K. Lekomcev, T. T. Mhitaryan, I. I. Glebova. – M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1960. – 100s.

Сведения об авторе

Хо Тху Тху Ханг

Старший преподаватель, кафедра китайведения и азиатско-тихоокеанских исследований, Институт международных отношений

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Thuyhang2207ulis@gmail.com

Infomation about the author

Ho Thi Thu Hang

Senior Lecturer, Department of Chinese and Asia-Pacific Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Thuyhang2207ulis@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;

Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;

Approved after reviewing 10.05.2024;

Accepted for publication 25.05.2024.

**Strategies for translating nationally-biased units from Russian into Chinese
(a study of the movie "He is a dragon")**

**Стратегии перевода национально-ориентированных единиц с русского
языка на китайский (на примере фильма "Он – дракон")**

*Мирзиева Лейсан Рифхатовна,
Шайхутдинова Евгения Николаевна,
Лю Сюй*

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

xianjing312@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-6835-0611

*Leisan R. Mirzиеva,
Evgeniya N. Shaikhutdinova,
Liu Xu*

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

xianjing312@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-6835-0611

УДК 81-26 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-29-](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-29)

АННОТАЦИЯ

В настоящее время, в связи с растущим интересом жителей Китая к русской культуре, актуальным становится вопрос о методах визуализации предметов, специфичных для русской культуры. Количество российских фильмов в китайской кинопрокатной сети растет. Соответствующий аудиовизуальный перевод на китайский язык - одна из составляющих успешного межкультурного обмена. Статья посвящена стратегиям перевода национально-ориентированных слов с русского языка на китайский в аудиовизуальном переводе. Помимо анализа перевода на китайский язык, для более полного понимания особенностей такого вида перевода были также проанализированы

ABSTRACT

For the present, due to the increasing interest of the China inhabitants in the Russian culture, the issue of Russian culture-specific items rendering methods becomes relevant. The number of Russian films in the Chinese film distribution network is increasing. Appropriate audiovisual translation into Chinese is a part of creating a successful intercultural exchange. The article is devoted to the strategies of nationally-biased words rendering from Russian into Chinese in audiovisual translation. Apart from the analysis of translation into Chinese, the examples of translation into English were also analyzed for more complete picture of understanding such type of translation peculiarity. The Russian film "He is a Dragon", which gained

примеры перевода на английский язык. Материалом для исследования послужил российский фильм "Он — дракон", завоевавший особую популярность у китайской аудитории. Статья посвящена этнографическим, социально-политическим словам русского языка, выделяющим национально-ориентированные единицы, и их способам перевода на иностранный язык в аудиовизуальном формате. В ходе исследования были выявлены следующие наиболее распространенные способы перевода: подбор функционального аналога, описательный, контекстуальный и приблизительный перевод. Метод фонетического перевода или транскрипции практически не был представлен. Кроме того, нам удалось выявить переводческие несоответствия и предоставить альтернативные варианты перевода для более глубокого понимания иностранным зрителем особенностей русской культуры.

Ключевые слова. китайский язык; национально-ориентированные единицы; перевод; переводческие стратегии; субтитры.

Для цитирования: Мирзиева Л. Р., Шайхутдинова Е. Н., Лю Сюй. Стратегии перевода национально-ориентированных единиц с русского языка на китайский (на примере фильма "Он — дракон"). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 29-
[https://doi.org/ 10.24412/2686-9675-2-2024-29](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-29)

1. INTRODUCTION

Each national culture has its own unique features, which are reflected in the language. The language acts as a cultural code carrier and a tool for

particular popularity among the Chinese audience, served the material for the study. The article focuses on the ethnographic, socio-political words of the Russian language rendering nationally-biased units and their ways of translating into a foreign language in an audiovisual format. The most common translation methods revealed in the course of the study were the following: the selection of a functional analogue, descriptive, contextual and rough translation. The method of phonetic translation or transcription was barely represented. Moreover, we succeeded in identifying translation inconsistencies and providing alternative translation options for a deeper understanding of the Russian cultural peculiarities by a foreign viewer.

Keywords: Chinese language; nationally-biased units; translation; translation strategies; subtitles

For citation: Mirzиеva L.R., Shaikhutdinova E.N., Liu Xu. Strategies for translating nationally-biased units from Russian into Chinese (a study of the movie "He is a dragon"). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 29- (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-29>

communication. There are many differences between Russia and China in spiritual culture, historical experience, worldview and other aspects, which present a particular difficulty in translation practice. Vocabulary, as the central part of the language,

is naturally most influenced by the material and spiritual culture of the nation; thus it can be affirmed that the vocabulary of a language could serve a material for exploring the features of a national culture.

Non-equivalent vocabulary (hereinafter abbreviated as NEV) in the language system directly and objectively reflects the specific feature of a country culture, and also “does not have regular correspondences in the target language” (1, p.157). The term NEV also includes such a concept as “nationally-biased units”. Objects characteristic of the life (daily routine, culture, social and historical development) of one nation and alien to another nation are denoted as nationally-biased units designated by words (and phrases), which being the carriers of national and/or historical values, as a rule, do not have exact matches (equivalents) in other languages, and, therefore, cannot be translated “on a general basis”, and require a special approach (2, p.47).

Thus, the main difficulties in conveying and revealing the meaning of a nationally-biased word in the target language is the lack of an appropriate analogue which could convey the meaning of a particular object, as well as the impossibility to fully convey its cultural and national characteristics. Moreover, the translator's task, when he is faced with such situation, is to be able to select correct translation strategies and transformations.

Yu.V. Artemieva and Yu.V.Yavari among the domestic scientists are in particular engaged in translation of nationally-biased units; they emphasize “the insufficient means of conveying such units as compared to the full range available in the trans-

lation of literary works”(3,p.101), since it is not often possible to supplement the translation with explanations in footnotes or in comments.

In this respect, the translators are faced with the problem of a translation strategy and tactics, which could be the most effective and correlated with the peculiarities of a film discourse. Research work in the field of the Russian nationally-biased lexical units' translation into foreign languages is carried out by both domestic and foreign linguists. Thus, Taniya Tribe deals with the strategy of Russian-language nationally-biased lexical units translating into Italian; she offers to translate them by subdividing into adapted borrowings, pseudo-translation, and translation with explanation, functional analogues, and loan-translation (4 ,p.56). The Russian scientist V.F. Shchichko distinguishes the following types of translation transformations for nationally-biased lexical units translating:

1) Transcription.

2) Loan-translation (translating of nationally-biased lexical units while preserving its semantic content).

3) Descriptive translation.

4) Rough translation (translation of nationally-biased lexical units with generic substitution).

5) Use of a functional analogue.

6) Combined translation method (using two translation methods simultaneously: transcription and loan-translation, transcription and explanation, loan-translation and explanation) (5, p.79).

7) Contextual translation.*

In our opinion, the contextual type of translation, which is offered by the Bulgarian linguists S.I. Vlahov and S.P. Florin, shall also be included here, when the content of the nationally-biased lexical unit is “rendered with the help of a context transformed in an appropriate way”(2, p.93).

2. MATERIALS AND METHODS

We used the method of comparative analysis in our work, when considering translation options of Chinese and English phrases containing Russian culture-specific words. Further, we draw our attention to the semantic and lexical analysis of the original text translation, highlighting the correspondences and discrepancies in the translation.

It should be noted that, we applied the classification of V.F.Shchichko in this article, because he was not only an outstanding specialist in the field of translation studies, but also a leading Russian Sinologist. Due to this fact, we were able to fully consider the specific features of the of Russian culture-specific words translation into Chinese in the movie “He is a Dragon” (2015), which, after its release on the wide screen, was especially popular among Chinese youth.

We also carried out a quantitative analysis of translation strategies in two target languages, which helped to conveniently express the frequency of different translation techniques employment, and to determine the more frequently used as well as not very popular ones among the translators.

3. FINDINGS AND DISCUSSION

The film “He is a Dragon” was released in 2015; it was directed by Indar Dzhendubaev, and

appeared in Chinese film distribution in 2016. It is a film adaptation of the novel “Ritual” by Sergey and Marina Dyachenko. The events of the picture take us to the Ancient Rus' era, which is full of mysticism, magic and mythical images. The plot is based on a legend about a sad tradition, according to which young unmarried girls were sacrificed by the locals to the dragon in exchange for their calm and peaceful life. But one day the dragon failed to take one of the girls to his den: her fiancé set off in pursuit of the dragon and defeated the evil monster. Since then, the sacrifices have ceased, and the ritual of sacrifice has become simply a part of the wedding ceremony.

The time frame of the film events determines the speech of the characters, which is saturated with purely historical culture-specific concepts and filled with national spirit. In this respect, the translator has to present an adequate translation without losing the main meaning of the content, while conveying the speech patterns of the main characters, preserving and emphasizing the national identity and atmosphere of the work.

Most of the culture-specific concepts we have considered in the movie “He is a Dragon” are ethnographic, that is, “units reflecting day-to-day life process or national types of activity”) (6, p.181). As a rule, a descriptive translation is employed for translation of such words, a generic replacement selecting or functional analogue methods.

Thus, at the very beginning, the narrator in the movie, introducing the legend to the audience and telling about the monster kidnapping brides, uses the word “дева” (maiden), which was translated in Chinese through a descriptive translation

as 年轻的姑娘, which literally means “a young girl”. In the Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language by Vladimir Dahl the word “maiden” means “every woman before her marriage”) (7). In Russian, this word is often used in fairy-tale discourse, for example, in the unit “дева-воительница” (warrior -maiden). The translation by the analogue technique was selected for the lexeme “дева” in English - “a young maiden”, meaning “a young and unmarried girl”, which fully corresponds to the definition of the original word in Russian.

Further, we meet this lexical unit in the phrase “старая дева” (old maid) when the younger sister speaks about the older one. The translator here used a descriptive translation, choosing the Chinese equivalent of 嫁不出去的老姑娘. In order to explain the meaning of this unit to a Chinese viewer, the translator added a verb with a compliment of probability 嫁不出去 with the meaning “cannot get married”. In the English translation we see the variant “old maid”, which can be characterized as a semantic loan-translation with a meaning synonymous to the Russian unit “старая дева” (old maid).

For the translation of the word “богатырь” (hero-knight) a functional analogue in the Chinese language 勇士 was chosen, meaning “a brave warrior”, a man of valor and honor. And in the English translation it was rendered through the lexeme “man”, which does not fully reflect the meaning of the word “богатырь” (hero). Since there is no equivalent of this word in English, the method of rough translation or generalization was used, which can also be interpreted as a generic substitution.

To translate socio-political realities, such as “princess” 公主 and “princess” 公爵夫人, a functional analogue was used, respectively, because the hierarchical system of the ruling classes in China and in the West is different. It should be noted that such equivalents are often used in Chinese also to convey the meaning of titles of high society in European countries, where 公爵夫人 means “duchess” and 公主 “princess”.

The selection of lexical analogues in English here is rather interesting. When a father addresses his daughter, saying the words of parting and support before marriage and emphasizes that she will soon become “княгиня” (prince’s wife), the word is translated as “duchess”. Further, one of the soldiers, addressing Miroslava, the youngest Prince’s daughter, calls her “княжна” (prince’s daughter), while the word is again rendered as “duchess”. Here the translator similarly selected a functional analogue, in spite of the fact, that “княжна” is the unmarried daughter of the Prince. Therefore, in our opinion, the translation closest to the original would be “princess”, which is more in line with the social status of the heroine Miroslava.

Separately, I would like to investigate and analyze the translation case related to the concept of “dragon” and the specifics of its interpretation in three languages. Thus, an evil dragon, which the narrator also calls “змея” (serpent), is mentioned several times in the legend. This is the name that these creatures often bear in Russian legends. For example, “Змей Горыныч”, the well-known image of a dragon in Russian culture) (8, p.189). In order to adapt this concept for the Chinese viewer, the translator avoided using a literal, verbatim

or descriptive translation, but turned to a functional analogue in Chinese, rendering it with "龙", because the original version can confuse the viewer due to a different worldview picture. Moreover, in this case, it would not be enough just to use the unit 龙, since a dragon in Chinese mythology does not have a negative connotation, being a symbol of imperial power, wisdom and strength. For this reason the epithet "evil" has been added.

The English version of the word "зме́й" translation is rendered through the word "dragon", which is similar to the Chinese version 龙, but the reason for choosing this lexeme is fundamentally different from the Chinese cultural tradition. Thus, the image of the dragon in Europe has always inspired awe and fear, being, on the one hand, the personification of great power, and, on the other, of a great evil. Calvert Watkins declares that the heroes in the indigenous European peoples' epics kill the monster because "the dragon symbolizes Chaos") (9, p.299), sows fear, brings devastation and grief. In this case, "dragon" is an adequate translation of the Russian word "зме́й".

Let us further turn to the translation of the phrase: "A terrible rite turned into a wedding custom" into Chinese: 曾经残酷的仪式变成了婚礼的习俗, namely, the transfer of the meaning of the word "обряд" (rite) in the target language. For this purpose, the translator applied such type of transformation as a functional analogue and chose the Chinese unit 仪式, which means "ceremony". From our point of view, this version does not fully reveal the meaning of the original unit. The reason for this is as follows: if we consider the units 仪式 and 习俗 in the context of the entire sentence, specifically in

the pair "rite — custom", which is considered from the position of "minor", "part" and "greater", "whole", where the first is an intermediate link, one of the stages of the second, then stylistic and semantic inconsistencies in the Chinese language become clearly evident, causing dissonance and conflicting associations. Accordingly, to optimize the translation, we propose to use the units 仪式 and 祭龙式 with the same root and logically matching each other. So, the final version will look like this: 曾经可怖的祭龙式也变成了婚礼的仪式, and the viewer will fully understand this episode and the subsequent plot itself.

Let us analyze the translation of the above units into English. Here, the loan-translation "dreadful ritual" and "wedding rite" were chosen, which are completely equivalent to the original variant: "the **dreadful ritual** was transformed into a **wedding rite**".

Here is another example of nationally biased unit translation with the help of a functional analogue. The older sister, complaining of the younger one, tells her: "Каркаешь еще!" (You are croaking!). The word "croak" in Russian, has the connotation "to bode ill". The Chinese expression 乌鸦嘴 is very close to it in semantics; it is literally translated as "crow's beak" and has the same meaning as the Russian word "каркать". Thus, the translator managed to translate the words of the sister succinctly and correctly as 你还在这乌鸦嘴. As for the translation of this phrase into English, the translator chose the word "jinx", which means "maleficate, curse, and croak disaster". The translation can be characterized as a successful, suitable, but still rough, since the word "каркать» (croak) in

the context of the analyzed episode from the movie "He is a Dragon" implies empty chatter and mumbling of the speaker, which can involuntarily bring something negative into the lives of the characters, while in English it means a conscious desire to bring trouble to a person, to whom the curse is addressed, verbally and through mental attitudes. It allows us to make a conclusion that the meaning of the original text is close to the English version, but the translation loses the emotional coloring of the Russian word "croak", its national bias.

The film introduction starts with the following line of a song: "Было небылью, да стало былью» (It was a malarkey, and it became a reality). The Russian words "быль" and "небыль" are of the same root and are formed from the adjective "былой", the literal meaning is "what really happened" (Etymological Dictionary by G. A. Krylov). Here the translator again selects the functional analogue of 往事如烟, 转瞬即逝. The first part is translated using the idiom 往事如烟, which literally means "the days of old are like smoke". Rendering of the transiency, brevity and elusiveness of time by comparing it with 烟 smoke, veil is very poetic and comprehensible to the Chinese audience. And another chéngyǔ, the Chinese idiom 转瞬即逝, was selected to render the ending "да стало былью" (and it became a reality) in Chinese, with the meaning "fleeting, quickly passing". It should be noted that here the translator managed to find albeit concise, appropriate, but for all that, rough equivalents for the language units of the source language. The meaning of these idioms is clear and comprehensible to the Chinese audience; it is organically woven into the linguistic narrative of the song. However, the idioms contain values and ideas exceptional and spe-

cific to Chinese culture, which do not fully coincide with the Russian worldview picture.

Consider the English version of the translation, presented as follows: "what was falsity became verity". The translator applied the method of loan-translation, thereby preserving not only the original meaning of the phrase, but even the external structure through a play on antonyms: true - fiction, verity - falsity.

4. HOW SET EXPRESSIONS ARE TRANSLATED USING CHÉNGYŪ

In the following lines of the ritual song, the word "саван" (shroud, grave-clothes) is mentioned, which came into Russian from the Arabic language and means "funeral robe of white fabric for the dead".

In Chinese variant of the line "...в белый цвет облачена, словно в саване стоит" (dressed in white as if in a shroud), 她身着白衣若着白殓衣般, to convey the meaning of the word "shroud", the functional analogue 殓衣" was chosen, which is translated from Chinese as "clothing for a dead person". However, this lexeme does not contain a specific indication of the color of the robe, so the clarifying adjective 白 was added before it, since the shroud must certainly be white. Based on all this, we can make a conclusion that a functional analog, manifested through concretization, was used in this example as a translation method.

The word "shroud" was selected to translate the word "саван" into English, the main meaning of which is "to cover", "to hide". In addition, it is also used in the meaning of "a cloth in which a corpse is wrapped for burial". Since the word "shroud" has a wide semantics, in our opinion, for

a more complete and accurate translation, it can be added with an epithet “funeral”, “burial”.

The generic substitution was also chosen to translate the word “сундук” (chest) in the phrase: “Однажды море выбросило сундук” (Once a chest was cast ashore) 一天海上漂来一只大箱子. In Chinese, the unit 箱子 has a wide semantics and means any box without specific features. In other words, the translator selected an equivalent with a common meaning, and in order to make it closer in meaning to the original, the adjective 大 (big) was added before it. In the English version, an equivalent “chest” with a generic correspondence was also selected, which has the meaning of a box for transporting or storing things.

Consider the continuation of the above indicated phrase — “внутри было что-то **невиданное**” (there was something startling inside). The word “невиданное” is very often used when it comes to something previously unknown, unprecedented, something that the speaker has never encountered before. It is often found in literary discourse, for example, in A.K. Tolstoy “Prince Silver”: “А по Оке-реке плывет чудовище невиданное, змей Тугарин” (And on the Oka-river floats a startling monster, the serpent Tugarin). When translating into Chinese, the descriptive method was used: 从未见过的东西, the unit means “an object, a thing that has never been seen before”, which made it possible to preserve the original meaning of the Russian original. In the English version of the translation, semantic loan-translation was used: “Inside it there was something **startling**”. The word “startling” with the meaning “shocking, amazing”, is derived from the verb “startle”, which is

synonymous with the Russian word “пугать” (scare). In this case, the central meaning of the phrase is preserved, telling us about something unthinkable and extraordinary, while the nationally biased concept is not fully conveyed.

The word “кормчий” (helmsman) pronounced by Prince Igor, addressing the helmsman: “А я вот может решил, кормчий?” (Maybe I have decided, helmsman?) was rendered into Chinese as 我已经决定了, 科尔木齐. It is an example of the phonetic transcription. If we take the phonetic loan 科尔木齐 separately in this version of the translation, or consider the syntactic structure of the sentence as a whole, the Chinese viewer may get the impression that “helmsman” is a name of one of the characters in the film or a formula of address, and not the occupation designation, which may cause an incorrect association and be classified as an inaccuracy or misrepresentation. An alternative translation here can be the word 舵手, which is translated as “helmsman, a person who controls a ship, a vessel”.

The word “helmsman” in the English translation of this phrase was totally omitted, which can be considered an example of contextual translation. Perhaps the translator decided that it would be more rational to omit this word, since one could clearly see on the screen, who the Prince Igor is addressing.

In the dialogue with the dragon, the main character Miroslava pronounces the following phrase: “Чур, не загораться” (Deal, do not light up!). The word “чур” is an interjection, prompting to comply with the agreement. In ancient times, the word was referred to protective swear words

which served to scare away evil forces and ward off misfortune. Here, the translator appropriately conveyed the meaning of this exclamation using a functional substitution with the meaning "I agree, that will do": 别着火，行不？

The English version of the translation of the word "чур" with the help of "deal" is also interesting, it can also be characterized as a functional analogue, due to which the general message of the phrase in the dialogue is preserved, calling on the addressee to comply with the agreement.

Let us further consider the translation of the word "темница" (dungeon) pronounced by Arman, the main character of the movie. The Chinese translator selected a functional analogue of 牢笼, which means "cage, trammels, and fetters". The lexeme "темница", meaning a place of imprisonment, prison, comes from the word "тьма" (darkness). It is used for both physical and figurative descriptions of imprisonment, often found in set expressions, for example, in the combination "темница души" (dungeon of the soul). The English version of the translation was the word "prison", this variant can be attributed to a rough translation with a generic correspondence.

Still it should be pointed out that in both cases the semantic connotation of "imprisonment in the darkness", which is present in the original word is missing in the translation.

In one of the episodes, Miroslava sings a lullaby to Arman, it begins with the phrase "баю бай" (bye-bye), a traditional phrase familiar to the Russian people. Words common to all of us from childhood are in fact the interjections formed from the verb "баять" meaning to tell fairy tales. In the Chinese version of the translation, the translator used the phonetic transcription 摇啊摇啊摇, selecting appropriate hieroglyphs similar in sounds flow. This phrase was translated into English through the contextual translation "Sleep, sweet child...", where the Russian culture-specific word disappears and is replaced by a phrase more familiar to a native English speaker.

The following diagrams are presented for the clearer understanding and obtaining a qualitative as well as a quantitative insight into the unique application of translation methods for Chinese and English languages translation on a specific language material. We analyzed in total about 20 examples in Chinese and English.

Chinese translation

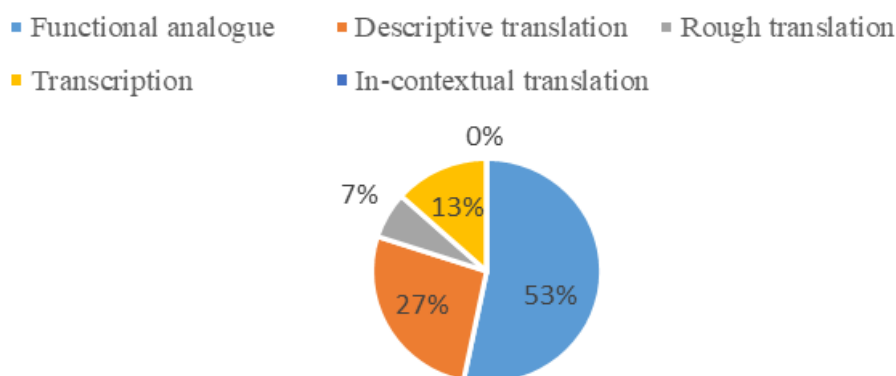

Fig.1 Chinese translation | Рис.1. Переводы с китайского языка

As we see in the first diagram, the most common method selected for translating Russian culture-specific concepts into Chinese is the functional analogue, which can be explained by the translator's wish to translate the source text as briefly and concisely as possible. The main principle is to adapt the translation to the nationally biased units of Chinese culture so that the words and text of the film could sound natural and be perceived in accordance with the norms of the native language for the viewers.

The second most common type of translation is descriptive. The reason for its application by

the translator is the ability to reveal in volume and detail the meaning of the culture-specific vocabulary of the source language. However, it may also make the text cumbersome, heavy, and therefore it is inferior to translation through the functional analogue.

Transcription is invoked in the case of onomatopoeia and proper names translation, helping to preserve the national bias. However, in some cases this method can lead to serious inconsistencies and distortions of meaning, as is the case with the translation of the word "helmsman", for example.

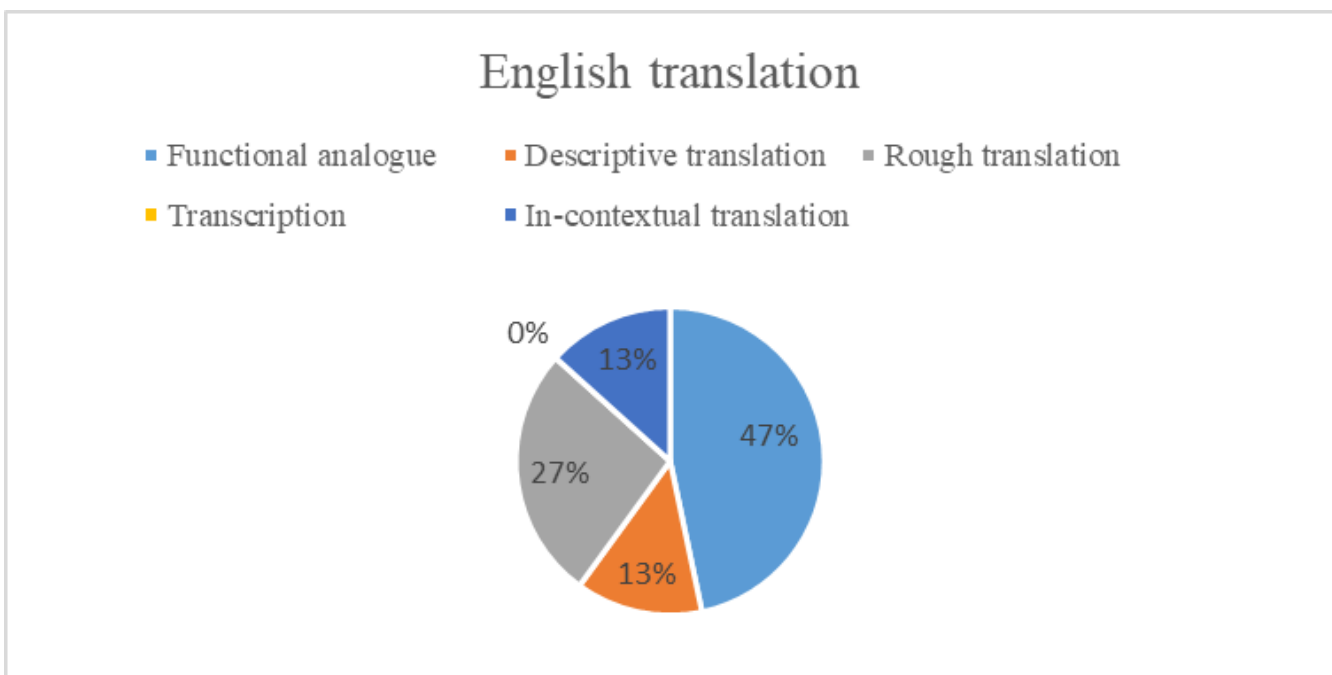

Fig.2 English translation | Рис.2. Переводы с английского языка

The following diagram represents the frequency of translation methods application for English translation. We can see that the proportion of certain translation methods has something in common, in particular, such a method as functional analogue. But, it is there, where all the similarities and intersections terminate: even within the

framework of this translation method, there are differences in the approaches of translators. Whereas in translation into Chinese the main tool is concretization, then generalization prevails in English. The preference for this particular translation method is explained by the presence of cultural values common to our and the Western world, as

a result of which it is rather easy to find a functional analogue.

Here we can see a complete lack of transcription method, which happens due to the peculiarities of audiovisual translation. The picture on the screen is already enough for the viewer to understand the meaning of certain culture-specific words of the Russian language. In such a situation, the translator rather prefers contextual translation, which is applicable for complex cases of functional analogues missing in the target language and the translator's intention to make the translation as clear as possible to the recipient.

5. CONCLUSIONS

Thus, during the analysis of the translation of subtitles from Russian into Chinese and English, it was found that the most common methods of translation are: the selection of a functional analogue, an approximate, contextual, and also a descriptive method. The transcription method was used extremely rarely.

Translators' preferences, in our opinion, rest on the specifics of film translation, which determines the trajectory of the translation process when working with text. Thus, the advantages of a functional analogue lie in the fact that this method, as a flexible and plastic material, makes it possible to "pile" such a look of the sentence and its individual units, which would be perceived as naturally as possible, so that the viewers might think that the original language is not foreign, but their native language.

Approximate or contextual translation allows a specialist working with a text to unload a sen-

tence, not to get stuck in unnecessary comments and explanations, which, on the contrary, will cause confusion in the minds of recipients. The compression of certain phrases is also dictated by the specifics of the genre — there are specific standards and restrictions on the number of characters in the translation line of the film text. As for transcription, the use of phonetic calque is limited to certain areas, so there are very few such examples in our analysis.

It is noteworthy that Chinese translators, as a tool for functional translation, usually resort to concretization, while English-speaking translators use hyperbole. The difference in approaches, of course, can be explained by the individual characteristics of the language and culture. At the same time, it is obvious that the dissimilarity in the translation of certain realities can be dictated by the context and the lexico-semantic group to which they belong. Thus, the main layer of examples studied by us refers to socio-political realities that indicate the social position and role of a person in society. Unlike Western European culture, in which there is no clear fixation on statuses (no doubt, in the Middle Ages, the attitude to this issue was different, but since translators are our contemporaries, they still pass the film through the filter of values of modern man), social roles, and today this issue is fundamental, there is a clearly defined hierarchy of power, therefore, higher and lower ranks are specifically delineated.

As mentioned earlier, the Russian movie "He is a Dragon" resonated with the hearts of Chinese viewers due to the fact that the translator was able to briefly and correctly convey the inner meaning of the characters' phrases through the prism of the

rich cultural tradition of the Chinese language, in particular through the use of *chéngyǔ* idiomatic expressions, which, on the one hand, correspond to the artistic style, and on the other hand, they are familiar and understandable to the carriers of the Chinese cultural code.

At the same time, we have identified some inconsistencies in the translation, which may affect the understanding of the meaning of individual episodes of the film. In particular, the translation of the words "rite" and "pilot", where we offered our alternative versions, which are aimed at ensuring that the recipients can grasp the meaning of the phrases as accurately and in full as possible.

Our analysis allowed us to realize that one of the main conditions for audiovisual translation is conciseness and clarity. Therefore, in order to achieve an adequate and high-quality translation, it is necessary to combine various techniques that will help to fully reveal the meaning of a certain reality of a foreign language. Also, the key principle is the context, the development of the plot and the visual plan, which largely influence the choice of words, the internal structure of the speech of the characters.

A feature of this study was that the authors considered the specifics of the WUA not only in the context of one, but two language pairs, and also offered alternative translation options that could improve its quality.

Cinema today is one of the most popular entertainments, the end result determines how adequately, realistically and positively they will perceive the culture of a particular country. Films in a foreign

language contain rich linguistic and cultural material, which makes it possible to use it in practical Chinese classes (listening, speaking) and translation.

Список литературы

1. Komissarov, V.N. Theory of translation (linguistic aspects). - M.: Higher school, 1990. 150 p.
2. Vlahov, S.I., Florin, S.P. Untranslatable in translation. 4th ed. M.: R. Valent, 2009. 360 p.
3. Artemyeva, J.V., Yavary J.V. Translation of Realia in Cinematography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 1, pp. 101-109. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-101-109
4. Triberio, T., (2021). INSIGHTS INTO TRANSLATION OF RUSSIAN REALIA. *Translation Studies: Theory and Practice*, 1 (2), pp. 56-68.
5. Shchichko, V.F. Chinese. Theory and practice of translation: textbook / V.F. Shchichko. - 2nd ed. - M: AST: East-West, 2007. 223 p.
6. Alekseeva, I. S. Introduction to translation studies: textbook. allowance for students. philol. and ling. fak. higher textbook institution. - St. Petersburg.: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; M.: Publishing Center "Academy", 2004. 302 p.
7. Dal, V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dal (Electronic resource): <https://slovardalja.net/word.php?wordid=6227>
8. Moiseenko, V. S. "The cultural code of the image of the dragon in Russian cinema (the film "he is a dragon", 2015) and its perception by Chinese viewers". *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 8 (64), 2019, pp. 189-192.

References

1. Komissarov, V.N. Theory of translation (linguistic aspects). - M.: Higher school, 1990. 150 p.
2. Vlahov, S.I., Florin, S.P. Untranslatable in translation. 4th ed. M.: R. Valent, 2009. 360 p.
3. Artemyeva, J.V., Yavary J.V. Translation of Realia in Cinematography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 1, pp. 101-109. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-101-109
4. Triberio, T., (2021). INSIGHTS INTO TRANSLATION OF RUSSIAN REALIA. *Translation Studies: Theory and Practice*, 1 (2), pp. 56-68.
5. Shchichko, V.F. Chinese. Theory and practice of translation: textbook / V.F. Shchichko. - 2nd ed. - M.: AST: East-West, 2007. 223 p.
6. Alekseeva, I. S. Introduction to translation studies: textbook. allowance for students. philol. and ling. fak. higher textbook institution. - St. Petersburg.: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; M.: Publishing Center "Academy", 2004. 302 p.
7. Dal, V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dal (Electronic resource): <https://slovardalja.net/word.php?wordid=6227>
8. Moiseenko V. S. "The cultural code of the image of the dragon in Russian cinema (the film "he is a dragon", 2015) and its perception by Chinese viewers". *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 8 (64), 2019, pp. 189-192.

Информация об авторах

Мирзиева Лейсан Рифхатовна,

Старший преподаватель кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

ch_leisang@mail.ru

Шайхутдинова Евгения Николаевна,

Старший преподаватель кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

xianjing312@mail.ru

Лю Сюй

Преподаватель кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

645706201@qq.com

Information about the Authors

Leysan R. Mirzиеva,

Senior teacher at the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies Kazan (Volga Region) Federal University

G. Kazan st. Pushkin 1/55

ch_leisang@mail.ru

Evgenia N. Shaikhutdinova,

Senior teacher at the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

G. Kazan st. Pushkin 1/55

xianjing@mail.ru

Liu Xu,

Teacher at the Department of Sinology and Asia-Pacific Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

G. Kazan st. Pushkin 1/55

645706201@qq.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;

Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;

Approved after reviewing 10.05.2024;

Accepted for publication 25.05.2024.

**Replacing complex sentences with simple sentences
(using the example of the Korean novel “Princess Bari”)**

**Замена сложных предложений на простые предложения
(на примере корейского романа «Принцесса Бари»)**

**Чжу Сун Мен¹,
Хабибуллина Э.К.²,
Сон Сомиа³**

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

schzhu@kpfu.ru

¹<http://orcid.org/0000-0001-7594-3378>

²<http://orcid.org/0000-0003-1709-275X>

³<http://orcid.org/0000-0003-3929-8636>

**Ju Sun Mean¹,
Elmira K. Khabibullina²,
Son Somia³**

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

schzhu@kpfu.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-7594-3378>

²<http://orcid.org/0000-0003-1709-275X>

³<http://orcid.org/0000-0003-3929-8636>

УДК 81-25 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-43-55](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-43-55)

АННОТАЦИЯ

До недавнего времени было проведено мало исследований по сравнению и сопоставлению переведённых текстов, в которых оригинальные сложные предложения при переводе превращаются в простые, и почти нет исследований по синтаксическому преобразованию между русским и корейским языками. В связи с этим целью данной работы является изучение феномена синтаксической трансформации между языком оригинала и языком перевода при переводе художественных литературных произведений. Кроме того, переведённый текст из названия статьи, в котором сложные

ABSTRACT

Until recently, there has not been much research on comparison and contrast of texts translated from complex original texts to translated short sentences, and there is almost no research on syntactic transformation between Russian and Korean. According to this situation, the purpose of the research in this paper is to study the phenomenon of syntactic transformation between the source language and the target language when translating literary works. In addition, the text translated from thesis article, in which complex sentences were translated into one simple sentence, was analyzed taking into account the aspect

предложения переводились в одно простое, был проанализирован с учётом переводческих приёмов (переводческого сдвига).

Актуальность данной работы обусловлена значительной нехваткой исследовательских работ по переводу между корейским и русским языками. В частности, отсутствуют исследования по сравнению сложных предложений на корейском языке и простых предложений на русском языке, связанному с особенностью синтаксической трансформации, являющейся частью языковой трансформации. Рассмотренным в данном исследовании переведённым текстом является корейский роман «Принцесса Бари», написанный Хван Согёном и опубликованный в 2007 году. Данный роман «Принцесса Бари» был переведён на русский язык Андреем Рыжовым и выпущен в 2015 г. московским издательством ООО «Луч».

Ключевые слова: переводоведение, синтаксическая трансформация, простое предложение, сложное предложение, корейский язык

Для цитирования: Чжу С. М., Хабибуллина Э.К., Сон С. Замена сложных предложений на простые предложения (на примере корейского романа «Принцесса Бари»). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 43-55 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-43-55>

of translation techniques (translation shift).

The relevance of this work is due to the significant lack of research work on translation between Korean and Russian languages. In particular, there are no studies comparing complex sentences in Korean and simple sentences in Russian, associated with the peculiarity of syntactic transformation, which is part of language transformation. The translated text examined in our study is the Korean novel "Princess Bari" written by Hwang Seok-young and published in 2007. In Russia, in 2015, this novel was published by Luch Publishing House LLC in Moscow and translated from Korean into Russian by Andrey Ryzhov.

Keywords: translation studies, syntactic transformation, simple sentence, complex sentence, Korean language

For citation: Zhu S. M., Khabibullina E.K., Son S. Replacing complex sentences with simple sentences (using the example of the Korean novel "Princess Bari"). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 43-55 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-43-55>

1. Введение

Сегодня, наряду с массовым распространением корейской культуры в России, различные корейские литературные произведения переводятся на русский язык, в связи с чем возникает потребность изучения переводных текстов с корейского и русского языков в аспектах трансформации языка или в сравнительно-сопоставительных аспектах.

Актуальность данной работы заключается в том, что исследований на тему перевода между корейским и русским языками очень мало, а работы, связанные с разновидностью трансформации языка — синтаксической трансформацией, касающейся сравнения сложных предложений в корейском языке с простыми предложениями в русском, вовсе отсутствуют. С целью изучения данной проблемы мы взяли оригинальный текст опубликованного в 2007 г. романа Хван Согёна «바리 데기», сравнили и сопоставили его с романом «Принцесса Бари», который был переведён на русский язык Андреем Рыжовым и издан ООО ИД «Луч» в Москве.

Конечно, изучению синтаксической трансформации между корейским и русским языками была посвящена работа Хабибуллиной, Чжу (2023), однако в этом исследовании уделялось внимание сравнению фраз (구, phrase) и частей сложного предложения (절, clause) в корейском языке с словосочетаниями и придаточными предложениями в русском языке. Можно сказать, что данная статья является первой работой, затрагивающей изменение сложных предложений на простые предложения при переводе с корейского языка на русский.

Цель данного исследования — установить, существуют ли определённые правила или условия для замены корейских сложных предложений на простые предложения в русском языке в аспекте синтаксической трансформации, а также понять, происходит ли потеря или изменение смысла в процессе замены. В данном исследовании использовались следующие методы: Во-первых, изучение и обзор предыдущих исследований, связанных с темой данной работы. Во-вторых, сравнительно-сопоставительный анализ предложения исходного языка и предложения переведенного языка. В-третьих, метод компонентного анализа (для выделения в значениях языковых единиц элементарных смыслов и сопоставления лексического состава единиц оригинала и перевода для выявления степени их соответствия друг другу).

Объектом исследования являются синтаксические трансформации, возникающие при замене сложных предложений в художественных произведениях корейской литературы на простые предложения при их переводе на русский язык.

Во-первых, в данной работе мы рассмотрели предыдущие исследовательские статьи по теме изменения сложных предложений в простые в аспекте синтаксического преобразования, а также попытались дать определение «синтаксической трансформации». Далее, в рамках нашего исследования перевода сложных предложений в простые, среди опубликованных на данный момент статей со схожей темой мы проанализировали работу, касающуюся изменения сложных предложений русского языка на простые предложения китайского языка.

Во-вторых, мы поразмышляли на тему различий синтаксических структур в корейском и русском языках. В-третьих, мы сравнили и сопоставили изменение сложных предложений в простые в переведённом тексте выбранного нами художественного произведения. В заключении были подведены итоги анализа и обсуждения текста.

2. Вывод

В данной статье был рассмотрен перевод сложных предложений корейского языка на простые предложения русского языка на основе романа Хван Согёна «Принцесса Бари». Основываясь на том, что сложные предложения становятся простыми благодаря анализу деепричастных и причастных оборотов между русским и китайским языками, и татарским и турецким языками, мы также проанализировали изучаемые нами корейский и русский языки, и не смогли найти случаи, когда сложное предложение, в котором есть причастия и деепричастия, было переведено в простое предложение.

В процессе перевода причин, по которым происходит потеря смысла — множество, однако в данном случае потеря смысла происходит, в первую очередь, из-за того, что при переводе двух языков разных языковых видов изменения в синтаксической структуре неизбежны и во вторую очередь, значение может измениться из-за манипуляций переводчика.

Наконец, членение предложения — это одна из категорий синтаксической трансформации, при которой сложное предложение разбивается на несколько простых предложений.

Был случай, когда сложно предложение вместо того, чтобы быть разделённым на несколько простых, было переведено в одно простое предложение, и мы решили, что это следует включить в членение предложений. Причина этого заключается в том, что при переводе сложного предложения исходного языка отказывались от одного простого предложения и переводили другое.

3. Предыдущие исследования

3.1. Определение «синтаксической трансформации»

Я.И. Рецкер определяет «синтаксическую трансформацию» как изменение порядка слов, дробление и объединение предложений, изменение структуры предложения, замену частей речи и членов предложения, добавление и опущение слов при переводе (Рецкер 1981, 21). В работе Казаковой (2001) также обозначен перевод антонимов, нулевой перевод, а также приёмы распространения, дополнения, присоединения, функциональной замены. Такое толкование может быть рассмотрено в контексте ньюмарковской теории «процесса процедуры перевода» или в качестве типа перевода сравнительной стилистики.

Согласно работе Хабибуллиной (2016), в общем виде синтаксическая трансформация представляет собой замену синтаксической конструкции одного типа на другую, а суть синтаксической трансформации заключается в изменении функции слов и словосочетаний посредством их преобразования (Хабибуллина, Чжу 2023).

Таким образом, мы дали определение «синтаксической трансформации». Можно сказать, что это понятие, как одно из нескольких используемых в теории перевода, представляет тип изменения языковой формы, который имеет дело с системой синтаксических преобразований двух языков для исследования перевода. Синтаксическая трансформация, как правило, представляет собой замену одного типа синтаксической конструкции другим. Суть синтаксических трансформаций заключается в изменении синтаксических функций слов и словосочетаний посредством модифицирующих операций. Иными словами, эквивалентные отрезки исходного и переводного высказывания представляются в переводе разными членами предложения.

Кроме того, существуют определённые элементы, анализируемые при синтаксической трансформации. Обычно они делятся на уподобление предложений, объединение и членение, замена простых предложений на сложные, замена видов синтаксических связей и типов предложений. Мы не стали добавлять сюда замену сложных предложений простыми, а рассматривали это с точки зрения членения предложения.

3.2. Предыдущие исследования на тему перевода сложных и простых предложений

Несмотря на то, что исследований по переводу сложных и простых предложений с точки зрения синтаксиса не так много, нам удалось найти недавно опубликованную статью Ань Лихуна (2022).

В данной статье показано, что в сложноподчинённых конструкциях русского языка

присутствуют различные виды изъяснительных, определительных придаточных предложений и придаточных меры и степени, а отсутствие таких придаточных в китайском языке вызывает серьёзные трудности при переводе с русского на китайский язык и наоборот (Ань Лихун. 2022, с. 30). В данной статье указывается, что сложности перевода могут быть связаны с несоответствием количества видов сложных предложений, поскольку в русском языке их больше, чем в китайском. Также показано, что некоторые сложноподчинённые конструкции русского языка не имеют эквивалента в китайском языке и при переводе преобразуются в простые предложения.

В своём исследовании Ань Лихун объясняет причину, по которой сложные предложения русского языка заменяются простыми, ссылаясь на Сюй Фэнцзя (2013). В русском языке словосочетания состоят из знаменательных слов, находящихся в отношениях подчинения (согласования, управления, примыкания), при этом сочетание из подлежащего и сказуемого не считается словосочетанием, а является грамматической основой предложения. В китайском языке — сочетание из подлежащего и сказуемого рассматривается как словосочетание, оно может выступать членом предложения. Именно поэтому в китайском языке существует особый тип предложения — предложение с включённой частью (包孕句), представляющее собой конструкцию из подлежащего и сказуемого, в котором может находиться ещё одна конструкция из подлежащего и сказуемого (Сюй Фэнцзя, 2013, с. 118—125). Другими словами, он придерживается позиции, что предложения

с включенной частью (包孕句) в китайском языке являются простыми предложениями. В статье Ань Лихуна (2022) видно, что при преобразовании предложений в значения, соответствующие исходному языку, бывают случаи, когда из-за синтаксических различий невозможно не поменять сложное предложение на простое.

3.3. Сложные предложения, содержащие деепричастные и причастные обороты

В 2014 году Чэнь Готин в своих работах упоминал, что «обычно при переводе с русского на китайский язык причастные и деепричастные обороты преобразуются в простые предложения, поскольку в китайском языке нет соответствующих разновидностей конструкций».

Кроме того, в работе Хабибуллиной 2016 года было упомянуто, что «чаще всего деепричастные или причастные обороты заменяются спрягаемыми глагольными формами». (Хабибуллина 2016. с. 230–231). Исследование Хабибуллиной касалось двух схожих языков, в частности сравнения татарского и турецкого языков. Однако в случае языков разных категорий - русского и китайского, нас привлекло то, что причастия и деепричастия были переведены в простые предложения.

Работы по исследованию особенностей перевода причастий и деепричастий с русского языка на корейский язык отсутствуют. И причина, почему мы сосредоточились на рассмотрении этой части данного исследования, заключается в том, что бывают случаи, когда ничего не остаётся, кроме как менять сложные

предложения на простые. Мы рассмотрели несколько выбранных примеров предложений из романа «Принцесса Бари».

1. 그렇게 되어서 할머니는 내 이름을 '바리'라고 짓기로 했다.

2. Так вышло, что бабушка решила назвать меня Пари. (стр. 12)

И исходное, и переведенное предложения являются сложными предложениями. Деепричастие «짓기로», подчеркнутое в исходном предложении, является разновидностью существительного «짓다» (нарекать), и в переводе мы можем видеть данное деепричастие в первоначальной форме глагола «назвать».

3. 할머니가 뛰쳐나와 우리를 달래기 시작했다.

4. Выбежавшая из дома бабушка приняла меня успокаивать. (стр. 34)

В данном примере и исходное, и переведенное предложения являются сложными. Подчеркнутое выше деепричастие «달래기» также переводится в первоначальную форму глагола «успокаивать», имеющую то же значение. Как и в двух приведенных выше примерах предложений, деепричастие часто переводится в первоначальную форму глагола. С другой стороны, в примере 4 слово «выбежавшая», написанное в форме причастия, схоже с исходным глаголом и структурой соединительного окончания «뛰쳐나와» (выбегать).

5. 돌아보니 어느 틈에 나를 따라 강을 건너 온 칠성이가 젖은 몸을 털고 있었다.

6. Ба! Да это Чильсон, увязавшись за мной, вылез на берег и отряхивался от воды. (стр. 84-85)

И исходное, и переведенное предложения являются сложными. Подчеркнутое слово «건너온» можно рассматривать как прилагательное или как причастие прошедшего времени. В случае со словом «건너온», в переводе используется прошедшая форма глагола — «вылез». А подчеркнутое в 5 предложении слово «따라» является союзным наречием, и в данном случае переводится на русский язык как возвратное деепричастие «увязавшись».

7. 여러 장면을 보여주던 연못의 수면이 사라지고 다시 어둠이 주의를 덜는다.

8. Показавшая все эти эпизоды вода в пруду исчезает, и темнота снова окутывает всё вокруг. (стр. 134)

9. 옆에 섰던 부르카를 쓴 여인이 형겁 안에 서 웅얼웅얼 말한다.

10. Стоявшая рядом женщина в чёрном тоже пробормотала: (стр. 255)

Как в случае с примерами 7–10, префиксное окончание «-더», означающее воспоминания о прошлом, часто переводится как причастие. Однако, скорее всего, для определения правил перевода корейских причастных и деепричастных оборотов необходимы более тщательные исследования. Как видно из приведённых выше примеров, причастия и деепричастия на языке оригинала в основном преобразовывались в другие формы речи на языке перевода. Кроме того, ни в одной из пяти пар примеров, приведённых выше, не было перевода в простые предложения, что означает, что в корейском языке предложения, содержащие при-

частные и деепричастные обороты, редко преобразовываются в простые предложения.

4. Сравнение синтаксических структур в русском и корейском языках

Предложения можно условно разделить на простые предложения и сложные предложения. Можно сказать, что это общее для всех языков. Кроме того, и в корейском, и в русском языке простым предложением можно назвать предложение, состоящее только из одного подлежащего и сказуемого. Как правило, структура сложного предложения включает в себя несколько подлежащих и сказуемых. Сложные предложения в русском и корейском языках отличаются друг от друга. Существуют различия не только в порядке слов, но и в предложениях, соединённых служебными словами, такими как союзы, а также в предложениях, соединённых частями предложения или фразами.

Начнём с того, что в русском языке сложное предложение состоит из двух или более коротких предложений.

В русском языке сложные предложения могут соединяться без использования союзов, а также образовываться с помощью союзов. Сложные предложения в русском языке можно условно разделить на сложносочинённые и сложноподчинённые.

11. 그녀는 그가 스스로 쉽게 그 일을 행할 수 있다는 것을 알고 있다.

12. Она знает, что он сам легко сможет выполнить эту работу. (наш перевод)

В примере 11 подчёркнутая часть выступает в роли корейского подлежащего и сказуемого, что называется обнимающим предложением (Такие предложения также называются встроенными (內包文, вложенное предложение, embedded sentence)). Такие обнимающие предложения делятся на дополнительные, атрибутивные определения, предложения с наречием, описательные и предложения с цитированием. В корейском языке придаточные предложения присоединяются с помощью причастных окончаний «-ㄴ/는, -ㄴ/은, -르/을, -던» и частиц. В случае союзных предложений, присоединение происходит с помощью соединительных окончаний «-고, -나, -면» и др.

13. 우리가 집에 도착했을 때 이미 어두웠다.

14. Когда я пришёл домой, было уже темно. (наш перевод)

В примере 13 представлена структура, в которой передняя и идущая за ней части предложения стоят рядом, и такие предложения называются соединёнными (conjunct sentence) предложениями. (Ko En Gyn, Gu Bon Kwan 2018, 316 -317)

Такие соединённые предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Это похоже на сложносочинённые и сложноподчинённые предложения в русском языке. Поскольку в русском языке существует только эти две формы сложного предложения, обнимающие предложения корейского языка также выступают как сложносочинённые и сложноподчиненные предложения в русском языке.

15. 세아는 엄마가 목걸이를 선물해 주기를 원한다.

16. Сеа хочет, чтобы мама купила себе ожерелье. (наш перевод)

Глядя на пример 15, можно сказать, что подчёркнутое придаточное изъяснительное предложение является ответом на вопрос «Что хочет Сеа?». Другими словами, в примере 16 подчёркнутая часть подчиненного предложения — это дополнение сказуемого главного предложения, внутреннее придаточное предложение становится придаточным существительным, так как к нему в конце добавляется частица «-을/를».

Таким образом, сложные предложения в корейском языке подразделяются на обнимающие и соединённые, а сложные предложения в русском языке — на сложносочинённые и сложноподчинённые. Ничего не остаётся, кроме как преобразовывать корейские обнимающие предложения в сложносочинённые или сложноподчинённые предложения в русском языке, а предложений с такой синтаксической структурой корейского языка невозможно встретить в переводах.

5. Сравнение сложных предложений языка оригинала и простых предложений языка перевода в романе «Принцесса Бари»

В романе «Принцесса Бари» примеры, в которых сложные предложения были заменены на простые, встречаются редко, но среди них были выбраны три пары примеров для анализа

языка оригинала и языка перевода с точки зрения синтаксической трансформации. Первый пример представляет собой случай, когда сложное предложение, содержащее дополнительное предложение в роли подлежащего, превращается в простое предложение. Во втором примере в простое предложение меняется эквивалентное сложноподчинённое предложение, а в третьем – сложное предложение, содержащее придаточное в роли дополнения.

17. 거뭇거뭇한 사람들의 형체가 어렵פות하게 보였다.

18. Неясно виднелись тёмные фигуры людей. (стр. 117)

Подчеркнутая часть в примере 17 служит подлежащим в предложении. Структура примера 17 такова [атрибутивное определение + атрибутивное определение + подлежащее], где «사람들의» — это атрибутивное определение, производное от существительного, а «형체가», находящееся в составе подлежащего, также является существительным. В примере 18 расположение было изменено: впереди присоединились «фигуры», соответствующие подлежащему «형체가», а позади него присоединились «людей», соответствующие «사람들의». Слово «거뭇거뭇한 (Местами отливающий чёрным цветом)», переведенное как «тёмные», так и стоит в самом начале, не поменяв положение. При сочетании двух существительных порядок слов в корейском и русском языках обратный. Также «거뭇거뭇한», относящееся к цветовой лексике, означает «местами отливающий чёрным цветом», но так как такого выражения отдельно в русском языке не существует, оно пе-

реведено как «тёмные», поэтому трансляционным сдвигом здесь можно назвать «адаптацию».

Пример предложения 17 представляет собой структуру одного вложенного предложения, а подчеркнутую часть в примере 17 можно изменить в предложение «Фигуры людей тёмные». Подчеркнутая в примере 18 часть «тёмные фигуры людей» составлена из словосочетания и играет в предложении роль существительного. Сравнивая и сопоставляя предложения 17 и 18 с точки зрения трансляционного сдвига перевода, изменился синтаксический порядок слов, то есть это «пересечение». Помимо этого, слово «거뭇거뭇한», принадлежащее в цветовой лексике, означает «местами отливающий чёрным цветом», но поскольку такого слова отдельно не существует, данное выражение было переведено как «тёмные», что является трансляционным сдвигом «адаптация».

Если посмотреть с точки зрения синтаксической трансформации, то это можно разобрать как «перестановку порядок слов», а при взгляде на предложение в целом, оно превратилось из сложного в простое, что можно рассматривать как упрощение синтаксической структуры. С точки зрения членения предложения структура изменилась от сложного предложения к простому. Однако этот тот случай, когда перевод осуществляется без каких-либо смысловых потерь.

19. 할머니는 산에 가면(1) 모르는 것이 없었다.(2)

20. Бабушка знала всё(3) о дикорастущих растениях.(4) (стр. 81)

Пример 19 представляет собой конструкцию условного наклонения, используемого с соединительным окончанием «-으면», и является однородным подчиненным. Однако в примере 20 предложение заменено на простое. Другими словами, сложное предложение в примере 19 было изменено на простое предложение, и причина, по которой оно было изменено, заключается в том, что часть, соответствующая придаточному исходного языка, преобразована в словосочетание. (2) — это отрицательное выражение, повторенное дважды, оно изменилось на (3), как положительное выражение. Значение части (1) — «если бабушка пошла на гору», но оно изменилось на совершенно другое значение, как и в (4). На исходном языке нужно понять по контексту, чего не знает бабушка, на целевой язык был выполнен точный перевод для читателя. Несмотря на то, что было добавлено новое значение, можно сказать, что оно является частью, воплощающей контекстуальное значение исходного языка, поэтому трансляционный сдвиг в данном случае — «амплификация».

Конечно, пример 19 можно перевести как «Если бабушка пойдёт в гору, то нет ничего, что она не знает». Исходный язык является эквивалентным сложноподчинённым предложением, а наклонение было в условное, и формат исходного языка был отброшен. Однако пример 20 представляет собой простое предложение, наклонение — изъявительное, поэтому синтаксическая структура и категория грамматики также поменялись. Другими словами, с точки зрения синтаксической трансформации изменилась синтаксическая форма, что привело

к потере смысла. Отказ от формата языка оригинала и перевод с акцентом на смысл представляют собой манипуляцию со стороны переводчика. То есть, изменение смысла (а именно — расширение смысла) в очередной раз произошло вследствие действий переводчика.

Если смотреть с точки зрения синтаксической трансформации, то расположение частей предложения происходило очень динамично по стандарту «перестановки порядка слов», а при взгляде на предложение в целом, оно менялось от сложного предложения к простому, поэтому это можно рассматривать как «упрощение синтаксической структуры». В аспекте членения предложения структура поменялась из сложного предложения в простое. Примеры 19 и 20 демонстрируют множество манипуляций переводчика.

21. 뒤에 진이 큰언니의 중얼거리는 소리가 들렸다.

22. А моя сестра Джини проворчала: (стр. 31)

В сложном предложении из примера 21 подлежащее опущено, а «뒤에 진이 큰언니의 중얼거리는 소리» представляет собой дополнительное предложение. В примере 22 можно увидеть, что подлежащее переведено как «А моя сестра Джини». Если снова перевести сложное предложение в примере 21, то получится «Я услышала позади себя бормочущий звук старшей сестры Джини». Это предложение восстанавливает слово «Я», которое было опущено в исходном языке с лингвистической и культурной точки зрения, а также переводит его близко к форме оригинала. Таким образом, значения «я услышала звук» и «позади» опускаются,

и в плане переводческого приёма (вариативности перевода) это можно назвать «упущением». С синтаксической точки зрения этот пример предложения необходимо рассматривать в рамках членения предложения, поскольку из сложного предложения исходного языка было получено только одно простое.

6. Заключение

Во-первых, исследования переводных текстов со сложными и простыми предложениями имели прецеденты на русском и китайском языках и анализировали явление и причины перевода сложных предложений в простые из-за синтаксических различий. При переводе деепричастные и причастные обороты обычно заменяются простыми предложениями, однако исследования перевода с корейского на русский язык очень редки, и в корейском языке не удалось обнаружить ни одного случая, когда данные конструкции были бы переведены в простые предложения. Скорее, было обнаружено, что в корейском языке функциональные слова, такие как глаголы, союзные наречия и окончание «-던» вместе со связующими окончаниями легко преобразуются в причастия в русском языке.

Во-вторых, в целом, учитывая большие синтаксические различия между корейским и русским языком, было бы уместно переводить с акцентом на сохранение смысла, однако были случаи, когда при переводе сложные предложения превращали в простые, несмотря на смысловые потери. Возможно, причиной послужили синтаксические различия между двумя языками, но это также могло быть связано

с манипуляциями переводчика. Примером этого может служить изменение условного наклонения на простой повествовательный формат предложения.

В третьих, когда придаточная часть сложного предложения с корейского языка переводится как словосочетание на русский язык, то в русском языке она преобразуется в простое предложение. Мы рассматривали случаи изменения сложного предложения в простое как «упрощение синтаксической структуры».

В-четвёртых, членение предложений, являющееся типом перевода, классифицируемым как синтаксическое преобразование, обычно относится к методу преобразования одного сложного предложения в несколько простых. Однако следует учитывать и перевод сложного предложения в одно простое. В качестве примера мы взяли сложное предложение исходного языка, которое можно бы перевести в два простых предложения, но из двух коротких предложений мы перевели только одну часть, а от перевода другой части отказались.

Список литературы

- 1) Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. Москва: ЭТС, 2001. С. 424. (на русс. яз)
- 2) Рецкер, Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. Москва: Вышс. шк., 1981. – Вып. 1. С. 160. (на русс. яз)
- 3) Ко Ен Гын, Гу Бон Кван. Корейской грамматики, переработанное издание [우리말 문법론 개정판]. Сеул: Чипмунданг, 2018. С. 608. (на кор. яз.)

- 4) Чэнь Готин. Сравнительный синтаксис русского и китайского языков [俄汉语对比句法学]. Шанхай : Издательство Shanghai Foreign Language Education Press, 2014. С. 306. (на кит. яз.)
- 5) Сюй Фэнцай. Сравнительное изучение русско-китайских сложных предложений [俄汉语复合句对比研究]. Пекин : Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2013. С. 186. (на кит. яз.)
- 6) Хабибуллина, Э.К., Чжу С. Синтаксические трансформации при переводе художественных произведений с корейского на русский язык на примере перевода. Казанский лингвистический журнал. 2023. – № 6 (2). С. 198–210.
- 7) Ань Лихун. Сложноподчиненное и простое предложения: вопросы переводческого соответствия в русском и китайском языках. Научный диалог. 2022. Т. 11. С. 28 – 43. (на русс. яз)
- 8) Хабибуллина, Э.К. Языковые трансформации при переводе татарской литературы на турецкий язык. автореферат дис. кандидата филологических наук. Казань: КФУ, 2016. С. 280. (на русс. яз)
- 9) Хван Согён. Паридэги [바리데기]. Пхаджу: Изд-во. ЧанБи. Электронная книга. 2007. (на кор. яз.)
- 10) Хван Согён «Принцесса пари» роман /; пер. с корейского Андрея Рыжкова. —М.: Изд. ЛУЧ, 2015. 288 с. (на русс. яз)

References

- 1) Komissarov, V.N. Modern translation studies. Textbook. Moscow: ETS, 2001. 424 p. (In Russ.)
- 2) Retsker, Ya.I. A textbook on translation from English into Russian. Moscow: Vyshs. school, 1981. Issue. 1. 160 p. (In Russ.)
- 3) Ko Young-geun, Koo Bon-kwan. Korean Grammar, revised edition. Seoul: Jipmundang, 2018. 608 p. (In Kor.)
- 4) Chen Guoting. Comparative Russian-Chinese grammar. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2014. 306 p. (In Chin.)
- 5) Xu Fengcai. A Comparative Study of Russian and Chinese Compound Sentences. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2013. 186 p. (In Chin.).
- 6) Khabibullina E.K., Ju C. Syntactic transformation in literary works when translating from Korean into Russian (focuses on phrase comparison). Kazan Linguistic Journal. 2023. № 6 (2). pp. 198–210. (In Russ.)
- 7) An Lihong. Complex and Simple Sentences: Issues Translation Correspondence in Russian and Chinese. Nauchnyi dialog, № 11(3). pp. 28 – 43. (In Russ.)
- 8) Khabibullina E.K. Linguistic transformations in the translation of Tatar literature into Turkish. Kazan: Kazan (Volga region) Federal University abstract dis. candidate of philological sciences. 2016. 283 p. (In Russ.)
- 9) Hwang Seok-young. Baridegi. Paju: Publishing Changbi, 2007. eBooks. (In Kor.)
- 10) Hwang Seok-young. Princess Pari. Translation from Korean into Russian by Andrey Ryzhkov. Moscow: Luch, 2015. 286 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Чжу Сун Мен,

Старший преподаватель
Кафедра китаеведения и азиатско-
тихоокеанских исследований, Казанский
(Приволжский) федеральный универси-
тет
Город Казань, ул. Пушкина 1/55
e-mail: schzhu@kpfu.ru,

Хабидуллина Эльмира Камилевна,

Доцент
Кафедра алтаистики, тюркских и цен-
тральноазиатских исследований, Казан-
ский (Приволжский) федеральный уни-
верситет
Город Казань, ул. Пушкина 1/55
e-mail: minabova@mail.ru,

Сон Сомиа,

Ассистент
Кафедра китаеведения и азиатско-
тихоокеанских исследований, Казанский
(Приволжский) федеральный универси-
тет
Город Казань, ул. Пушкина 1/55
e-mail: somia1205@gamil.com

Information about the authors

Ju Sun Mean,

Senior teacher
Department of Chinese and Asia-Pacific Stud-
ies, Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, 1/55 Pushkin Street
e-mail: schzhu@kpfu.ru,

Khabibullina Elmira Kamilevna,

Associate professor
Department of Altaic, Turkic and Central
Asian Studie, Kazan (Volga Region) Federal
University
Kazan, 1/55 Pushkin Street
e-mail: minabova@mail.ru,

Son Somia,

Teaching assistant
Department of Chinese and Asia-Pacific Stud-
ies, Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, 1/55 Pushkin Street
Город Казань, ул. Пушкина 1/55
e-mail: somia1205@gamil.com

Информация о статье

*Поступила в редакцию: 28.04.2024;
Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;
Принята к публикации: 25.05.2024.*

Information about the article

*The article was submitted 28.04.2024;
Approved after reviewing 10.05.2024;
Accepted for publication 25.05.2024.*

The role of historical events of the Middle Ages in the upbringing of Turkic youth: the influence of dastans on socio-family traditions of modern Turkic peoples

Роль исторических событий средневековья в воспитании тюркской молодёжи: влияние дастанов на социально-семейные традиции современных тюркских народов

**Хисматуллин Булат Ринатович,
Габдрахманова Ильвина Ильгизовна**
*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия
ilvina_gabdrahmanova@mail.ru*

**Hismatullin B.R.,
Gabdrahmanova I.I.**
*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia
ilvina_gabdrahmanova@mail.ru*

УДК 93/94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-54-71](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-54-71)

АННОТАЦИЯ

Дастаны — это эпические поэмы, которые играли значительную роль в воспитании и формировании тюркской молодежи в эпоху средневековья. В данной статье исследуется важность дастанов как источника образования, ценностей и культурных норм для тюркской молодежи, жившей в период средних веков.

Дастаны представляли собой эпические рассказы о героях и подвигах, которые вдохновляли молодых тюрков на смелость, честь и преданность. Эти произведения включали в себя моральные уроки и идеалы, которые формировали молодежную психологию, придавая им крепкий нрав и высокие моральные стандарты.

ABSTRACT

Destans are epic poems that played a significant role in the education and formation of Turkic youth during the Middle Ages. This article explores the importance of the destans as a source of education, values and cultural norms for Turkic youth living during the Middle Ages.

Destans were epic tales of heroes and exploits that inspired young Turks to courage, honour and loyalty. These works included moral lessons and ideals that shaped the youth psychology, giving them strong morals and high moral standards.

The main focus of the article is on how the destans promoted education among the Turkic youth. Epic stories in the destans often included clever advice and knowledge about the world,

Основной акцент статьи сделан на том, как дастаны способствовали развитию образования среди тюркской молодежи. Эпические сюжеты в дастанах часто включали в себя умные советы и знания о мире, природе и человеческих отношениях. Это способствовало развитию культурной и образовательной базы молодого поколения.

Кроме того, статья рассматривает влияние дастанов на формирование национальной идентичности тюркских народов. Дастаны передавали исторические события и традиции, укрепляя чувство принадлежности к определенной этнической группе.

Данная статья представляет анализ важной роли дастанов в воспитании тюркской молодежи эпохи средневековья. Дастаны не только развивали моральные и образовательные качества молодежи, но и способствовали сохранению и укреплению национальной идентичности тюркских народов. Их влияние на формирование культурных и образовательных ценностей остается актуальным и в наше время, сохраняя свою важность в истории тюркских народов.

Ключевые слова: Дастаны, тюркская молодежь, средневековье, воспитание, образование, национальная идентичность, эпические поэмы, традиции, культурные ценности

Для цитирования: Хисматуллин Б.Р., Габдрахманова И.И. Роль исторических событий средневековья в воспитании тюркской молодежи: влияние дастанов на социально-семейные традиции современных тюркских народов. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 56-71 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-56-71>

nature and human relationships. This contributed to the cultural and educational base of the young generation.

In addition, the article examines the influence of destans on the formation of national identity of Turkic peoples. Destans transmitted historical events and traditions, strengthening the sense of belonging to a certain ethnic group.

This article analyses the important role of destans in the education of Turkic youth of the medieval era. Destans not only developed the moral and educational qualities of youth, but also contributed to the preservation and strengthening of the national identity of Turkic peoples. Their influence on the formation of cultural and educational values remains relevant in our time, maintaining its importance in the history of Turkic peoples.

Keywords: Destans, Turkic youth, Middle Ages, upbringing, moral lessons, education, national identity, epic poems, traditions, cultural values

For citation: Hismatullin B.R., Gabdrahmanova I.I. The role of historical events of the Middle Ages in the upbringing of Turkic youth: the influence of dastans on socio-family traditions of modern Turkic peoples. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 56-71 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-56-71>

Введение

Рассматривая роль дастанов в воспитании молодежи, мы вступаем в мир древних эпических сказаний, вдохновленных богатой культурой и историей тюркских народов. Эти поэмы пронизаны героизмом, мудрыми уроками и возвышенными идеалами, которые прививали молодым поколениям смелость, честность и преданность. Рассматривая дастаны, мы наблюдаем уникальную форму искусства и литературы, которая имеет значимость не только в историческом, но и в современном контексте.

В эпоху средневековья, когда письменность была недоступной для многих, дастаны служили средством передачи знаний, моральных уроков и исторических событий от поколения к поколению. Они не только оставили богатое наследие в сфере эпической поэзии, но и оказали сильное влияние на формирование мировоззрения тюркских народов и их культурной идентичности. Стремление к героизму, справедливости и мудрости, пропагандируемое в дастанах, оставалось важной частью тюркской культуры.

Сегодня, когда молодежь в разных уголках мира сталкивается с множеством вызовов и возможностей, важно понимать, как исторические артефакты, такие как дастаны, могли формировать мировоззрение и ценности молодежи своего времени и как их наследие может продолжать вдохновлять современное поколение.

Цель данной статьи заключается в исследовании роли дастанов в воспитании тюркской молодежи в эпоху средневековья. Мы стремимся разобраться в том, какие моральные уроки, обра-

зовательные аспекты и культурные ценности дастанов несли в себе и каким образом они влияли на формирование мировоззрения молодежи.

Эта статья является попыткой более глубокого понимания тюркской культуры и истории, а также ее воздействия на воспитание и развитие молодежи в древние времена и сегодняшний день. Далее в статье мы более подробно рассмотрим каждый аспект исследования, чтобы раскрыть богатство и значимость дастанов в воспитании тюркской молодежи эпохи средневековья.

Фольклор тюркоязычных народов - уникальное культурное явление, характеризующееся многими общими чертами и особенностями. Эти общие черты объясняются родственными связями между этими народами, их общим этническим происхождением и языковыми особенностями. В контексте изучения этого фольклора существует несколько основных направлений: исторически-описательное, концептуальное и компаративистское. Первое направление охватывает работы таких исследователей, как С.Ч. Алиев, Ф.В. Ахметова, Б.А. Каррыев, которые собрали и представили материал, воссоздавая важнейшие исторические события, в которых народ был свидетелем и участником.

Однако, современные исследователи расширяют рамки изучения фольклора тюркоязычных народов и переходят к концептуально-аналитическому направлению. Работы таких авторов, как В.В. Радлов, В.М. Жирмунский, А. Бертельс, В.М. Гацак, внесли важный вклад в изучение фольклора и его концептуальных аспектов. Они проводили анализ структуры

и жанрового разнообразия фольклорных произведений, выявляя общие черты и особенности.

Одним из важных аспектов изучения фольклора тюркоязычных народов является рассмотрение его роли в воспитании и формировании культурной идентичности. Работы К. Джаманаклы, Р. Музаффарова, С.Р. Изидинова подчеркивают влияние фольклора, включая дастаны, на развитие национальной литературы и культуры[5].

Исследуя эпос тюркских народов, можно выделить особенность в его нарративной структуре, которая объединяет стихи и прозу. В. Жирмунский предложил жанровую классификацию, выделяя два типа сочетания стихов и прозы. Первый тип характеризуется тем, что основная часть повествования имеет стихотворную форму, в то время как прозаические отрывки служат только соединительными элементами. Второй тип, согласно исследователю, представляет собой сказочные романтические произведения, в которых проза доминирует, а стихотворные моменты содержат слова или песни героев. Эти мотивы сравнимы с «народными романами» героического или романтического характера.

Сравнительно-типологическое исследование дастанов разных тюркоязычных народов, таких как крымскотатарский «Чора батыр», киргизский «Эр Табылды», и узбекский Алпамыш», выявило много общих черт в их сюжетной структуре. Каждая из этих поэм состоит из двух частей, где первая часть описывает события до сражения главного героя с врагом, а вторая — его пленение, страдания и долгий

путь обратно на родину. Несмотря на разные начальные события в первой части, вторая часть часто содержит схожие мотивы и характеристики героев.

Исследование также подчеркивает важность сказочных мотивов, таких как клевета, оскорбления жены главного героя, козни злой старухи, а также мотивы о наследниках. Эти мотивы встречаются в различных дастанах и добавляют глубину и сложность сюжету. Сходства можно выявить в сценах, описывающих поединки между отцом и сыном. Как отмечает С.Р. Изидинова, традиционно бои завершаются победой, но это не всегда означает гибель одного из богатырей. Иногда бой служит средством для распознавания противника, нахождения жены или заключения побратимства. Эти моменты типичны для степных сюжетов и отражают «симбиотические» отношения героя со своим конем и другими предметами степного быта[2].

Похожие мотивы можно наблюдать и в романтических дастанах. При сравнении структуры крымскотатарского дастана «Къозукюрпеч», казахского «Козы Корпеш» и узбекского «Кунтугмуш» можно выявить их близость. Эти произведения содержат две сюжетные линии, конфликт между умной девушкой и злым падишахом, а также мотив испытания влюбленных. Противниками влюбленных в эпосе «Къозукюрпеч» выступает Эдиль бай, а в «Козы Корпеш» — Кара-бай, оба являются отцами главных героев. В произведениях также есть второстепенные персонажи, мешающие встрече влюбленных, такие как Хынзыр и некая женщина.

Также присутствуют общие элементы, такие как приручение воробья или жаворонка, играющих роль связных, и сцены выслеживания врагами этих птиц для выяснения местоположения возлюбленного. В дастанах часто встречается образ пастуха, который обычно изображается как бедняк, но обладает умом, смелостью и находчивостью.

Героические дастаны и романтические дастаны отличаются историческим контекстом и способом изображения событий и персонажей. Героические дастаны описывают жизнь кочевых скотоводов, в то время как романтические дастаны более позднего происхождения и отражают классовое расслоение. Поэтика дастанов характеризуется широким спектром охвата явлений, связью с обрядами и аллегорическими образами. Словесные формулы играют важную роль в композиции эпоса, соединяя различные элементы сюжета [8].

В романтических дастанах крымскотатарского народа обращает внимание исключительная красота женских персонажей, которая очаровывает своей невероятной внешностью. Это свидетельствует о повышенных эстетических предпочтениях в данной культуре. В описаниях героинь часто используются художественные приемы, такие как эпитеты, чтобы передать их красоту. Например, описывая женский облик в дастане «Эдиге», применяются следующие выразительные слова: «Девушка была красива как луна, словно солнце, ее внешность сравнивается с свечой в ночи и месяцем. И когда она шагает, ее фигура изгибается, словно лепесток фиалки» [5]. Также она описывается как непо-

вторимо красивая: «во всем мире такой красоты не видывалось» [12]. В дастане «Чорабатыр» описывается жена Нарика, Менъли Сулу, как «девушка с непередаваемой красотой» [13].

Помимо этого, существуют сюжеты о воинственных девушках, обладающих героической силой, которые защищают свое племя и народ. Например, в узбекском дастане «Тулганой» девушка-воительница Тулганой проявляет смелость, находчивость и даже озорство: «Она вскочила на коня, словно отважный джигит, и поскакала. Она едет и скачет, ее чалма украшена золотом, пояс обвивает ее талию, а сабля в золотых ножнах висит на поясе» [3]. Этот образ богатырской девы встречается в различных эпических сказаниях во всем мире, таких как русские былины, греческие мифы об амазонках, скандинавские и кельтские эпосы.

В крымскотатарских дастанах также присутствует мотив соревнования за любимую, который связан с образом девушки-воительницы. Например, в дастане «Зюльфи-эр» охотник должен соревноваться с корыстными братьями за возможность жениться на Зюльфи-эр. Его победа основана на добрых человеческих качествах, которые поднимают его над корыстными и злыми силами. Интересно отметить, что в крымскотатарских дастанах чувство любви не выражается стандартными способами, такими как слезы и мольбы. Вместо этого девушки проявляют ум, сообразительность и решимость в достижении своей цели, даже если это связано с риском для их жизни. Например, Баян Сулу в «Козукюрпеч», Менли Сулу в «Чорабатыр» и Зоре в «Таирнен Зоре»

являются примерами сильных и решительных героинь, чья любовь идет вплоть до самой смерти. Это показывает, что в крымскотатарских дастанах чувства и характеры персонажей развиваются и выражаются в нестандартных и захватывающих способах.

Песни и речитативы, известные как «плачи», играют важную роль в эпических произведениях половецко-кыпчакского цикла, таких как «Козу Кор-пеш», «Эдиге», «Чора Батыр», «Баянслуу», «Кобланды Батыр» и других среди тюркских народов [9]. В дастане «Кёроглу» присутствуют две сюжетные линии, которые переплетаются между собой. Первая линия описывает жестокость хана в отношении конюха, вторая - главного героя Кёроглу и его любовные приключения, его чувства и прекрасное воплощение верности. Герой находится в уединении с природой, что позволяет ему погрузиться в размышления. Кёроглу сочиняет стихи, играет на сазе (национальном музыкальном инструменте), и поет песни. Он привлекается не только внешней красотой женщины, но и её богатством духовного мира и нравственной чистотой: «Почему ты скрываешь свое лицо, моя красавица? Почему не смотришь на меня? Я жду тебя, приди ко мне. Ты — левицей среди женщин. Ты — моя мечта» [13]. Материнство также оценивается как важное качество женщины [13].

Характер и душевные качества главного героя передаются через песни, которые выражают его решимость и смелость, особенно в противостоянии жестокому правителю: «Я — Кёроглу, путешествую по горам, Ветер бьет меня в лицо, Я уничтожу хана железной булавой,

Я — Кёроглу!» [13]. Конь также играет важную роль в жизни Кёроглу, и в дастане описывается специфика заботы о нем, что отражает значение конюха и пастуха в этой культуре.

Мотив священного дерева также сохраняет свою актуальность в эпических сказаниях тюркских народов. В дастане «Эдиге» многие важные события происходят под деревом на берегу «Сахарного озера». Под этим деревом ханы собираются на охоту, злоумышленники сговариваются о краже яйца из гнезда, и здесь же произносится суровый приговор за это преступление. Мировое дерево часто встречается в мифологии разных культур, и в данном контексте оно символизирует важность этого элемента в культурном наследии. В дастане «Керем ве Аслыхан» также используется символика природы, где кипарис ассоциируется с возлюбленной героя: «Моя возлюбленная стройна как кипарис, Мое сердце горит огнем» [12]. Таким образом, традиционные символы растительного мира придают эмоциональное значение произведениям и помогают передать внутренний мир героев.

Тема птиц в крымско-татарских эпических рассказах, в том числе в дастане «Керем ве Аслыхан», приобрела популярность благодаря богатству символического значения, которое придавалось различным видам птиц. Явно выраженные черты и поведение птиц в этих сюжетах служили метафорой для передачи сложных эмоциональных и моральных идей. Образ ястреба, встречающийся в «Керем ве Аслыхан», наполняет сюжет тревожным налетом и мрачными предвестиями. Ястреб в данном контексте

символизирует злые силы и раздор, что подчеркивает его важность в культурной интерпретации. Сцена с ястребом после запрета на встречу дочери с сыном падишаха может рассматриваться как предзнаменование несчастий, подчеркивая трагический ход событий.

Важно отметить, что в крымско-татарской культуре птицы обладают особым символическим значением. Например, образ лебедя сопровождается особым почтением, и его изгнание или убийство считались запрещенными деяниями. Этот момент сохраняется и в дастане «Эдиге бий», где хан Тахтамыш проклинает лебедей за свои действия. Такие символы придают сюжетам глубину и способствуют формированию эмоциональной насыщенности у слушателей. Соловей, упомянутый в дастане «Керем ве Аслыхан», вводится в стихах как символ благородства, щедрости и трудолюбия. Его выбор места для гнезда на веточке розы и его добродетели контрастируют с другими женскими персонажами, подчеркивая его выдающуюся природу. Такие символы позволяют авторам и рассказчикам обогатить повествование и передать слушателям глубокие моральные уроки через визуализацию идей в живых и понятных образах птиц.

Общее сходство мотивов и символики в эпических рассказах крымскотатарского, казахского, узбекского и киргизского народов указывает на историческую и культурную связь между этими народами. Эпические рассказы, такие как дастаны, несут в себе как художественное и эстетическое значение, так и нравственные и образовательные уроки, от-

ражая народные представления о истории и поведении [11].

Одним из главных моральных идеалов, присутствующих в дастанах, была преданность и верность. Герои дастанов часто демонстрировали свою безграничную преданность своей семье, народу и своим идеалам. Примером может служить персонаж Эдиге бия, который несмотря на множество испытаний и опасностей, оставался верным своей культуре и народу. Эта тема учила молодежь ценить семейные узы и лояльность к своей этнической группе. Другим важным моральным идеалом, подчеркиваемым в дастанах, была смелость и мужество. Герои дастанов часто сталкивались с трудными испытаниями и опасными врагами, но они всегда проявляли смелость и готовность сразиться за свои ценности. Этот идеал вдохновлял молодежь на преодоление трудностей и борьбу за свои убеждения. Честность и справедливость также были важными моральными уроками, которые можно найти в дастанах. Герои дастанов часто выступали в защиту слабых и бедных, борясь против тиранов и несправедливости. Этот моральный идеал учил молодежь ценить честность и бороться за справедливость [7].

Таким образом, моральные уроки дастанов оставляют неизгладимый след в сердцах и умах тюркских народов, формируя их мировоззрение и служа надежным руководством в стремлении к честности, мужеству и преданности.

Дастаны были написаны на языке, близком к обыденному языку народа. Это способствовало развитию и сохранению языка и литературных традиций. Молодежь, слушая и читая

дастаны, улучшала свои языковые навыки и развивала грамотность. Герои дастанов часто делились своими мудрыми советами и наставлениями с молодежью. Эти советы включали в себя уроки о чести, верности, справедливости и других нравственных ценностях. Например, герой Керем в дастане «Керем и Аслыхан» советует молодежи быть преданными своим идеалам и бороться за справедливость. Дастаны часто описывали природу и окружающий мир. Это включало в себя знания о животных, растениях, пейзажах и климате. Молодежь могла учиться из дастанов о природе и развивать интерес к окружающей среде [11].

Одним из наиболее видимых проявлений наследия дастанов в современной тюркской культуре является литературное наследие. Многие современные тюркские писатели и поэты находят вдохновение в эпических произведениях прошлых веков. Это отражается как в структуре и стиле их произведений, так и в использовании мотивов и символов, характерных для дастанов. Произведения таких авторов, как Чингиз Айтматов, Чингиз Торекулов и других, содержат элементы, напоминающие дастаны, и продолжают распространять эти эпические идеи среди современной тюркской молодежи.

Другим способом сохранения наследия дастанов является его воплощение в кинематографе и на телевидении. Множество фильмов и сериалов, основанных на сюжетах и персонажах дастанов, получили огромную популярность среди современной тюркской аудитории. Эти произведения исследуют моральные уроки и идеалы, представленные в дастанах, и пере-

дают их новым поколениям [13]. Традиционные мелодии и песни, сопровождавшие дастаны, также остаются важной частью современной тюркской музыкальной культуры. Многие современные певцы исполняют песни, вдохновленные дастанами, и переносят через музыку моральные ценности и идеалы, заложенные в этих эпических произведениях. Декоративное искусство и изобразительное искусство также не остались в стороне от влияния дастанов. Многие художники используют мотивы и сюжеты из дастанов в своих произведениях. Эти работы могут быть как современными интерпретациями классических сюжетов, так и оригинальными произведениями, вдохновленными дастанами.

В кинематографе многие дастаны были успешно адаптированы в фильмы, что позволило им распространить свое воздействие и привлечь новые поколения зрителей. Примером может служить фильм «Керем ве Аслыхан», основанный на одноименном дастане. Этот фильм привлек внимание зрителей своей эпической сюжетной линией, моральными дилеммами и яркими персонажами, передавая дух и культурное наследие оригинального произведения. Еще одним известным примером является фильм «Эдиге бий», основанный на тюркском дастане с тем же названием. Этот фильм рассказывает о героических подвигах Эдиге бия и передает ценности мужества, преданности и справедливости, присущие оригинальному эпосу. Также стоит упомянуть, что легендарные любовные истории, такие как «Лейла и Меджнун», хотя они имеют свои корни в арабской поэзии, также стали объектами

экранизации в разных странах тюркского мира. Экранизация дастанов позволяет сохранить и передать ценности, этические нормы и культурные особенности тюркских народов новым поколениям, привлекая внимание широкой аудитории к богатству этнического наследия. Фильмы на основе дастанов также способствуют сохранению и продвижению тюркской культуры в мировом контексте.

Дастаны остаются объектом изучения исследователей и ученых, специализирующихся на культуре и истории тюркских народов. Исследования, проводимые в этой области, помогают сохранить знание о дастанах и их значении для тюркской культуры. Кроме того, образовательные программы включают в себя изучение дастанов как части культурного наследия. Дастаны средневековья оставили глубокий след в современной тюркской культуре. Они продолжают вдохновлять поколения тюркских молодых людей, передавая моральные уроки, идеалы и традиции. Наследие дастанов живет в литературе, кинематографе, музыке, искусстве, образовании и научных исследованиях, и оно продолжит оставаться важной частью тюркской культуры и в будущем.

В истории тюркских народов дастаны, эпические рассказы и поэмы, не только представляли собой величественное литературное наследие, но и служили важным культурным феноменом, формируя мировоззрение и ценности подрастающего поколения. Одним из наиболее заметных аспектов, выделяемых из этих легендарных произведений, является уважение к старшим и сохранение традиций.

Герои дастанов не только отражали в себе доблесть и мужество, но и были носителями моральных уроков, которые передавались из поколения в поколение. В этом контексте, исследование роли дастанов в формировании культурного наследия и воспитании молодежи представляет собой важный аспект понимания тюркской истории и культуры.

Уважение к старшим поколениям и соблюдение традиций являются важным аспектом, который можно выделить из дастанов. Герои дастанов часто консультировались с старшими и уважали их мудрость и опыт. Это учило молодежь уважению к старшим и сохранению традиций своего народа. Несмотря на то, что дастаны часто рассказывали о борьбе и конфликтах, они также воплощали в себе идеалы терпимости и уважения к многообразию. Герои дастанов могли объединяться с представителями других этнических групп в борьбе за общие цели, что подчеркивало важность мирного сосуществования и уважения к различиям.

Дастаны, как часть культурного наследия тюркского народа, воплощали в себе не только исторические факты и события, но и моральные уроки, передаваемые через героев и сюжеты. Они являлись неотъемлемой частью устного народного творчества и служили средством обучения и воспитания молодежи[2]. Они рассказывали о мужестве, чести, верности, справедливости и других нравственных ценностях. Главные герои дастанов, такие как Кёроглу, Эдиге, Керем и др., были образцами благородства и моральной чистоты. Их поступки и речи вдохновляли молодежь и формировали её

мировоззрение. Одними из главных моральных ценностей, формировавшихся через дастаны, были мужество и честь. Герои дастанов не боялись стоять перед опасностью и защищать свою землю и народ. Их героические подвиги и бесстрашие вдохновляли молодежь на самоотверженность и готовность прийти на помощь в трудные моменты.

Дастаны также уделяли внимание ценности верности и преданности. Герои не только проявляли верность своим идеалам, но и клялись беречь свою семью, друзей и народ. Эти моральные убеждения формировали у молодежи чувство ответственности и надежности. Кроме того, дастаны подчеркивали важность справедливости и доброты в обществе. Главные герои часто выступали против тиранов и жестокости, отстаивая права и интересы слабых и угнетенных. Эти ценности укрепляли чувство сочувствия и солидарности у молодежи. Как источник моральных ценностей, оказывали существенное влияние на молодежь тюркского народов. Молодые люди, слушая и читая эти эпические рассказы, находили в них образцы для подражания и моральные уроки, которые они применяли в повседневной жизни [9]. Они вдохновлялись героизмом и мужеством главных героев, и это мотивировало их не бояться трудностей и страхов. Они стремились к собственным подвигам и действиям, вдохновленным примерами из дастанов.

Также дастаны способствовали формированию чувства чести и честности у молодежи. Они понимали, что подобно героям дастанов, они должны соблюдать свои обещания и быть

преданными своим идеалам. Моральные ценности, такие как справедливость и доброта, становились частью мировоззрения молодежи. Они стремились к тому, чтобы быть справедливыми и добрыми в общении с другими, и бороться с несправедливостью и жестокостью в обществе.

Дастаны средневековья были не только историческими рассказами и эпическими произведениями, но и источником моральных уроков и идеалов для тюркской молодежи. Преданность, смелость, честность, уважение к старшим и терпимость — все эти ценности были важными элементами формирования моральных ценностей этой эпохи. Дастаны служили не только развлечением, но и важным образовательным средством для молодежи, помогая им строить свои моральные убеждения и идеалы.

Эпоха средневековья была периодом, когда доступ к образованию и знаниям был ограничен и недоступен для большинства населения. Однако дастаны, как форма устного народного творчества, играли важную роль в распространении образования и знаний среди тюркской молодежи. Дастаны были частью устного народного творчества и передавались из поколения в поколение устно. Это означало, что они были доступны даже тем, кто не имел возможности посещать школы или получать формальное образование. Молодежь могла слушать рассказы о героях и событиях из дастанов от старших поколений и учиться из них.

Дастаны содержали в себе не только исторические события, но и знания о культуре, традициях и образе жизни тюркского народа. Они

описывали обычаи, религиозные практики, роли в обществе и другие аспекты культуры. Молодежь могла учиться из дастанов о своей национальной истории и идентичности. Они также содержали исторические сведения о важных событиях и личностях прошлого. Это позволяло молодежи учиться из опыта своих предков и понимать исторический контекст своей нации. Например, дастан «Эдиге бий» рассказывал о борьбе хана Тахтамышша и его преданности своему народу.

Дастаны, как источник образования и знаний, оказывали значительное влияние на молодежь в эпоху средневековья. Они помогали формировать у молодежи не только знания, но и ценности, навыки и интересы. Молодежь училась из дастанов о моральных ценностях, культуре и истории своего народа. Они узнавали о мужестве, чести, верности и других нравственных ценностях через примеры героев дастанов. Эти уроки формировали их характер и мировоззрение. Также дастаны развивали языковые навыки молодежи и укрепляли их связь с культурным наследием. Молодые люди учились грамотности и литературным традициям, что способствовало сохранению и развитию языка [6].

Дастаны играли важную роль в распространении образования и знаний среди тюркской молодежи в эпоху средневековья. Они служили не только источником информации, но и средством формирования моральных ценностей, развития языковых навыков и укрепления культурного наследия. Молодежь училась из дастанов о чести, верности, природе и истории своего народа, что оказывало глубокое

влияние на их развитие и воспитание. Как эпические произведения, дастаны часто возводили героев и лидеров своего народа в ранг символов этнической гордости и достоинства. Герои дастанов, такие как Эдиге бий, Керем, Кобланды батыр и другие, выступали как образцы мужества, чести и преданности своей этнической группе. Молодежь, слушая истории о подвигах этих героев, воспринимала их как символы своей национальной идентичности и стремилась следовать их примеру.

Дастаны также служили средством передачи исторических событий и традиций тюркской этнической группы. Они описывали битвы, миграции, культурные особенности и религиозные практики народа. Молодежь, изучая дастаны, получала представление о своей исторической наследственности и корнях, что способствовало укреплению чувства принадлежности к своей этнической группе.

Многие дастаны включали в себя сюжеты о защите своей земли и народа от врагов. Эти истории подчеркивали важность единства и солидарности внутри этнической группы и готовность защищать свою свободу и независимость. Молодежь, слушая такие рассказы, воспринимала их как призыв к единству и стойкости перед внешними угрозами.

Религиозные обряды и обряды перехода играли важную роль в формировании этнической идентичности тюркской молодежи. Они объединяли людей на основе общих религиозных убеждений и традиций. Религиозные церемонии и обряды перехода подчеркивали принадлежность к тюркской этнической группе

и обогащали культурное наследие. Религиозные обряды и обряды перехода также способствовали сохранению языка и обычаев тюркской культуры. Молодежь учила молитвы и обрядовые песни на родном языке, что укрепляло связь с культурными корнями. Обряды перехода, такие как свадьбы и похороны, отражали традиции и обычаи этнической группы.

Наиболее выдающиеся национальные лидеры и правители также оказывали влияние на формирование этнической идентичности молодежи. Они могли поддерживать культурные и образовательные инициативы, способствуя сохранению и развитию традиций своей этнической группы. Их деяния и достижения служили образцом для молодежи.

Борьба за независимость и суверенитет этнических групп также оказывала влияние на формирование чувства принадлежности. Молодежь, участвуя в национальных движениях и борьбе за свободу, укрепляла свою привязанность к своей этнической группе и стремилась к самоопределению [15].

Дастаны, эпические произведения, сыграли важную и значительную роль в воспитании тюркской молодежи в эпоху средневековья. В ходе нашего исследования мы проанализировали различные аспекты этой роли и пришли к выводу, что дастаны оказали глубокое и многогранное воздействие на формирование моральных ценностей, образования, чувства принадлежности и идентичности тюркской молодежи того времени.

Первоначально дастаны выполняли функцию не только источника развлечения, но

и средства передачи культурных и моральных ценностей. Они были медиатором между старшими поколениями и молодежью, позволяя передать знания, нормы и обычаи, а также идеалы и моральные уроки. Дастаны возвышали важные моменты, такие как честь, верность, справедливость и героизм, и вдохновляли молодых людей следовать этим ценностям. Кроме того, они служили источником моральных уроков для тюркской молодежи, подчеркивая важность чести, верности, справедливости и героизма. Эти ценности были четко представлены в характерах и поступках главных героев дастанов и служили примерами для подражания.

Таким образом, дастаны играли роль в распространении образования и знаний среди молодежи. Главные герои дастанов были физически сильными, умными и образованными. Они часто давали умные советы, передавая знания и опыт молодым поколениям.

Дастаны способствовали укреплению чувства принадлежности тюркской молодежи к своей этнической группе. В образе главных героев дастанов они видели своих культурных предков и ощущали связь с богатой историей своего народа. Проведенный анализ конкретных моральных уроков и идеалов, представленных в дастанах. Эти уроки включали в себя борьбу за справедливость, верность родине и народу, а также важность чести и героизма.

Следует отметить, что значение дастанов в воспитании тюркской молодежи эпохи средневековья было огромным и долгосрочным. Они стали неотъемлемой частью культурного наследия тюркских народов и оказали влияние

на формирование моральных ценностей, образования и чувства принадлежности к этнической группе. Как показывает исследование, наследие дастанов продолжает жить в современной тюркской культуре. Литературное наследие, кинематограф и телевидение, музыка, изобразительное искусство, образование и исследования — все эти сферы продолжают вдохновляться и использовать мотивы и идеи, заложенные в дастанах.

Сегодня дастаны продолжают оставаться актуальными и важными для тюркской молодежи. Они напоминают о богатой истории и культуре своего народа и вдохновляют на следование высоким моральным идеалам. Современные тюркские общества сохраняют связь с прошлым через дастаны и стремятся передать их ценности будущим поколениям.

В заключении можно сказать, что роль дастанов в воспитании тюркской молодежи эпохи средневековья была неопределима. Эти эпические произведения сформировали культурные и моральные основы для тюркских народов и оставили глубокий след в их истории и сознании. Мы надеемся, что их ценности и идеалы будут сохраняться и передаваться следующим поколениям, помогая сохранить тюркскую культурную идентичность и богатое наследие.

Таким образом, дастаны средневековья, являясь не только историческими рассказами, но и источником моральных уроков и идеалов для тюркской молодежи, оставили неизгладимый след в культуре и национальной идентичности. Преданность, смелость, честность, ува-

жение к старшим и терпимость — все эти ценности стали важнейшими элементами формирования моральных убеждений в эпоху, где образование было ограничено, а традиции передавались устно. Дастаны не только воспевали историю, но и олицетворяли дух тюркского народа, вдохновляя молодежь на сохранение культурного наследия и борьбу за ценности своей этнической группы. Сегодня эти эпические произведения продолжают оставаться актуальными, как источник вдохновения и знаний, передаваемых из поколения в поколение.

Список литературы

1. Алиев С.Ч. Собиранье и публикатор карачаево-балкарских загадок. Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 5 (103). С. 93-99.
2. Ахметова Ф.В. Фольклор и современная татарская проза: Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. филол. Наук. Казан. гос. пед. ин-т. Казань: (б. и.), 1968.
3. Каррыев Б.А. Золотые россыпи: Туркм. фольклор. Ашхабад: Магарыф, 1982.
4. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар Сибири. 1872. Т. 4. С 411.
5. Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока: сравнит.-ист. очерки. Москва. 2004, 463.
6. Бертельс А. Низами: предисловие к тому «Низами. Пять поэм». 1972. Т. 26 (6). С. 19.

7. Гацак В. Эпический певец и его текст М. Текстологическое изучение эпоса. 1971. С.7-46.
8. Джаманаклы К. Чынълар ве манелер. Симферополь. Гаспринский адына медиамеркез, 2015. С. 214.
9. Музаффарова Р. Очерки фольклора тюрков. автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Мелекесский гос. пед. ин-т. Мелекес. 1996; (б. и.) С. 30.
10. Изидинова С.Р. Половцы. Мифы и реалии. Севастополь: Севастопольское отделение Координационного центра по возрождению крымскотатарской культуры. 1995. С. 121.
11. Гацак В. Эпический певец и его текст М. Текстологическое изучение эпоса. 1971. С. 7-46.
12. Алиев С. Откуда к нам пришёл Лейла и Меджнун. № 3: Дослукъ. 1972. С. 76.
13. Жирмунский В., Зарифов Х. Узбекский народный героический эпос. Москва: Просвещение. 1947. С. 60-120.
14. Гацак В. Эпический певец и его текст М. Текстологическое изучение эпоса. 1971. С. 7-46.
15. Эдемова У. Къырымтатар эфсанелери ве дастанлар. Таврия: 2004. С.340.
16. Бекиров Дж. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы: хрестоматия. Ташкент: 1991. С. 248.
17. Ахметов Ф. Дастан в татарском фольклоре и его связи с общетюркским эпосом. Алма-Ата: 1976. С. 87-88.
18. Изидинова С. Половцы. Мифы и реалии. Севастополь: Севастопольское отделение Координационного центра по возрождению крымскотатарской культуры, 1995. С. 121.
19. Бекиров Дж. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы: хрестоматия. Ташкент: 1991. С. 248.
20. Эдемова У. Къырымтатар эфсанелери ве дастанлар. Таврия, 2004. С. 340.
21. Ауэзов М., Соболев Л. Эпос и фольклор казахского народа. Литературный критик, 1940. С. 10-11.
22. Жирмунский В. Народный героический эпос. Москва: Просвещение, 1962. С. 264-269.
23. Ауэзов М., Соболев Л. Эпос и фольклор казахского народа. Литературный критик, 1940. С. 10-11.
24. Алиев С. Откуда к нам пришёл Лейла и Меджнун. Дослукъ. 1972. С. 76.
25. Изидинова С. Половцы. Мифы и реалии. Севастополь: Севастопольское отделение Координационного центра по возрождению крымскотатарской культуры, 1995. С. 121.
26. Джаманаклы К., Усеин А. Къырымтатар халкъ масаллары. 2-нджи, ишленильген нешир. Симферополь: КъДЖИ «Къырымдевокъувпеднешир» нешрия-ты», 2008. С. 384.
27. Джураев Я., Джалалова Г. Узбекские народные сказки. Ташкент: Шарк, 2007. С. 320.

References

1. Aliev S.Ch. Sobiratel' i publikator karachaevo-balkarskih zagadok. Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2021. № 5 (103). S. 93-99.
2. Ahmetova F.V. Fol'klor i sovremennaya tatarskaya proza: Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. stepeni kand. filol. Nauk. Kazan. gos. ped. in-t. Kazan': (b. i.), 1968.
3. Karryev B.A. Zolotyie rossypi: Turkm. fol'klor. Ashkhabad: Magaryf, 1982.
4. Radlov V. V. Obrazcy narodnoj literatury tyurkskih plemen, zhivushchih v Yuzhnoj Sibiri i Dzhungarskoj stepi. Narechiya barabincev, tarskih, tobol'skih i tyumenskih tatar Sibiri. 1872. T. 4. S 411.
5. Zhirmunskij V.M. Fol'klor Zapada i Vostoka: sravnit.-ist. ocherki. Moskva. 2004, 463.
6. Bertel's A. Nizami: predislovie k tomu «Nizami. Pyat' poem». 1972. T. 26 (b). S. 19.
7. Gacak V. Epicheskij pevec i ego tekst M. Tekstologicheskoe izuchenie eposa. 1971. S.7-46.
8. Dzhamanakly K. Chyn"lar ve maneler. Simferopol'. Gasprinskij adyna mediamerkez, 2015. S. 214.
9. Muzaffarova R. Ocherki fol'klora tyurkov. avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. Melekesskij gos. ped. in-t. Melekess. 1996; (b. i.) S. 30.
10. Izidinova S.R. Polovcy. Mify i realii. Sevastopol': Sevastopol'skoe otdelenie Koordinacionnogo centra po vozrozhdeniyu krymskotatarskoj kul'tury. 1995. S. 121.
11. Gacak V. Epicheskij pevec i ego tekst M. Tekstologicheskoe izuchenie eposa. 1971. S. 7-46.
12. Aliev S. Otkuda k nam prishyol Lejla i Medzhnun. № 3: Dosluk". 1972. S. 76.
13. Zhirmunskij V., Zarifov H. Uzbekskij narodnyj geroicheskij epos. Moskva: Prosveshchenie. 1947. S. 60-120.
14. Gacak V. Epicheskij pevec i ego tekst M. Tekstologicheskoe izuchenie eposa. 1971. S. 7-46.
15. Edemova U. K"yrymtatar efsaneleri ve dastanlar. Tavriya: 2004. S.340.
16. Bekirov Dzh. K"yrymtatar halk" ag"yz yaratydzhylyg"y: hrestomatiya. Tashkent: 1991. S. 248.
17. Ahmetov F. Dastan v tatarskom fol'klоре i ego svyazi s obshchetyurkskim eposom. Alma-Ata: 1976. S. 87-88.
18. Iziddinova S. Polovcy. Mify i realii. Sevastopol': Sevastopol'skoe otdelenie Koordinacionnogo centra po vozrozhdeniyu krymskotatarskoj kul'tury, 1995. S. 121.
19. Bekirov Dzh. K"yrymtatar halk" ag"yz yaratydzhylyg"y: hrestomatiya. Tashkent: 1991. S. 248.
20. Edemova U. K"yrymtatar efsaneleri ve dastanlar. Tavriya, 2004. S. 340.
21. Auevov M., Sobolev L. Epos i fol'klor kazahskogo

- naroda. Literaturnyj kritik, 1940. S. 10-11.
22. Zhirmunskij V. Narodnyj geroicheskij epos. Moskva: Prosveshchenie, 1962. S. 264-269.
23. Auezov M., Sobolev L. Epos i fol'klor kazahskogo naroda. Literaturnyj kritik, 1940. S. 10-11.
24. Aliev S. Otkuda k nam prishyol Lejla i Medzhnun. Dosluk". 1972. S. 76.
25. Iziddinova S. Polovcy. Mify i realii. Sevastopol': Sevastopol'skoe otделение Koordinacionnogo centra po vozrozhdeniyu krymskotatarskoj kul'tury, 1995. S. 121.
26. Dzhamanak"ly K., Usein A. K"yrymtatar halk" masallary. 2-ndzhi, ishlenil'gen neshir. Simferopol': K"DZHI «K"yrymdevok"uvpedneshir" neshriyaty», 2008. S. 384.
27. Dzhuraev Ya., Dzhahalova G. Uzbekskie narodnye skazki. Tashkent: Shark, 2007. S. 320.

Сведения об авторах

Хисматуллин Булат Ринатович

доцент, к.и.н.

Казанский федеральный (Приволжский)
университет

Габдрахманова Ильвина Ильгизовна

Казанский федеральный (Приволжский)
университет

ilvina_gabdrahmanova@mail.ru

Information about the authors

Bulat R.Khismatullin,

Specialist in Educational and Methodological Work of 1 category, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences

Ilvina I.Gabdrakhmanova

Kazan Federal (Volga Region) University.
Pushkina 1\55 A

ilvina_gabdrahmanova@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;

Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;

Approved after reviewing 10.05.2024;

Accepted for publication 25.05.2024.

Overview of the Current Research State on the History and Culture of the Gaya Confederacy

Обзор современного состояния изученности истории и культуры конфедерации Кая

*Ахметова Айгуль Ирековна¹,
Глушкова Светлана Юрьевна²,
Пак Суджин³*

¹ Университет Индже, Кимхэ, Республика Корея

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

³ Университет Индже, Кимхэ, Республика Корея

Автор, ответственный за переписку:

akhmetova.aygul@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

*Aygun I. Akhmetova¹,
Svetlana Y. Glushkova²,
Park Soo Jin³*

¹Inje University, Gimhae, Republic of Korea

² Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

³Inje University, Gimhae, Republic of Korea

Corresponding author:

akhmetova.aygul@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-72-83](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-72-83)

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен обзор современного состояния изученности истории и культуры конфедерации Кая, которая вела многовековое соперничество с Силлой (57 г. до н.э. – 935 г. н.э.) на территории нынешнего региона Кёнсан Республики Корея. История конфедерации Кая была маргинализована вследствие доминирования Силлы, что нашло отражение в тексте «Самгук саги», уделяющем основное внимание историям Когурё, Пэкче

ABSTRACT

This article presents a review of the current state of research on the history and culture of the Gaya confederacy, which engaged in centuries-long rivalry with Silla (57 BCE – 935 CE) in the territory of present-day Gyeongsang in the Republic of Korea. The history of the Gaya confederacy was marginalized due to the dominance of Silla, reflected in the “Samguk sagi”, which primarily focuses on the histories of Goguryeo, Baekje, and Silla, largely ignoring the significance of Gaya. In Japanese

и Силлы и практически игнорирующем значении Кая. В японских хрониках, таких как «Нихон сёки», конфедерация Кая представлена как территория находившаяся под управлением государства Ямато древней Японии. Эти описания, основанные на свидетельствах бежавших аристократов Пэкче и колониальных предрассудках Японии, не учитывают ее реальную историю. После Второй мировой войны американские военные правительства в Японии и Корее инициировали пересмотр японских и корейских учебников истории, устраняя агрессивные и дискриминационные нарративы. Однако вместо восстановления исторической справедливости последовало игнорирование конфедерации Кая, усугубленное нехваткой доступной корейским историкам информации. Ситуация начала меняться в 1970-х годах с началом раскопок гробниц Кая корейскими археологами. Обнаруженные артефакты, сопоставимые по качеству с находками из Силлы, заложили основу для новых исследований конфедерации Кая, исправив прежние неточности, основанные исключительно на текстовых источниках. В результате стали возможны новые углубленные исследования истории и культуры конфедерации Кая.

Ключевые слова. Конфедерация Кая, древняя история Кореи, Период Трех Королевств, история Кая, культура Кая

Для цитирования: Ахметова А.И., Глушкова С.Ю., Пак С. Д. Обзор современного состояния изученности истории и культуры Конфедерации Кая. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 72- <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-72-83>

chronicles such as the “Nihon shoki”, the Gaya confederacy is depicted as a territory under the control of Yamato state of ancient Japan. These descriptions, based on the accounts of fleeing Baekje aristocrats and colonial prejudices of Japan, do not consider its actual history. After World War II, American military governments in Japan and Korea initiated a review of Japanese and Korean history textbooks, eliminating aggressive and discriminatory narratives. However, instead of restoring historical justice, there was an ignoring of the Gaya confederacy, exacerbated by the lack of information available to Korean historians. The situation began to change in the 1970s with the start of excavations of Gaya tombs by Korean archaeologists. The artifacts discovered, comparable in quality to those found in Silla, laid the foundation for new research on the Gaya confederacy, correcting previous inaccuracies based solely on textual sources. As a result, new in-depth studies of the history and culture of the Gaya confederacy became possible.

Keywords. The Gaya confederacy, ancient history of Korea, Three Kingdoms Period, history of Gaya, culture of Gaya

For citation: Akhmetova A., Glushkova S., Park S. J. Overview of the Current Research State on the History and Culture of the Gaya Confederacy. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 72- (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-72-83>

Изначально располагавшаяся на юге Кореянского полуострова на современной территории провинции Южная Кёнсан, Кая большую часть своей истории была конфедерацией небольших государственных объединений. Культура конфедерации Кая возникла в начале I века до н. э. и просуществовала почти семь столетий (Ким 2002, 78–79).

1. Целая хронология конфедерации Кая отсутствует, поскольку это политическое образование не оставило собственных письменных свидетельств. Исторические данные о ней представлены лишь разрозненными записями, найденными в источниках соседних государств. Среди этих источников особенно значимыми для понимания истории конфедерации Кая являются три (Ким 2021, 5–9):
2. «Сань го чжи» (三國志, рус. «Записи о трех царствах») — исторический труд, состоящий из шестидесяти пяти глав, написанных в виде хроник и биографий. Этот текст охватывающий эпоху китайского Троецарствия (220–280 гг.) был создан чиновником китайской династии Западная Цзинь (265–316 гг.) Чэнь Шоу (陳壽, 233–297 гг.). Богатые и подробные фрагменты о взаимоотношениях между политическими образованиями Самхана, включенные в раздел «Восточные варвары» (東夷傳) «Книги Вэй» (魏書), делают его наиболее значимым письменным источником для понимания характера конфедерации Кая вплоть до III в.
3. «Самгук саги» (三國史記, рус. «История

трех королевств»), содержащая пятьдесят глав, также написанных в формате хроник и жизнеописаний, представляет собой историческое произведение, охватывающее эпоху Трех королевств и период объединенной Силлы в Корею. Этот труд был создан в 1145 г. государственным деятелем династии Корё (918–1392 гг.) Кимом Бусиком (金富軾, 1075–1151 гг.). В разделе «Летописи Силлы» (新羅本紀) имеется множество упоминаний о конфедерации Кая, что позволяет восстановить хронологию ее истории. Разделы «Книга о музыке» (樂志), «Книга о географии» (地理志) и «Биографии» (列傳) также включают отдельные записи о конфедерации Кая. Однако стоит учесть тот факт, что в этих текстах Кая упоминается не как отдельное государственное образование, а как одна из частей королевства Силла. Это объясняется тем, что Корё получило в наследство от Силлы «переписанную» со своей точки зрения историю.

4. «Нихон сёки» (日本書紀, рус. «Летописи Японии») — исторический документ, состоящий из тридцати глав, охватывающий различные этапы древней японской истории в хронологическом порядке. Он был завершён в 720 г. принцем Тонери (舍人親王, 676–735 гг.). В источниках конфедерация Кая представлена как часть государства Ямато древней Японии, однако это скорее всего отражение точки зрения аристократов из Пэкче, бежавших в Японию после падения своего королевства. Эти сведения также могут отражать

попытки японцев смягчить поражение от Силлы, которая победила японские силы, поддерживавшие движение за возрождение Пэкче в VII в. (Ким 2012, 17–48).

В XVII веке в период династии Чосон началось движение по корректировке искаженной истории конфедерации Кая благодаря деятельности Хана Бэккёма и других ученых. Они стали включать Каю в древнюю историю Кореи, рассматривая ее как четвертое государство вместе с Когурё, Пэкче и Силла. Однако в конце XIX в. Япония начала вмешиваться во внутренние дела Кореи, и японские историки вновь стали утверждать, что территория Кая была частью древней Японии, а также, что там было учреждено специальное японское представительство «Мимана нихон-фу» (任那日本府). Это убеждение стало особенно прочным в японских научных кругах во время оккупации Кореи (1910–1945 гг.) и было широко распространено не только в Японии, но и за ее пределами (Ким 2006, 6–10).

В 1945 г. военное правительство под руководством генерала Дугласа Макартура в Японии наряду с Американским военным правительством в Корее, начало проверку японских и корейских учебников по истории. Изначально были удалены отрывки, касающиеся легенды о древней японской императрице Дзингу (神功皇后) и её завоевании Кореи, а также теория о существовании «Мимана нихон-фу», так как они считались пропагандой агрессивного нарратива со стороны японцев и продолжением дискриминации в отношении корейцев. Однако вместо восстановления ис-

тории последовала тишина относительно конфедерации Кая, обостренная недостатком информации, доступной корейским историкам (Ким 2021, 5–9).

В 1970-х годах корейские археологи начали проводить масштабные раскопки гробниц, относящихся к конфедерации Кая в бассейне реки Нактонган. Многие гробницы представляют собой захоронения элиты вместе с предметами повседневного обихода, что позволило собрать важные сведения об истории и культуре этого государственного объединения. Особенно ценными считаются гробницы Яндон-ри и Дэсон-дон в Кимхэ, Бокчхон-дон в Пусане, Марисан в Хамане и Джисан-дон в Корёне. Обнаруженные артефакты, сравнимые по качеству с находками, относящимися к королевству Силла, положили основу для исследования истории и культуры Кая, исправив предыдущие неточности, основанные исключительно на текстовых исследованиях. Это открыло возможность для нового понимания истории и культуры конфедерации Кая (Ким 2005, 169–221).

Историю конфедерации Кая принято делить на два основных периода: ранняя Кая (с I в. до н. э. до IV в. н. э.) и поздняя Кая (с V по VI вв.). Это государственное объединение функционировало как конфедерация десяти-двадцати государств. Ранняя и поздняя Кая находились на территориях современных города Кимхэ и уезда Корён соответственно. Это деление обеспечивает основу для всеобъемлющего понимания истории конфедерации Кая.

Создание и развитие конфедерации Кая в ранний период

В бассейне реки Нактонган на юге Кореи в период бронзового и раннего железного веков процветало аграрное общество, отличавшееся наличием дольменов и керамических изделий с неукрашенными поверхностями. Однако географические особенности этого региона, расположенного на юго-востоке полуострова, затрудняли внедрение более развитых элементов цивилизации. В результате уровень социальной организации и мастерство обработки металла были менее развиты по сравнению с другими районами Корейского полуострова. Однако этот географический недостаток был преодолен извне. Государство Кочосон, расположенное на северо-западе полуострова, было разгромлено в 108 г. до н. э. под натиском войск, посланных императором Хань У-ди (漢武帝, 156 г. до н. э. – 87 г. до н. э.). Хаос, вызванный войной, привел к массовому перемещению беженцев, многие из которых, вероятно, направились в юго-восточную часть Кореи через сушу или море. Определяющим свидетельством этого является гробница Дахо-ри № 1, представляющая собой деревянный гроб, украшенный черной и коричневой керамикой без узоров, лаковой посудой в стиле Кочосон и металлическими артефактами, включая бронзовые кинжалы, наконечники копий, колокола, зеркала, а также железные кинжалы и топоры. Керамика, найденная в могиле, соответствует более ранним образцам, в то время как лаковая посуда и металлические изделия представляют собой новые элементы, не характерные для этого региона ранее, что свидетельствует о проник-

новении более развитых культурных элементов (Ким 2005, 169–221).

Количество деревянных гробниц на территории современной провинции Южная Кёнсан начинает увеличиваться начиная с I в. до н.э. По керамике, найденной в этих гробницах, мы можем проследить переход от коричневой керамики к сероватой керамике ваджилль (瓦質土器). Миф о возникновении Кая, содержащийся в разделе «Гарак Гукки» (駕洛國記, «Записи о Карак») из «Самгук юса» (三國遺事, рус. «Оставшиеся сведения о трех королевствах»), описывает, как вожди коренных племен региона Кимхэ, избрали в качестве своего короля Суро — иностранца, считавшегося спустившимся с небес, — и основали государство. Этот миф представляет собой образ сложных культурных взаимодействий, которые находят свое отражение в археологических находках. В захоронениях Яндон-ри, относящихся к середине и концу II в. наблюдается изменение в погребальных обычаях, проявляющееся в использовании более просторных деревянных камерных гробниц и увеличении числа железных предметов в наборе погребальных подношений (Пак 2012, 105-168).

В начале III в. регион Кёнсан был местом обитания племенного союза Чинхан, в состав которого входил Сарогук (斯盧國), позднее превратившийся в Силла, и племенного союза Пёнхан, в состав которого входил Каягук (加倭國), также известный как Кымгван Кая. Археологические данные свидетельствуют о том, что эти государства являлись равноправными политическими образованиями. Торговые связи с Северо-Восточной Азией велись через округи Лолан и Дафан, которые служили посредниками

между Китаем, Корейским полуостровом и Японским архипелагом. Кымгван Кая, расположенная на юге Корейского полуострова у устья реки Нактонган на территории современного Кимхэ, был ключевым узлом в торговле железом (Тихонов 2003, 112). Предполагается, что племенной союз Пёнхан объединился вокруг Кымгван Кая и сформировал коалицию известную как ранняя конфедерация Кая (Сон 2000, 85–87).

В конце III в. также наблюдалось захоронение большого количества железного оружия в качестве погребальных даров, расширение социальных классов, имевших доступ к такому оружию, и появление железной брони. Это указывает на то, что в конце III в. отношения между государствами региона Кёнсан обострились и войны участились, что привело к консолидации государств Чинхана вокруг Сарогука и государств Пёнхана вокруг Каягука (Ким 2010, 275-317).

Когурё, находившееся на севере полуострова, разрушило округа Лолан и Дафан в начале IV в., что оказало серьезное воздействие на Каягук, развивающийся на юго-востоке полуострова и зависящий от торговли с Дафан. С ослаблением морской сети, через которую Каягук получал передовые элементы культуры, привело к тому, что восемь государств Посан (浦上八國), расположенных в прибрежных портовых районах, отказались подчиняться Каягуку, и организовали нападение. Каягук сумел отразить их атаки, объединив полисные образования, расположенные на его речных торговых путях и южных участках побережья. Тем не менее, победа Каягука была не окончательной.

С начала IV в. появились два различных стиля керамики на востоке и западе района залива Масан, что свидетельствует о разделении конфедерации Кая на восточную и западную (Пак 2012, 105-168).

После исчезновения Дафан из торговой сети в конце IV в., восточная Кая, с центром на территории современного Кимхэ, была вынуждена сосредоточиться на торговле с Ва (倭) на Японском архипелаге. В гробницах Дэсондон № 2, 13 и 23, датированные концом IV в., были обнаружены бронзовые украшения в стиле японских спиральных щитов.

Захоронения Бокчхон-дон, между Кимхэ и Кёнджу, показывают смешение элементов культур Силлы и Кымгван Кая вплоть до середины IV в. Однако, начиная с конца IV в., элементы культуры Силлы исчезли, в то время как элементы культуры Кымгван Кая продолжали преобладать. Это свидетельствует о расширении влияния Кымгван Кая, подкрепленного союзами с Пэкчэ и Ва, что, вероятно, оказывало давление на Силлу. Однако с восхождением на престол Когурё короля Квангэтхо в 391 г., к 396 г. было захвачено 58 крепостей Пэкчэ. В 400 г. король Квангэтхо направил армию на помощь Силле, что позволило ей победить Каю в борьбе за гегемонию в регионе Кёнсан и привело к упадку торговли Пэкчэ с Ва. Прекращение строительства гробниц на территории современного Кимхэ в начале V в., свидетельствует о крахе политической системы конфедерации Кая в этом регионе (Пак 2012, 105-168).

Развитие и падение конфедерации Кая в поздний период

Восточные образования конфедерации Кая, расположенные на территориях современных Чханнёна и Пусана, без сопротивления пали перед объединенными силами Когурё и Силлы. Однако западная ее часть продолжила своё существование. В частности, политические образования в гористых районах Корён и Хапчён внутри Кёнсана, которые ранее считались провинциальными, начали медленно развиваться с начала V в. Мигранты-ремесленники из территории нынешнего Кимхэ, специализировавшиеся на производстве керамики и железа, начали осваивать железные ресурсы у подножия горы Каясан, что послужило толчком для развития железорудной промышленности (Ким 2005, 169-221). Эти политические образования консолидировались под началом Дэ Кая, воссоздав таким образом конфедерацию Кая, и начали доминировать в торговле с Пэкчэ и Ва (Тихонов 1998, 10).

Дэ Кая в конце V в. расширилась на запад, пересекая горный хребет Собек и аннексировала политические образования в Намвоне и Имсиле (территория современной провинции Северная Чолла), а также Йосу, Сунчоне и Квангянге (территория современной провинции Южная Чолла), укрепляя свои территории. Силу власти Дэ Кая можно наблюдать по величию королевской гробницы Джисан-дон №44, с курганом в диаметре достигающим 50 метров.

В 512 г., с целью облегчения прямой торговли с Ва, Пэкчэ захватил контроль над государствами восточного региона Чолла, которые

ранее находились в сфере влияния Кая. В захоронениях в Сунчоне было найдено много керамики Корён конца V – начала VI вв., свидетельствующей о принадлежности этой территории к конфедерации Кая. В 513 г. Пэкчэ уже контролировало всю восточную часть Чолла и Дэ Кая потеряла доступ к торговому пути вдоль реки Сомджинган к южному побережью.

Для обеспечения торгового маршрута на южное побережье Дэ Гая и Силла заключили брачный союз в 522 г. Однако через несколько лет, согласно первоначальному плану короля Попхына (法興王), правившего Силлой с 514 по 540 гг., союз распался, и в конфедерации Кая стали появляться признаки раскола.

Воспользовавшись ситуацией, в 529 г. Силла захватила Такгитангук (喙己吞國), располагавшийся на территории современного Чханнёна. Южные политические образования, относящиеся к конфедерации Кая утратили веру в Дэ Кая и усилили свою приверженность Аллагуку (安羅國), располагавшемуся на территории нынешнего Хамана.

В 531 г. Пэкчэ атаковало Аллагук, чтобы предотвратить вторжение Силлы на юг территории Кая. В ответ Силла захватило Кымгвангук (территория современного Кимхе) в 532 г. В 534 году Пэкчэ продвинулось на север в регион Таксунгук (卓淳國) (Ким 1994, 29-70).

Северные политические образования Кая под влиянием Дэ Кая приняли пропэкчэйскую позицию, чтобы противодействовать независимости южных образований. Однако усиление Пэкчэ ослабило контроль Дэ Кая, и конфедерация Кая начала распадаться. Южные политические

образования сформировали автономную конфедерацию под руководством Аллагука, который стал центральной силой, конкурируя с Дэ Кая, что привело к разделению конфедерации. Однако уже около 550 гг. Аллагук тоже подчинилось Пэкчэ. В 562 г. Силла после военного конфликта с Пэкчэ смогло завоевать Дэ Кая и вместе с тем еще 10 политических образований конфедерации Кая.

Особенности культуры конфедерации Кая

Экономика Кая в основном состояла из рыболовства, земледелия, производства железа и дальних торговых связей. Среди артефактов, относящихся к началу первого тысячелетия, найденных на территории современных городов Пусан, Чханвон, Кимхэ и Янсан встречаются грузила для рыболовных сетей, костяные инструменты, керамика, железные ножи, железные серпы, железные стрелы и крючки для ловли рыбы. Также были обнаружены остатки пищи, включая рис, ячмень, пшеницу, бобовые и просо (Пак 2012, 105-168).

Железные сельскохозяйственные инструменты, такие как железные ножи, топоры, мотыги и плуги, начали использоваться после I в. до н. э. В это время земледелие велось интенсивно, рис высаживался на рисовые поля, орошаемые через каналы. Железные серпы и железные лопаты для работы по орошению можно найти в маленьких захоронениях, относящихся периоду с IV по V вв. В отличие от этого, литые железные топоры, лопаты U-образной формы и железные грабли (находки ограничиваются одним или двумя предметами на каж-

дый вид) были обнаружены только в средних и крупных гробницах (И 1991, 45–78). Кроме того, кости животных, обнаруженные в результате археологических исследований, свидетельствуют о присутствии домашних собак, свиней, коров, лошадей и кур, а также диких оленей, косуль и кабанов.

Бронзовые изделия, такие как кинжалы, наконечники копий, зеркала и колокола, стали использоваться в конфедерации Кая после I в. до н. э., наряду с железным оружием, включая кинжалы, наконечники стрел и наконечники копий. Объем железных предметов в захоронениях стал резко возрастать с конца II в., включая длинные мечи, грабли, упряжь для лошадей и разнообразные железные топоры. В это время появились «плоские железные топоры» (板狀鐵斧), не имеющие заточенного лезвия, которые фактически были железными слитками, предназначенными для массового экспорта в другие регионы (Сон 2000, 85-87).

В конце III в., появились новые типы железных изделий, такие как ритуальные принадлежности (украшенные наконечники копий и подобные оружию пилы), вертикальные доспехи и доспехи для лошадей. В нижнем течении реки Нактонган массовое производство железных слитков, стандартизированных по весу и размерам, началось с конца IV в. Крупные железные слитки и литые железные лопаты, обнаруженные в захоронениях в Осаке и Хёго, а также в префектурах Нара и Шига в Японии, относящихся к началу V в., происходили из нижнего течения реки Нактонган.

С точки зрения морской торговли, Кая экспортировала железо в Лолан и импортировала

оттуда предметы повседневного обихода. Железо и эти предметы отправлялись в Ва, в обмен на человеческий труд (Пак 2012, 105-168).

Хотя торговля поздней Каи была менее активной, обмен с Ва продолжался до середины V в., когда Корён стал ее центром. В гробницах высокопоставленных чиновников по всему японскому архипелагу было найдено множество артефактов, связанных с Дэ Кая, таких как золотые короны с крупными украшениями, железные наконечники копий с восьмиугольными гнездами, удлиненные уздечки для лошадей, золотые пряжки для пояса с узором в виде дракона, серьги с подвесками и доспехи для лошадей (Пак 1996, 55-86).

В «Восточных варварах» упоминается, что народ Самхан ценил бусины, но не золото, серебро или шелк. Это скорее всего было связано с шаманизмом. Однако с V в. драгоценные металлы начали использоваться для украшений и предметов роскоши, таких как короны, ожерелья, кольца, длинные мечи, снаряжение для лошадей и гробы, что указывает на появление богатого аристократического класса в конфедерации Кая.

Погребальные обряды включали жертвоприношения людей и животных. В Кимхэ и Хамане были обнаружены захоронения с жертвоприношениями от двух до пяти человек. В гробнице № 44 в Корёне найдено 32 жертвенных погребения с останками 24 человек. Эти практики, вероятно, связаны с верой в божественное происхождение королей (Ким 1997, 97-121).

Что же касается религии, королевская генеалогия Дэ Кая включает имена, которые встречаются в текстах буддизма Хинаяна. Королевская семья и аристократия Силлы в начале VI в. часто использовали имена, связанные с буддизмом, отражая статус и практики буддизма Хинаяна. Вероятно, члены королевской семьи Дэ Кая также начали использовать буддийские имена после брачного союза с Силлой в 522 году (Ким 1990, 109).

История конфедерации Кая демонстрирует сложное взаимодействие между политической, экономической и культурными сферами. Торговля и железное производство способствовали развитию и укреплению внешних связей, особенно с Китаем и Японией. В совокупности эти аспекты подчеркивают уникальное место Кая в истории Корейского полуострова и ее влияние на развитие региона. И хотя найденные на сегодняшний день свидетельства проливают свет на ее историю и культуру, изученность этого государственного объединения все еще остается на низком уровне и требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Ким Тхэсик (김태식). *Незавершённая цивилизация: 700-летняя история Кая (『완의 문명 7백년 가야사』)*. Сеул: Пуринёкса, 2002 (на кор. яз).
2. Ким Т. Редакционная заметка: Уникальные особенности культуры Кая. *Журнал корейского искусства и археологии*. 2021, 15, с. 5-9.

3. Ким Т. Источники для изучения истории Кая. *Ранняя Корея 3: Переосмысление истории и археологии Кая*. 2012, С. 17-48.
4. Ким Т. Королевство Кая. *Кореана*. 2006, Весна, С. 6-10.
5. Ким Т. Культурные характеристики древнего королевства Кая в Корее. *Международный журнал корейской истории*. 2005, 8, С. 169-221.
6. Пак Х. Археологические исследования Кая: прошлое, настоящее и будущее. *Ранняя Корея 3: Переосмысление истории и археологии Кая*. 2012, С. 105-168
7. Сон К. *Основание Кымгван Кая и формирование конфедерации: Переосмысление истории государств Кая*. Пусан: Пусанский национальный университет, 2000.
8. Ким Тхэсик (김태식). Отношения между Силлой и ранней Кая (신라와 전기 가야의 관계사). *Исследование древней истории Кореи*. 2010, 57, С. 275-317 (на кор. яз).
9. Тихонов В.М. *История каякских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.)*. Москва: Восточная литература РАН, 1998.
10. Ким Тхэсик (김태식). Рост и изменения Аллагука в Хамане. *Исследования корейской истории*. 1994, 86, С. 29-70 (на кор. яз).
11. И Хёнхе (이현혜). Сельскохозяйственные технологии и социальное развитие в период Трёх королевств: фокус на общест-
стве Силла IV-V веков(삼국시대의 농업 기술과 사회발전: 4~5세기 신라사회를 중심으로). *Журнал древней корейской истории*. 1991, 8, С. 45-78 (на кор. яз).
12. Пак Чонсу (박천수). *Культура Кая в Японии (일본 속의 가야문화)*. В книге «Новое понимание культуры Кая» (가야사의 새로운 이해). Тэгу: Кёнсанбук-до, 1996 (на кор. яз).
13. Ким Сэги (김세기). *Похороны и королевская власть в Кая (가야의 궤사와 왕권)*. В книге «Королевская власть Кая: 97-121 гг.» (가야 연방의 왕권: 97-121). Сеул: Шинсеовон, 1997 (на кор. яз).

References

1. Kim T. *An Unfinished Civilization: The 700-Year History of Gaya*. Seoul: Pureunyeoksa, 2002 (In Kor.).
2. Kim T. Editorial Note: The Unique Characteristics of Gaya Culture. *Journal of Korean Art and Archaeology*. 2021, 15, pp. 5-9.
3. Kim T. Sources for the study of Kaya history. *Early Korea 3: The Rediscovery of Kaya in History and Archaeology*. 2012, pp. 17-48.
4. Kim T. Gaya Kingdom. *Koreana*. 2006, Spring, pp. 6-10 (In Russ.).
5. Kim T. The Cultural Characteristics of Korea's Ancient Kaya Kingdom. *International Journal of Korean History*. 2005, 8, pp. 169-221.
6. Park H. Archaeological Research on Kaya:

- Past, Present, and Future. *Early Korea 3: The Rediscovery of Kaya in History and Archaeology*. 2012, pp. 105-168.
7. Song K. *The establishment of Kumgwan Kaya and the formation of the confederation: Reanalysis of the History of the Kaya Statelets*. Busan: Pusan National University, 2000.
 8. Kim T. The History of Relations between Silla and Early Kaya. *Journal of Korean Ancient History Research*. 2010, 57, pp. 275-317 (In Kor.).
 9. Tikhonov, V. M. *The History of the Kaya Proto-States (the Second Half of the 5th Century - 562 AD)*. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN, 1998 (In Russ.).
 10. Kim T. The Growth and Changes of Allaguk in Hama. *Korean History Research*. 1994, 86, pp. 29-70 (In Kor.).
 11. Lee H. Agricultural Technology and Social Development in the Three Kingdoms Period: Focusing on 4th-5th Century Silla Society. *Journal of Korean Ancient History*. 1991, 8, pp. 45-78 (In Kor.).
 12. Park C. *Gaya Culture within Japan. In A New Understanding of Gaya Culture*. Daegu: Gyeongsangbuk-do, 1996 (In Kor.).
 13. Kim S. *Burial and Royal Authority in Gaya. In Royal Authority of the Gaya Confederacy: 97-121*. Seoul: Shinseowon, 1997 (In Kor.).

Сведения об авторах

Ахметова Айгуль Ирековна

Университет Индже

50819, Республика Корея, г. Кимхэ, Обан-дон 607, корпус С

akhmetova.aygul@hotmail.com

Глушкова Светлана Юрьевна

Канд. филол. наук, доцент

Кафедра китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный Университет

420111, Россия, г. Казань ул. Пушкина 1/55

svetaelina@gmail.com

Пак Су Джин

Профессор

Университет Индже

50819, Республика Корея, г. Кимхэ, Обан-дон 607, корпус С

desjpark@inje.ac.kr

Information about the authors

Aygul I. Akhmetova

PhD Candidate

Department of U-Design, Inje University

50819, Republic of Korea, Gimhae, Eobang-dong 607

akhmetova.aygul@hotmail.com

Svetlana Y. Glushkova

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Chinese Studies and Asia-Pacific Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University

420111, Russia, Kazan, Pushkin St., 1/55

svetaelina@gmail.com

Soo Jin Park

PhD in Design, Professor

Department of Multimedia Design, Inje University

50819, Republic of Korea, Gimhae, Eobang-dong 607

desjpark@inje.ac.kr

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;

Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;

Approved after reviewing 10.05.2024;

Accepted for publication 25.05.2024.

Haenyeo of Jeju Island as a Symbol of Women's Struggle against Japanese Occupation on the Korean Peninsula

Хэнё острова Чеджу как символ женской борьбы против японской оккупации на Корейском полуострове

Абульханова Милена Самировна,

Хузина Алина Ильшатовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Автор ответственный за переписку:

milenaabulhanova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-4671-0579>

Milena S. Abulhanova,

Alina I. Khuzina

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Corresponding author:

milenaabulhanova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-4671-0579>

УДК 93/94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-84-95](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-84-95)

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится анализ деятельности корейских женщин-дайверов — хэнё (кор. 해녀), проживавших на острове Чеджу. В прошлом деятельность женщин-ныряльщиц считалась культурным продуктом данного острова, однако в структуре колонизации, феодализма и угнетения Японской империей Корейского полуострова в начале XX века хэнё можно расценивать как основу женского антияпонского движения на острове Чеджу и других близлежащих островов.

Актуальность исследования данной статьи состоит в исследовании роли хэнё острова Чеджу как символа женского сопротивления японской оккупации на Корейском полуострове. Цель работы заключается в изучении исторической и культурной значимости хэнё острова Чеджу как представительниц активного

ABSTRACT

This article analyzes the activities of Korean female divers, known as haenyeo (Korean: 해녀), who lived on Jeju Island. In the past, the work of female divers was considered a cultural product of this island. However, in the context of colonization, feudalism, and oppression by the Japanese Empire of the Korean Peninsula in the early 20th century, haenyeo can be regarded as the backbone of the female anti-Japanese movement on Jeju Island and other nearby islands.

The relevance of this study lies in examining the role of Jeju Island's haenyeo as symbols of female resistance to Japanese occupation on the Korean Peninsula. The aim of this study is to investigate the historical and cultural significance of Jeju Island's haenyeo as representatives of active resistance and to assess their role in the political and social context of that time.

сопротивления, оценке их роли в политическом и социальном контексте того времени.

Материалы и методы основаны на анализе литературных источников, исторических данных и научных статей, описывающих жизнь и деятельность хэнё в период японской оккупации. Результаты исследования показывают, что хэнё острова Чеджу не только внесли значительный вклад в развитие социально-общественной роли женщин того времени, но и стали символами сопротивления японской оккупации, возглавив борьбу за свободу и независимость. Их активная роль в антияпонском движении имела значительное влияние на общественное мнение и укрепила убеждение в необходимости равенства прав и борьбы за освобождение от колониального господства.

Выводы работы подчеркивают, что хэнё оказались ключевыми фигурами в антияпонской борьбе, вопреки традиционным стереотипам в отношении роли женщины в обществе. Их деятельность сыграла ключевую роль в сопротивлении японской оккупации в начале XX века, в следствие чего в корейской истории они стали символами силы, выносливости и духовного сопротивления за независимость.

Ключевые слова. Хэнё, женщины-ныряльщицы, японская оккупация, Корейский полуостров, антияпонское движение

Для цитирования: Абульханова М.С., Хузина А.И. Хэнё острова Чеджу как символ женской борьбы против японской оккупации на Корейском полуострове. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 84-95 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-84-95>

Materials and methods are based on the analysis of literary sources, historical data, and scientific articles describing the lives and activities of haenyeo during the Japanese occupation. The results of the study show that Jeju Island's haenyeo not only made a significant contribution to the development of the social role of women at that time but also became symbols of resistance to Japanese occupation, leading the fight for freedom and independence. Their active role in the anti-Japanese movement had a significant impact on public opinion and reinforced the belief in the necessity of equal rights and the struggle for liberation from colonial rule.

The conclusions underscore that haenyeo emerged as key figures in the anti-Japanese struggle, contrary to traditional stereotypes regarding the role of women in society. Their activities played a crucial role in resisting Japanese occupation in the early 20th century, making them symbols of strength, endurance, and spiritual resistance for independence in Korean history.

Keywords. Haenyeo, female divers, Japanese occupation, Korean Peninsula, anti-Japanese movement

For citation: Abulhanova M.S., Khuzina A.I. Haenyeo of Jeju Island as a Symbol of Women's Struggle against Japanese Occupation on the Korean Peninsula. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 84-95 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-84-95>

Традиционно корейское общество с давних времен, как и любое другое, считалось патриархальным — все привилегии и власть принадлежали мужчинам. В 1392 году эта ситуация еще более усугубилась с принятием китайского конфуцианства в качестве национальной религии Корейского полуострова, по причине чего модернизированный социальный строй Кореи можно было по истине считать андроцентрическим (제주일보 2023). Женщины периода эпохи Чосон (1392-1897 гг.) воспринимались субъектами мужского господства на протяжении всей своей жизни и были обязаны соответствовать конфуцианским идеалам верности, чистоты, целомудрия и послушания. Тем не менее, крестьянская революция Тонхак и другие движения, охватившие страну с 1894 по 1896 год, а также аннексия Кореи Японией в 1910 году — все это нашло довольно сильное отражение в сознании корейцев того времени, произведя большие изменения в обществе в целом и на женщинах в частности (Google Arts&Culture).

Наконец, женщинам были предложены более широкие возможности для участия в общественных пространствах образования, рынка труда и т.д. Для женщин, чьи роли ранее ограничивались только работой по дому, карьера стала важным средством демонстрации собственной суверенности, далекой от существующего традиционного порядка и ценностей. Они стремились сохранить свои собственные общественные роли, меняя свой статус и трансформируя существующее андроцентрическое общество. Теперь женщина рассматривалась не как «приложение» к партнеру или к семье, а как независимый социальный объект

с собственной общественной ролью и статусом. Влияние иностранных культур, особенно сильно наблюдавшееся в то время, способствовало созданию новых рабочих мест, что позволило корейским женщинам выйти за рамки своих домашних стереотипных ролей, превратившись в такой феномен как «новые женщины» (кор. 신여성) (Мин Юн Сук 2011, 222). К 20-30-ым годам XX века женщины уже могли выполнять самую разнообразную работу почти наравне с мужчинами (Мин Юн Сук 2011, 226). Новые рабочие места расширили женскую карьеру до общественно-социальной сферы, и дали возможность женщинам укрепить свой статус в обществе.

Трансформировалась женская профессиональная среда и относительно довольно старых профессий. Так, существенное развитие получила и работа женщин-ныряльщиц, которая была довольно широко распространена вблизи корейских островов, в частности и в провинции Чеджу. Джамнё (кор. 잠녀) или джамсу (кор. 잠수), как их называли до японской оккупации занимались добычей моллюсков и других деликатесов с местных морских глубин (Ким Ми Хен, Чхве Ен Су, Вон Хан Бин 2022).

Первое упоминание о знаменитых женщинах-ныряльщицах в корейской литературе относится к VI веку, согласно записям книги «Три корейских государства» (57 г. до н.э. — 668 г. н.э.) уже в древние времена существовали «русалки», отправлявшие королям подношения в виде жемчугов и различных морских ценностей, добытых в ближайших водах будущей Кореи (제주일보 2023). Первое же упоминание о ныряльщицах в европейских документах

датируется XVII веком, после появления на полуострове голландского путешественника Хендрика Хамела (제주일보 2023). Он описал профессию джамнё как крайне непрестижную из-за её сложности и трудоемкости. Чаще всего эти женщины были единственными кормильцами в своих семьях, и правительство облагало их высокими налогами, требуя значительную долю заработка в качестве податей и даров государственной казне. Семьям ныряльщиц доставалась лишь малая часть заработанного, и джамнё трудились до полного изнеможения, чтобы хоть как-то прокормить свои семьи. Именно по этой причине девочек к данной профессии готовили с самого детства.

Большинство ныряльщиц группами погружались на глубину от 3 до 5 метров, хотя опытные джамнё могли работать и на глубине до 20 метров. Они не имели специального оборудования за исключением масок и костюмов для ныряния. Улов собирался специальными скребками в зависимости от добываемых моллюсков в корзины, которые ныряльщицы брали во время погружения с собой, и по прошествии 1-2 минут нахождения в воде, выносили назад на сушу для небольшой передышки и подготовки к новому спуску. Таким образом, за средние 4-6 часов работы они могли собрать по 50 кг. улова каждая (Мин Юн Сук 2011, 221).

В начале XX века трансформировалось не только название джамнё — теперь их стали именовать буквально женщинами моря — хэнё (кор. 해녀), но и их общественно-политическое значение. Хэнё острова Чеджу и близ лежащих островов стали не только центром борьбы про-

тив японской оккупации на своей территории, но и символом женского сопротивления в контексте широкой борьбы за освобождение и независимость на Корейском полуострове.

Одной из характеристик хэнё во время японской оккупации было то, что они превратились в профессиональных карьеристок в современном понимании данного слова. Наконец, улов перестал отдаваться правительству в качестве дани, и стал прибылью их дела. В отличие от традиционного пространства, где женщинам отводилась роль обязательной домашней работы, хэнё были независимы и самостоятельны как в финансовом, так и в социальном смысле.

1900 год характеризовался первым масштабным скачком в распространении их деятельности, что было связано с ростом спроса, а соответственно и цен на морепродукты (Чжин Кван Хун, 153). В начале XX века численность хэнё превысила 10 тысяч человек.

Работа хэнё была очень тяжелой и комплексной — требовалось много физической выносливости и упорства, чтобы провести достаточное количество времени в море в поисках морепродуктов и водорослей без каких-либо аквалангов и специальных трубок для дыхания.

Хэнё со временем стали главными кормильцами своих семей — их зарплата порой составляла от 40 до 48 процентов общего дохода типичного домохозяйства (Чжин Кван Хун, 156). Они содержали и себя, и своих родственников, а также нередко совершали пожертвования беднякам и сиротам. Таким образом, доходы этих ныряльщиц не только способствовали

развитию экономики их собственных хозяйств, но и оказывали значительное влияние на изменение местной экономики. Бум деятельности хэнё вызвал определенные перемещения населения на острове Чеджу, таким образом, что экономические центры острова переместились с ферм в рыбацкие деревни. Деятельность хэнё, которая изначально считалась низшей формой труда в корейском обществе, получила новое признание за свою коммерческую ценность. Поскольку хэнё были центрами своих семей, общество Чеджу приобрело характеристику полуматриархального — мужчины присматривали за своими детьми и следили за домом, а женщины зарабатывали и приносили деньги (Чхва Тонг Чхоль 2022).

Ко всему прочему, хэнё со временем стали и лидерами ведения экономической деятельности всего Корейского полуострова, участвуя в широком спектре экономики Чеджу — от подписания контрактов и ведения переговоров до решения вопросов продажи и сбыта продукции. Экономическая деятельность хэнё привнесла в их жизнь не только социальную и финансовую свободу, но и полную смену парадигмы жизни.

Все это, тем не менее, пересекалось с еще одним важным фактором того времени — оккупацией Кореи Японией. В 1920-х годах, когда мир охватила экономическая депрессия, Япония активно использовала различные рычаги власти для усиления эксплуатации Кореи.

Подводные районы острова Чеджу представляли собой вулканические рифы, богатые водорослями, морскими ушками, осьминогами, мидиями и т.д. Морепродукты и другие мор-

ские предметы данной местности стали важным источником сырья для различных важнейших отраслей промышленности Японии, таких как текстильная, военная, химическая и т.д. Японские рыбаки буквально уничтожали Чеджу своей пагубной рыболовецкой и производственной деятельностью на и вблизи острова. Так, в 1912 году японское правительство объявило о постановлении о рыболовстве, чтобы обеспечить устойчивое и стабильное использование морских ресурсов данного региона (Ким Су Хи 2007, 245). Этот указ вынуждал хэнё платить плату за использование рыболовных угодий только что утвержденной и созданной Японией рыболовецкой ассоциации. Ко всему прочему, хэнё были обязаны выплачивать 50 % от суммы продаж компании, сбывавшей их морепродукты, 12% профсоюзных сборов, например, для составления зарплаты лодочников рыболовецкой ассоциации, и 18 % членского взноса рыболовецкой ассоциации (Чжин Кван Хун, 156). Таким образом, сборы хэнё стали составлять четверть их прежнего дохода за шесть с половиной месяцев.

Рыболовецкая ассоциация, основанная японским правительством, ко всему прочему, занималась установлением каналов продаж и цен на себестоимость морепродуктов. Японец по имени Ниномия, получивший известность как раз в то самое время как недобросовестный торговец, скупал морепродукты хэнё по более чем выгодной цене, менее половины рыночной, став одним из самых богатых торговцев Чеджу в то время (Ким Су Хи 2007, 256).

Все эти причины привели к усилению антияпонских настроений хэнё и организации

ими в 1913 году первых протестных движений. Четырнадцать представителей хэнё выступили от имени 8000 женщин-дайверов и подали петицию с требованием компенсации за ущерб, нанесенных японским правительством за столь незначительный период времени (Ко Чжин Сук 2022).

В конце 16 апреля 1920 года хэнё основали Ассоциацию хэнё острова Чеджу для защиты своих прав и интересов (Ко 2013, 65). В 1928 году ее возглавила Бу Чун Хва, одна из представительниц общества хэнё и яркая сторонница борьбы за свободу на Чеджу и в Корее в целом (Ко 2013, 68). Тем не менее, уже через некоторое время японское правительство понимая опасность намерения ныряльщиц поставила во главе ассоциации местного губернатора — тоса острова Чеджу (кор. 제주도사) (Lee 2018). Должность, как и многие другие, занимал японский ставленник. Ассоциация хэнё со временем ввела профсоюзные взносы и систему установленных цен на все морепродукты, и ко всему прочему умело пользовалась неграмотностью хэнё в расчете их выручки и налогообложения (Чжин Кван Хун 2004, 172).

В 1920-ых годах на острове появились вечерние школы и были созданы первые прогрессивные антияпонские движения, например, «Молодежная ассоциация Чеджу» — хэнё учились писать, читать и считать, а также обсуждали возможности демонстрации несогласия с политикой японских оккупантов (Ко 2013, 70).

В 1930 году глава Ассоциации хэнё насильно скупала продукцию хэнё за полцены, а в 1931 году установила цены на рыбную про-

дукцию на крайне низком уровне (Чжин Кван Хун, 160). Поскольку теперь ассоциация не могла решить проблемы ныряльщиц, женщины решили начать противостоять несправедливости самостоятельно. В декабре 1931 года были определены требования и политика ведения оппозиционной борьбы — были выбраны три представительницы хэнё и 10 членов представительного комитета (Наму-вики).

Согласно записям, между 1931 и 1932 годами хэнё было совершено около 238 небольших и крупных демонстраций на острове Чеджу, а также близлежащих островах Хадори, Удо, Гуджа и Сонсан (Хо 2021). Иногда за один день ныряльщицам удавалось провести более двух протестов, а количество протестующих за год составило около 17 130 человек (Официальный блог Министерства по делам патриотов и ветеранов 2021). Апогеем протестного движения стало нападение на пятидневный рынок на востоке острова Чеджу в деревне Сехвари 7 января 1932 года, в ходе которого около 300 женщин-ныряльщиц, вооруженных мотыгами и метлами, достигли офиса правительства в районе Гуджва-мен, возглавляемого Кан Гон Чхилем, пообещавшего в скором времени разрешить проблемы протестующих (Ким Енг Дон 2000, 127). Пять дней спустя, 12 января, в день, когда глава Ассоциации хэнё — тоса Тайки Тагучи ехал на пятидневный рынок, его машину окружили около 1000 хэнё с требованиями выслушать их претензии, ранее высказанные Кан Гон Чхилю (Ким Енг Дон 2000, 130). Тайки Тагучи в ходе переговоров с хэнё подписал с ними около восемь соглашений, включая соглашение об абсолютном

противодействию назначенным продажам и раскрытию финансов ассоциации (Хо 2021). Хэнэ разошлись, получив обещание от главы ассоциации — это была полная победа, так как теперь они могли продавать морепродукты по справедливой цене, а профсоюзные взносы больше равнялись половине их заработка. Тем не менее, обещание тоса в жизнь приведено было, и напротив этот протест женщин-дайверов в защиту своих прав и интересов он расценил как политический протест. По-прежнему в серьез такие движения хэнэ центральное правительство особо не воспринимало, так как никому не верилось, что женщины могут встать в центре протеста, однако местным правительством все же были предприняты шаги для пресечения любых других таких случаев повстанческого движения. Так, двадцать девять членов Ассоциации хэнэ были арестованы за организацию вооруженного нападения — среди них были такие известные активистки как Ким Ок Рён, Бу Чун Хва, Бу Док Рян и др. (Официальный блог Министерства по делам патриотов и ветеранов 2021). В общей сложности аресту подверглись около 100 хэнэ (Со Чжи Енг 2003, 205). Власти тогда также ошибочно определили, что к акции имели принадлежность левые организации, а также уважаемые преподаватели и учителя острова, в связи с чем были арестованы также сорок членов Совета народного движения, среди которых были О Мун Гю, Хан Вон Тэк, Мун То Пэ и другие известные деятели острова Чеджу (Хо 2021). Хэнэ настаивали на том, что акция была совершена исключительно их обществом, тем не менее они и другие арестованные в течение шести

месяцев подвергались различного рода зверским пыткам, начиная от вливания в нос воды с порошковым красным перцем и медицинских экспериментов и заканчивая пытками с удушением и другими формами физического и психологического насилия (Ким Ми Хен, Чхве Ен Су, Вон Хан Бин 2022).

В то время как лидеры хэнэ находились под тюремным заключением, другие женщины-ныряльщицы пытались высвободить своих коллег, однако им пришлось столкнуться с целым рядом репрессивных мер. Тем не менее, даже это их не остановило. 24 января из полицейского участка деревни Сехвари сбежали около 500 хэнэ, вооруженные мотыгами и сучками, 100 из которых были задержаны накануне данного происшествия (Официальный блог Министерства по делам патриотов и ветеранов 2021). 26 января около 40 молодых учителей и хэнэ были арестованы полицией в связи с данным инцидентом. Тогда около 800 хэнэ пытались предотвратить арест задержанных погоней за полицией, увозивших заключенных на соседний от Чеджу остров Удо (Официальный блог Министерства по делам патриотов и ветеранов 2021). Чтобы спасти их, 800 хэнэ пытались уцепиться за лодки, на которых находились арестованные, и хотя бы как-то схватиться за одежду полицейских (Хо 2021). Однако спасти арестованных не удалось, и ко всему прочему, многие из ныряльщиц получили сильные увечья, а некоторые подверглись задержанию. Существует информация о том, что около 300 хэнэ острова Удо в течении пяти дней после этого пересекали море на десяти воздушных шарах для участия в демонстрациях

на рынке Сехвари (Ко Чжин Сук 2022). Выказывая свое сопротивление, дух борьбы и мужества против империалистического гнета и грабежа, они демонстрировали социальную активность и общественную поддержку не только хэнё, но и всем корейским женщинам (Хо 2021). 27 января около 100 женщин-дайверов из порта Чондал-ри, на востоке Чеджу, провели акцию протеста с требованием освобождения арестованных, однако после этого протеста антияпонское движение женщин-дайверов было подавлено местными правительством (Хо 2021). Тем не менее, Ассоциация хэнё, наконец осознав, мощь и силу сопротивления, пообещала урегулировать требования хэнё в течение 5 дней.

В 1932 году Кан Гван Сун, пионерка хэнё, попавшая в плен при одном из восстаний, написала песню, чтобы придать силы и смелости всем ныряльщицам, находящимся в заточении у японских империалистов (Со Чжи Енг 2003, 225):

우리들은 제주도의 가엾은 해녀들 / 비참한
살림살이 세상이 알아

Мы — бедные хэнё с острова Чеджу / Весь
мир знает о нашей тяжелой жизни

추운 날 무더운 날 비가 오는 날에도 / 저
바다 물결 위에 시달리는 몸

В холодные и жаркие дни, когда идет
дождь / Мы боремся на волнах этого моря
아침 일찍 집을 떠나 황혼 되면 돌아와 / 어
린 아이 젓먹이며 저녁밥 짓는다

Раним утром мы покидаем дом и возвра-
щаемся лишь к сумеркам / Кормим детей
и готовим ужин для семьи

하루 종일 헤매었으나 버는 것은 기막혀 /
살자하니 한숨으로 잠 못 이룬다

Весь день трудимся, но зарабатываем ни-
чего / Не видим сна ни в одном глазу, не-
смотря на нашу тягу к жизни

이른 봄 고향 산천 부모 형제 이별코 / 일가
죽 생명줄을 등에다 지어

Ранней весной мы покидаем родные про-
сторы и семьи / Берем на себя ответ-
ственность за их будущее

파도 세고 무서운 저 바다를 건너서 / 각처
조선 대마도로 돈벌이 간다

Пересекаем бушующие волны и страшное
море / Переплывая воды, уезжаем на Де-
мадо (о. Цусима), чтобы хотя бы немного
заработать

배움 없는 우리 해녀 가는 곳마다 / 저놈들
의 착취 기관 설비해 놓고

Женщины моря без образования, куда бы
мы ни пошли / Эти чудовища везде уста-
новили свои машины для эксплуатации

우리들의 피와 땀을 착취한다 / 가엾은 우
리 해녀 어디로 갈까

Они выжимают нашу кровь и пот / Куда
нам деться, бедным хэнё?

В 1932 году хэнь добились от японского правительства удовлетворения своих требований путем демонстраций и массовых протестов (Чеджу ильбо 2023). Среди бесчисленных антияпонских движений японского колониального периода восстание хэнь, произошедшее на острове Чеджу, примечательно тем, что это движение возглавляли женщины, особенно те, на кого общество смотрело свысока как на прислугу со времен традиционного существования данной профессии. Восстание хэнь оценивается как одно из ключевых противостояний в антияпонском движении, которое активно сопротивлялось политике колониальной эксплуатации Японией Кореи.

В 2006 году на острове был открыт музей хэнь на небольшом холме Ёндуманге, Сандо-ри, Гуджва-ып, Чеджу-си, Чеджу-до (Официальный блог Министерства по делам патриотов и ветеранов 2021). Там же был построен памятник-мемориал и установлены бюсты Бу Чун Хва, Ким Ок Рён и Бу Док Рян, ведущих деятелей восстания Хэнь (Google Arts&Culture). В 2016 году хэнь острова Чеджу были включены в Список всемирного наследия человечества ЮНЕСКО. Важно отметить, что впервые среди около 300 объектов Списка была включена деятельность женского пола. Хэнь стали неотъемлемой частью культурного наследия, оставаясь вдохновляющим примером смелости и долгой борьбы за свои права и свободу, проложив путь к существенным социально-политическим изменениям и прогрессу в обществе корейцев в будущем.

Список литературы

1. Хэнь встали против японской оккупации и эксплуатации. (일제 억압과 수탈에 맞서 해녀들 빗창 들었다) Чеджу ильбо. (제주일보) 2023. <https://www.jejunews.com/news/articleView.html?idxno=2199850> (дата обращения 15.12.2023) (на кор. яз.)
2. The Haenyeo Community 'the Lifelong Journey of Haenyeo in the Ocean'. Google Arts&Culture. <https://artsandculture.google.com/story/the-haenyeo-community-jeju-provincial-self-governing-heanyeo-museum/QwURwjWK7xkA8A?hl=en> (дата обращения: 15.12.2023)
3. Мин Юн Сук. (민윤숙) Чеджу Хэнь и мотоцикл: материальное и социальное положение Чеджу Хэнь. (제주 해녀와 오토바이: 제주 해녀들의 물질과 사회적 지위) The Journal of Korean Historical-fork life. 2011; 35. С. 221-253. (на кор. яз.)
4. Ким Ми Хен, Чхве Ен Су, Вон Хан Бин. (김미현, 최연수, 원한빈) # Антияпонское движение Чеджу Хэнь, заглядываем в историю. (# 제주 해녀 항일운동, 그 역사를 찾아가다) Газетная радиовещательная компания Университета Кукмин. (국민대학교 신문방송사) 2022. <https://press.kookmin.ac.kr/news/articleView.html?idxno=102469> (дата обращения 15.12.2023) (на кор. яз.)
5. Чжин Кван Хун. (진관훈) Изучение экономики острова Чеджу и труда женщин-водолазов в условиях японского колониального правления. (일제하 제주도 경제와

- 해녀노동에 관한 연구) Korean Studies Quarterly. 2004; 27(1). С. 149-178. (на кор. яз.)
6. Чхва Тонг Чхоль. (좌동철) В японскую колониальную эпоху дайверы Чеджу внесли свой вклад в защиту суверенитета Токто, продвигаясь к Токто. (일제시대 제주해녀들 '독도 진출' 영유권 지키는 데 기여) Чеджу ильбо. (제주일보) 2022. <https://www.jejunews.com/news/articleView.html?idxno=2195467> (дата обращения 15.12.2023) (на кор. яз.)
 7. Ким Су Хи. (김수희) Использование Чеджу Хэнё рыболовных угодий и аспекты конфликта на южных прибрежных рыболовных угодьях в японский колониальный период (일제시대 남해안어장에서 제주해녀의 어장이용과 그 갈등 양상). The Journal of Korean History. 2007; 21. С. 297-322. (на кор. яз.)
 8. Ко Чжин Сук. (고진숙) [Старинные истории о Чеджу] Их сопротивление-Восстание хэнё на Чеджу. ([제주옛살] 그녀들의 항거-제주해녀항쟁) Чеджу тудэй. (제주투데이) 2022. <https://www.ijejutoday.com/news/articleView.html?idxno=229960> (дата обращения 15.12.2023) (на кор. яз.)
 9. Ко С. A new look at Korean gender roles: Jeju (Cheju) women as a World Cultural Heritage. World Environment and Island Studies. 2013; 3(1). С. 55-72. (на кор. яз.)
 10. Lee S., Myong S. Portraits of Jeju Heanyeo as Models of Empowerment in the Korean Newspaper Maeilshinbo during Japanese occupation. CLC Web: Comperative Literature and Culture. 2018; 20 (2). https://www.researchgate.net/publication/329563039_Portraits_of_Jeju_Heanyeo_as_Models_of_Empowerment_in_the_Korean_Newspaper_Maeilshinbo_during_Japanese_Occupation (дата обращения 15.12.2023)
 11. Движение хэнё против японской оккупации на Чеджу. (제주해녀항일운동) Намувики. (나무위키) <https://namu.wiki/w/%EC%A0%9C%EC%A3%BC%ED%95%B4%EB%85%80%ED%95%AD%EC%9D%BC%EC%9A%B4%EB%8F%99> (дата обращения 15.12.2023) (на кор. яз.)
 12. Хо Хо Чжун. (허호준) Взгляд назад на 90-летнюю антияпонскую борьбу ныряльщиц, сражавшихся с копьем в руках. (비창 들고 싸운 해녀들의 항일 투쟁, 90년을 돌아보다) Хан Кёре. (한겨레) 2021. <https://www.hani.co.kr/arti/area/jeju/1009209.html> (дата обращения 15.12.2023) (на кор. яз.)
 13. Антияпонское движение Чеджу Хэнё выступает против японской эксплуатации и оккупации. (제주 해녀 항일운동, 일제의 수탈과 착취에 맞서다) Официальный блог Министерства по делам патриотов и ветеранов. (국가보훈부공식블로그) 2021. <https://blog.naver.com/mpvalove/222432368561> (дата обращения 15.12.2023) (на кор. яз.)
 14. Ким Енг Дон. (김영돈) Реальность и воля Чеджу Хэнё. (제주해녀의 실상과 의지) Asian Comparative Folklore. 2000; 18. С. 125-133. (на кор. яз.)
 15. Со Чжи Енг. (서지영) Современные девушки в колониальном Чосоне: прогуливающие женщины на улицах Кёнсона в 1920-х и 1930-х годах. (식민지 조선의 모던걸: 1920-30년대 경성 거리의 여성 산책자)

Journal of Korean Women's Studies. 2003; 22 (3). C. 199-228. (на кор. яз.)

References

1. Haenyeo stood up against Japanese occupation and exploitation. (일제 억압과 수탈에 맞서 해녀들 빛창 들었다) Jeju Ilbo. (제주일보) 2023. <https://www.jejunews.com/news/articleView.html?idxno=2199850> (accessed: 12.15.2023) (In Kor.)
2. The Haenyeo Community 'the Lifelong Journey of Haenyeo in the Ocean'. Google Arts&Culture. <https://artsandculture.google.com/story/the-haenyeo-community-jeju-provincial-self-governing-heanyeo-museum/QwURwjWK7xkA8A?hl=en> (accessed: 12.15.2023)
3. Min Yun Suk. (민윤숙) Jeju Haenyeo and the motorcycle: the financial and social situation of Jeju Haenyeo. (제주 해녀와 오토바이: 제주 해녀들의 물질과 사회적 지위) The Journal of Korean Historical-fork life. 2011; 35. pp. 221-253. (In Kor.)
4. Kim Mi Hyun, Choi Yong Soo, Won Han Bin. (김미현, 최연수, 원한빈) # Anti-Japanese movement Jeju Henyeo, let's look into history. (# 제주 해녀 항일운동, 그 역사를 찾아가다) Kookmin University Newspaper Broadcasting Company. (국민대학교 신문방송사) 2022. <https://press.kookmin.ac.kr/news/articleView.html?idxno=102469> (accessed: 12.15.2023) (In Kor.)
5. Jin Kwang Hoon. (진관훈) A study of the economy of Jeju Island and the labor of female divers under Japanese colonial rule. Korean Studies Quarterly. (일제하 제주도 경제와 해녀노동에 관한 연구) 2004; 27(1). pp. 149-178. (In Kor.)
6. Choi Tong Chol. (좌동철) During the Japanese colonial era, Jeju divers contributed to protecting Dokdo's sovereignty by advancing towards Dokdo. (일제시대 제주해녀들 '독도 진출' 영유권 지키는 데 기여) Jeju Ilbo. (제주일보) 2022. <https://www.jejunews.com/news/articleView.html?idxno=2195467> (accessed: 12.15.2023) (In Kor.)
7. Kim Soo Hee. (김수희) Jeju Haenyeo's Use of Fishing Grounds and Aspects of Conflict in the Southern Coastal Fishing Grounds during the Japanese Colonial Period (일제시대 남해안어장에서 제주해녀의 어장이용과 그 갈등 양상). The Journal of Korean History. 2007; 21. pp. 297-322. (In Kor.)
8. Ko Jin Suk. (고진숙) [Ancient stories about Jeju] Their resistance is the Haenyeo Rebellion on Jeju. ([제주옛설] 그녀들의 항거-제주 해녀항쟁) Jeju today. (제주투데이) 2022. <https://www.ijejutoday.com/news/articleView.html?idxno=229960> (accessed: 12.15.2023) (In Kor.)
9. Ko C. A new look at Korean gender roles: Jeju (Cheju) women as a World Cultural Heritage. World Environment and Island Studies. 2013; 3(1). pp. 55-72. (In Kor.)
10. Lee S., Myong S. Portraits of Jeju Heanyeo as Models of Empowerment in the Korean Newspaper Maeilshinbo during Japanese occupation. CLC Web: Comparative Literature and Culture. 2018; 20 (2). <https://>

www.researchgate.net/publication/329563039_Portraits_of_Jeju_Haenyeo_as_Models_of_Empowerment_in_the_Korean_Newspaper_Mailshinbo_during_Japanese_Occupation (accessed: 12.15.2023)

11. Haenyeo movement against Japanese occupation in Jeju. (제주해녀항일운동) Namu-wiki. (나무위키) <https://namu.wiki/w/%EC%A0%9C%EC%A3%BC%ED%95%B4%EB%85%80%ED%95%AD%EC%9D%BC%20%EC%9A%B4%EB%8F%99> (accessed: 12.15.2023) (In Kor.)
12. Ho Ho-jung. (허호준) A look back at the 90-year anti-Japanese struggle of divers who fought with a spear in their hands. (비창 들고 싸운 해녀들의 항일 투쟁, 90년을 돌아보다) Han Kyore. (한겨레) 2021. <https://www.hani.co.kr/arti/area/jeju/1009209.html> (accessed: 12.15.2023) (In Kor.)
13. The Jeju Henyeo Anti-Japanese Movement opposes Japanese exploitation and occupation. (제주 해녀 항일운동, 일제의 수탈과 착취에 맞서다) Official blog of the Ministry of Patriots and Veterans Affairs. (국가보훈부공식블로그) 2021. <https://blog.naver.com/mpvalove/222432368561> (accessed: 12.15.2023) (In Kor.)
14. Kim Young Dong. (김영돈) The reality and will of Jeju Haenyeo. (제주해녀의 실상과 의지) Asian Comparative Folklore. 2000; 18. pp. 125-133. (In Kor.)
15. Seo Ji Young. (서지영) Modern Girls in Colonial Joseon: Women strolling on the streets of Gyeongseon in the 1920s and 1930s. (식민지 조선의 모던걸: 1920-30년대 경성 거리의 여

성 산책자) Journal of Korean Women's Studies. 2003; 22(3). pp. 199-228. (In Kor.)

Сведения об авторах

Абульханова Милена Самировна,

Казанский федеральный университет
Казань, Россия

E-mail: milenaabulhanova@gmail.com

Хузина Алина Ильшатовна,

старший преподаватель

Казанский федеральный университет
Казань, Россия

Information about the authors

Abulhanova Milena Samirovna,

Kazan Federal University
Kazan, Russia

E-mail: milenaabulhanova@gmail.com

Khuzina Alina Ilshatovna,

Senior Lecturer

Kazan Federal University
Kazan, Russia

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;

Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;

Approved after reviewing 10.05.2024;

Accepted for publication 25.05.2024.

Memoirs of Iranian revolutionaries as a source on the history of the first phase of the Lebanese civil war (1975-1976)

Воспоминания иранских революционеров как источник по истории начального периода гражданской войны в Ливане (1975-1976)

Вишнякова Ирина Андреевна,

Герасимов Игорь Вячеславович

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку:

iranvishnyakova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0008-7219-113X>

Irina A. Vishnyakova,

Igor V. Gerasimov

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

Corresponding author:

iranvishnyakova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0008-7219-113X>

УДК 94 (55) | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-96-106](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-96-106)

АННОТАЦИЯ

В рамках данного исследования производится анализ воспоминаний членов иранского революционного движения, действовавших на территории Ливана в 1970-х гг. К настоящему моменту эта группа источников, как и сама проблема участия иранцев в событиях первого этапа гражданской войны, практически не получили внимания со стороны специалистов по истории Ливана и арабо-израильского конфликта, а также со стороны исследователей, занимающихся новейшей историей Ирана. Целью анализа выступает реконструкция ранее неизвестных аспектов начального этапа ливанской гражданской войны (1975-1976 гг.). Представляется, что свидетельства иранских революционеров могут послужить ценным источником по истории начального этапа вооруженного конфликта в Ливане, поскольку в них

ABSTRACT

The article is dedicated to comparative analysis of the historical memoirs of members of the Iranian revolutionary movement acting in Lebanon in the 1970s. The principal objective of the research is to reconstruct hitherto unknown aspects of the first phase of the Lebanese civil war (1975-76). Thus far, this type of sources, as well as the problem of participation of the Iranians in the conflict on its' initial stage, has barely received attention from specialists in the history of Lebanon and the Arab-Israeli conflict, as well as from Iranian historians and researchers working in the field of the modern history of Iran. However, these memoir sources may serve as a valuable source on the history of the first years of the Lebanese civil war, not only because they reveal unknown details of the social and political life in the country during the described period, but also because the fact that

раскрываются новые подробности общественной и политической жизни страны в описываемый период, а также представлен качественно иной взгляд на события гражданской войны. В ходе исследования выделяются и анализируются основные блоки сведений о внутривосточной ситуации, сложившейся в Ливане к началу гражданского конфликта, и о событиях первого этапа мусульмано-христианского противостояния. В частности, осуществляется характеристика отношения представителей иранского оппозиционного движения к палестинской проблеме, а также производится реконструкция восприятия иранцами положения шиитской общины Ливана. Описывается участие иранских революционеров в жизни сообщества ливанских шиитов в предшествующий гражданской войне период. Предлагается характеристика основных событий первого этапа вооруженного конфликта, в том числе приводятся описания отдельных эпизодов боевых действий, отраженных в воспоминаниях иранцев. Характеризуется процесс формирования и утверждения в революционном сообществе идеи о том, что Ливан является еще одним полем боя с официальными властями Ирана.

Ключевые слова. Ближний Восток, Ливан, палестинская проблема, Иран, Исламская революция

Для цитирования: Вишнякова И.А., Герасимов И.В. Воспоминания иранских революционеров как источник по истории начального периода гражданской войны в Ливане (1975-1976). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 96-106 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-96-106>

memoirs of the Iranians may present another perspective of the events of the conflict. In the frames of the historical study, the main information on the internal political situation that had developed in Lebanon by the beginning of the civil conflict, and on the events of the first stage of the Muslim-Christian confrontation, are identified and analyzed. In particular, on the basis of these sources, a characterization of the attitude of members of the Iranian opposition movement to the Palestinian problem is provided, and a reconstruction of how the Iranians perceived and understood the position of the Shiite community in Lebanon, are performed. Active participation of Iranian revolutionaries in the life of the Lebanese Shiite community in the period preceding the civil war is analysed. A description of the prominent events of the first stage of the armed conflict, including descriptions of episodes of hostilities reflected in the memories of the Iranians, is proposed.

Keywords. Near East, Lebanon, the Palestinian cause, Iran, the Islamic revolution

For citation: Vishnyakova I.A., Gerasimov I.V. Memoirs of Iranian revolutionaries as a source on the history of the first phase of the Lebanese civil war (1975-1976). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 96-106 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-96-106>

Гражданская война в Ливане (1975-1990) — одно из важнейших событий в новейшей истории ближневосточного региона. Рассмотрению причин и предпосылок этого многолетнего конфликта, а также его ключевых этапов и аспектов посвящено большое количество работ западных и отечественных исследователей. Тем не менее, практически не получил освещения вопрос об участии в событиях начального периода гражданской войны (1975-1976 гг.) и в периодических столкновениях с израильскими войсками в южном Ливане иранских революционеров, для которых Ливан выступал в качестве важного опорного пункта за рубежом.

Период деятельности представителей иранского революционного движения на территории Ливана продлился около восьми с половиной лет, с середины 1970 г. по февраль-март 1979 г. Наиболее активный и массовый характер эта деятельность приняла именно с началом вооруженного конфликта. Всего в 1975-1979 гг. в Ливане побывало от нескольких сотен до нескольких тысяч иранских революционеров-нелегалов (Чамран 2007, 69-70; Гаризи 2015). Для большей части иранских оппозиционеров длительность пребывания в Ливане ограничивалась несколькими месяцами, однако были среди них и те, кто провел в этой стране несколько лет, оставив впоследствии множество свидетельств и воспоминаний о данном периоде своей жизни.

Особняком среди этих имен стоит фигура Мустафы Чамрана (1933-1981) — известного иранского оппозиционного деятеля, переехавшего в Ливан в 1971 г. и остававшегося там

вплоть до победы Исламской революции. Несмотря на то, что Чамран, в 1981 г. погибший на полях ирано-иракской войны, не успел оставить комплексное описание и осмысление событий своей насыщенной жизни, сохранились письма и дневниковые записи, относящиеся к периоду его пребывания в Ливане, в которых содержится множество заслуживающих интереса со стороны исследователей сведений.

Тем не менее, воспоминания иранских революционеров, как и сама проблема участия иранцев в событиях первого этапа гражданской войны, практически не получили внимания со стороны специалистов по истории Ливана и арабо-израильского конфликта, составной частью или неизбежным следствием которого многими исследователями считается ливанская гражданская война (Hudson 1978; Khalidi 1983; Siklawi 2012). В свою очередь, иранские исследователи и специалисты по новейшей истории Ирана склонны рассматривать присутствие иранских добровольцев в Ливане в дореволюционный период лишь в качестве преамбулы к событиям 1980-х гг., в частности, активизации иранской политики в сиро-ливанском регионе, созданию движения «Хезболла» (араб. حزب الله, «Партия Аллаха») и др., а потому не уделяют достаточного внимания изучению воспоминаний революционеров о событиях 1975-1976 гг. (Chehabi 2006; Тахери 2011).

Однако эти свидетельства могут послужить ценным источником по истории начального этапа вооруженного конфликта в Ливане не только потому, что в них раскрываются новые подробности общественной и политической

жизни в стране в описываемый период, но и потому, что авторы воспоминаний предоставляют качественно иной взгляд на события гражданской войны. В рамках данного исследования производится сравнительный анализ мемуарных источников (воспоминаний различных видов, автобиографий, фрагментов писем и дневников, материалов интервью средствами массовой информации и др.), принадлежащих деятелям иранского революционного движения, целью которого является реконструкция ранее неизвестных аспектов первых лет гражданской войны в Ливане.

Основной причиной, обусловившей превращение Ливана в один из ключевых центров иранского революционного движения за рубежом, послужила активная деятельность в этой стране палестинских военизированных организаций, в частности возглавляемого Я. Арафатом (1929-2004) «Движения за освобождение Палестины» (араб. حركة التحرير الوطني الفلسطيني, ḥarakat al-taḥrīr al-Fīlastīnī), более известным по перевернутой аббревиатуре «ФАТХ» (араб. فتح) (Гарази 2015).

Первые связи между иранской оппозицией и палестинскими организациями были установлены еще в конце 1960-х гг. На протяжении 1960-х гг. представители различных оппозиционных течений участвовали в сборе помощи

палестинским беженцам и распространяли обличающую военные преступления Израиля литературу. Борьба за восстановление прав народа Палестины стала одним из главных пунктов внешнеполитической программы как леворадикальных групп, так и членов исламского движения, возглавляемого аятоллой Р. Хомейни (1902-1989) (Йезди 2015, 407). В начале 1970-х гг. иранские добровольцы стали проходить военное обучение в палестинских лагерях на ливано-израильской границе, фактически представлявших собой «государство в государстве» (Чамран 2007, 69-70).

Для сторонников исламского крыла революционного движения важность представляло также сотрудничество с ливанскими шиитами, духовным и политическим лидером которых с 1959 г. являлся иранский богослов Муса Садр (1928-неизв.)¹. Именно по приглашению М. Садра в Ливан приехал Мустафа Чамран², который, вдохновившись мыслью о необходимости оказания помощи и поддержки ливанским шиитам и мусульманскому населению страны в целом, согласился возглавить техническое училище для подростков из шиитских деревень южного Ливана (Йезди 2004, 46-47).

В 1974 г. М. Чамран принял активное участие в создании «Движения обездоленных» (араб. حركة المحرومين, ḥarakat al-maḥrūmīn) —

¹ В августе 1978 г. во время своего визита в Ливию ас-Садр бесследно исчез, и вплоть до настоящего момента обстоятельства этого происшествия остаются невыясненными.

² М. Чамран начал свою политическую деятельность с участия в студенческом движении 1950-х гг. в поддержку Национального фронта и движения за национализацию нефти М. Мосаддега (1882-1967). После окончания Тегеранского университета, М. Чамран получил государственную стипендию на продолжение обучения в США. В 1960-х гг. Чамран стал активным членом «Движения за свободу Ирана» (перс. نهضت آزادی ایران, nēhẓat-ē āzādi-ye irān, далее по тексту — ДСИ) — политической организации либерально-исламского толка.

политической организации, задачей которой являлось отстаивание интересов шиитской общины Ливана. По задумке Чамрана, «Движение» должно было стать кадровой организацией с четкой структурой и продуманной идеологией. Негативным примером для него послужил опыт ливанских, а также палестинских фракций, партий и группировок. По мнению иранского оппозиционера, палестинцам с самого начала существования «Организации освобождения Палестины» недоставало единства, а оказавшись в Ливане, палестинские лидеры быстро переняли присущую ливанским политикам «любовь к играм и интригам» и, в результате, трения между группировками усилились (Чамран 2007, 90,93).

Стоит, однако, отметить, что в силу ограниченности ресурсов, которые находились в распоряжении руководства «Движения обездоленных», усилия М. Чамрана по созданию четкой организационной структуры оказались тщетными. Товарищ Чамрана по оппозиционному движению, доктор Джалиль Зарраби (дата рожд. неизв)³, в 1976 г. переехавший в Ливан для работы в клинике для шиитов, вспоминал, что несмотря на популярность Мусы Садра и «Движения обездоленных» среди всего исламского населения страны, эта организация фактически не обладала реальной политической силой (Зарраби 2004, 138).

Помимо идеологических и организационных сложностей, причиной слабости «Движения» выступало также нежелание М. Садра создавать на его базе военизированные подразделения. В ситуации, когда юг Ливана, значительную часть населения которого составляли мусульмане-шииты, с 1972 г. подвергался периодическим атакам со стороны вооруженных сил Израиля, «Движение обездоленных» не могло обеспечить защиту шиитского населения, что в значительной мере затрудняло процесс отстаивания интересов шиитской общины Ливана (Зарраби 2004, 138).

Лишь в конце 1974 г. при сотрудничестве с «ФАТХ» было сформировано военное крыло «Движения обездоленных» — «Полки ливанского сопротивления» (араб. أفواج المقاومة اللبنانية, ал-муғавамат ал-Лубнāнийя), более известное под аббревиатурой «Амаль» (араб. أمل, «надежда»). Задача формирования военной организации также легла на плечи М. Чамрана, который еще в 1960-х гг. провел два года в Египте, проходя обучение тактике и приемам боя у местных военных специалистов (Чамран 2007, 69,87).

При создании «Амаль» Чамран столкнулся со сходными проблемами — недостатком идеологически подготовленных кадров и необходимого финансирования. По воспоминаниям доктора Зарраби, его товарищ всеми силами

³ Как и М. Чамран, Дж. Зарраби состоял в «Движении за свободу Ирана». В 1962 г. вместе с другими видными членами этой организации он был арестован и приговорен военным судом к тюремному заключению. После освобождения из тюрьмы он доучился на медицинском факультете Тегеранского университета и уехал в США, где закончил ординатуру по специальности «педиатрия». В 1976 г. через общих друзей из «ДСИ» Зарраби получил предложение М. Чамрана переехать в Ливан и работать в госпитале для шиитского населения. В скором времени он приехал в Бейрут, где к нему впоследствии присоединились жена (также врач-педиатр) и дети (Йезди 2015, 384).

стремился справиться со стоявшими перед ним задачами, однако, несмотря на практически круглосуточную работу, эффективность его была не очень высока (Зарраби 2004, 138).

Таким образом, к началу гражданской войны «Амаль» обладала лишь небольшим кадровым резервом и, следовательно, ограниченной боеспособностью. На первом этапе конфликт принял характер христианско-мусульманского противостояния, и шииты, составлявшие большую часть населения мусульманских пригородов Бейрута, «опоясывавших» христианские районы столицы, стали одними из первых жертв боевых действий (Чамран 2007, 121). Несмотря на нежелание М. Садра вступать в вооруженный конфликт с правохристианскими отрядами и неоднократные попытки установить перемирие между христианским и исламским (по преимуществу, левым) блоком, в конечном итоге вооруженные шиитские отряды вступили в коалицию с исламскими силами и приступили к боевым действиям против правохристианских группировок (Чамран 2007, 136-141).

В отличие от большинства действовавших в Ливане сил у шиитского сообщества не было поддержки со стороны иностранных государств, за исключением небольшой материальной помощи, поступавшей из благотворительных фондов крупных иранских богословов и частных лиц, сочувствовавших нуждам шиитской общины Ливана (Чамран 2007, 72). В результате, многие шиитские юноши из крупных городов севера страны или из южноливанских деревень в обмен на месячное жалованье и доступ к оружию для защиты своих домов и семей вступали в вооруженные отряды «левых» орга-

низаций, получавших финансирование от СССР, Китая, Ирака, Сирии и других стран. По словам М. Чамрана, командиры этих отрядов использовали необученных шиитских бойцов в качестве пушечного мяса, отправляя их в первую линию атаки, где многие из них погибали в первые же минуты боя (Чамран 2007, 36-37).

В качестве иллюстрации, Чамран приводит один из эпизодов боевых действий в районе Шийах (араб. *الشيح*), одном из юго-западных пригородов Бейрута. В этом районе, населенном по преимуществу христианами и шиитскими беженцами из южного Ливана, шли ожесточенные бои между отрядами мусульманской коалиции и правохристианскими группировками. Однажды на командный пункт отряда «Амаль», где в то время находился Чамран, пришел юноша-шиит и сказал, что его дом расположен прямо на линии столкновения, в 20 метрах от позиций христиан, которые могут в любой момент пойти в наступление. Он просил выдать ему оружие, чтобы защитить своих родителей. Тем не менее, ему вынуждены были отказать, поскольку на тот момент у отряда не хватало оружия даже для своих бойцов. Тогда молодой человек был вынужден обратиться в отряд ливанских коммунистов, действовавших в этом же районе. Даже не спросив, умеет ли он владеть оружием и сражаться, не научив его ничему, ему выдали автомат Калашникова и отправили на тяжелейший участок фронта – проспект Асаад аль-Асаад (араб. *اسعد الاسعد*), который стал буквально кладбищем для лучших бойцов «Амаль». В результате, неопытный юноша погиб уже через 5 минут (Чамран 2007, 39).

Помимо Шийаха, отряды «Амаль» участвовали в обороне населенных мусульманами районов в окрестностях Бейрута. Очень сложная обстановка сложилась в Набае (араб. النبعة), одном из самых густонаселенных пригородов ливанской столицы, располагавшемся в окружении преимущественно армянских районов. Большую часть населения Набаы, насчитывавшего на начало войны около 270 тыс. человек, составляли шииты, приехавшие в столицу на заработки. Шиитские семьи, насчитывавшие 10-15 человек, ютились в крошечных комнатах многоэтажных домов. С началом войны этот район был окружен войсками правохристианской партии «Катаиб», и за несколько месяцев осады местное население серьезным образом пострадало от голода и постоянных бомбардировок противника. Из-за большой плотности населения каждый залп гранатомета уносил жизни нескольких человек. Жители Набаы платили армянам, формально соблюдавшим нейтралитет, за помощь с выходом из окружения через христианские территории, однако каждый день при попытке выехать оттуда в Бейрут гибли десятки человек (Чамран 2007, 207-209).

По просьбе М. Садра, Чамран предпринял небольшую поездку в Набау, целью которой являлась координация действий местного шиитского ополчения. Несмотря на то, что ему необходимо было преодолеть всего несколько десятков километров, эта поездка могла оказаться смертельной. Иранский революционер оставил следующие записи об этом путешествии: «Мы выехали из мусульманского района. Раздавались пулеметные очереди. Это была территория смерти. Пограничная территория

между мусульманами и христианами. Абсолютно пустые улицы, разрушенные в ходе тяжелых бомбардировок. Из покореженных водопроводных труб фонтанами прорывалась вода. То тут, то там попадались взорванные и сгоревшие автомобили. Какая ужасная картина! Повсюду виднелся отпечаток смерти...» (Чамран 2008, 77). Затем Чамрану предстояло преодолеть блокпост христианской милиции. Воспользовавшись чужим паспортом и притворившись французским доктором, он въехал на территорию Ашрафии (араб. الأشرفية) одного из христианских районов Бейрута. Он описал разрушения некогда красивейшего района столицы следующим образом: «Пострадавший в боях город, все жители, даже маленькие дети, вооружены, повсюду следы взрывов и разрушений. Жуткое место, всюду страх, будто в крепости, ожидающей нападения врага. Все женщины в черном, на стенах зданий снимки погибших, везде оставили свой след смерть и печаль» (Чамран 2008, 77).

Оказавшись в Набае, М. Чамран посетил передний край фронта: «От врага нас отделяло всего несколько метров. С одной стороны улицы под прикрытием мешков с песком несли патруль наши бойцы, а с другой стороны улицы прямо напротив нас были такие же баррикады из мешков с песком, принадлежавшие врагу. Если бы два бойца с противоборствующих сторон одновременно посмотрели бы друг на друга сквозь щели между мешками, они могли бы даже рассмотреть, какого цвета у врага глаза. Я удивлялся, как можно смотреть в глаза другому человеку, находясь так близко к нему, и при этом убить его!» (Чамран 2008, 77-78).

Воспоминания доктора Дж. Зарраби также содержат многочисленные описания разрушенного Бейрута и тяжелых условий жизни оставшихся в нем жителей: регулярные перестрелки на улицах, полуразрушенные здания, выбитые стекла, воронки и следы от попадания снарядов, взорванные автомобили, разрушенные водопроводы и колодцы с ржавой водой, в которой невооруженным взглядом были видны личинки насекомых (Зарраби 2004, 133, 136). Открытие клиники для шиитов и всех нуждающихся в медицинской помощи жителей столицы сопровождалось множеством сложностей, начиная с поиска подходящего помещения, необходимого оборудования и медикаментов, подбора вспомогательного медицинского персонала, и заканчивая языковым барьером, существовавшим между Зарраби и его пациентами (Зарраби 2008, 135-136).

Помимо Бейрута и других крупных городов севера страны, «Амаль» участвовала в отражении атак со стороны израильских войск на юге Ливана. Благодаря усилиям М. Садра и М. Чамрана шииты южного Ливана, долгое время не оказывавшие сопротивления диверсионным отрядам израильтян, нападавшим на деревни, убивавшим и бравшим в плен мужчин, уничтожавшим постройки и посадки, начали объединяться для отражения атак. (Чамран 2007, 152). В результате, к организации примкнуло большее количество бывших сторонников прокоммунистических и националистических организаций (Зарраби 2004, 132).

В этот же период среди наиболее активных членов иранского оппозиционного движения транслировались и укреплялись идеи о том,

что сражения против Израиля и правохристианских сил Ливана — важный этап борьбы с шахским режимом, выступавшим важным региональным союзником как для самих этих сил, так и для активно поддерживавших их США. В качестве примера можно привести историю революционера Асгара Джаммалифарда (род. 1945). В начале 1970-х гг. он переехал из Ирана в ФРГ, где начал принимать активное участие в деятельности местного отделения Ассоциации иранских студентов Европы. В 1975 г. он всерьез планировал уехать в оманский Дофар, где хотел присоединиться к повстанцам, сражавшимся против власти султана Кауса бен Саида (1970-2020). Обусловлено это желание было тем, что с 1972 г. на стороне правительственных сил воевал специальный контингент иранских вооруженных сил. Сражаясь за народ Дофара, Джаммалифард мог бы одновременно бороться с шахским режимом, о чем он мечтал с ранней юности. Тем не менее, Мустафа Чамран, познакомившийся с Джаммалифардом во время своей поездки в ФРГ, убедил его отказаться от этой идеи и присоединиться к «Амаль», в рядах которой молодой человек смог бы оказывать помощь единоверцам-шиитам. Приехав в Ливан в конце 1975 г., он принял участие в боях против христианских отрядов в Бейруте и в сражениях с израильтянами на юге Ливана (Джаммалифард 2018) Помимо А. Джаммалифарда в то же время в южном Ливане воевало еще несколько десятков иранских революционеров (Джаннати 2017).

Итак, в ходе анализа воспоминаний членов иранского революционного движения, действовавших в 1970-х гг. в Ливане, было выявлено

несколько ключевых блоков сведений об участии иранских революционеров в событиях ливанской гражданской войны и характер отражения информации об этих событиях в мемуарных источниках.

Прежде всего, значительный интерес представляют причины, обусловившие эмиграцию части иранских революционных деятелей в Ливан и их включения в местную общественно-политическую жизнь. Если в начале 1970-х гг. основной причиной интереса со стороны иранских оппозиционеров к событиям в Ливане являлось присутствие и деятельность в этой стране палестинского движения сопротивления, то впоследствии не менее важную роль стали играть и отношения между иранцами и сообществом мусульман-шиитов Ливана. Большой ценностью обладает характеристика событий первого этапа гражданской войны в Ливане. Помимо описаний боевых действий, в которых принимали участие иранские революционеры, их мемуары содержат также зарисовки картины жизни ливанцев в военный период и упоминания об отдельных эпизодах, оказавших большое влияние на авторов воспоминаний. Особого внимания заслуживает также процесс превращения гражданской войны в Ливане в глазах представителей иранской оппозиции в одну из фаз противостояния с шахским режимом.

Список литературы

1. Мустафа Чамран (مصطفى چمران). *Ливан: Избранные речи и работы славного исламского командира шахиды доктора Мустафы Чамрана о Ливане* (لبنان: گزیده‌های از مجموعه سخنرانیها و دستنوشته‌های سردار پرافاخر اسلام شهید دکتر مصطفی چمران). Тегеран: Бонйād-э шаһид чамрāн, 2007 (на перс. яз.).
2. Мохаммад Гарази (محمد غرضی). *Что имам поручил Гарази обсудить на встрече с Хафезом Асадом* (ماموریت امام به فرضی برای دیدار با حافظ اسد چه بود؟). «Священная оборона» (خبرگزاری دفاع) <https://defapress.ir/fa/news/48005> (дата обращения 10.06.2015) (на перс. яз.).
3. Hudson M.C. The Palestinian Factor in the Lebanese Civil War. *Middle East Journal*. 1978. Vol. 32, No. 3 (Summer, 1978). P. 261-278.
4. Khalidi W. *Conflict and Violence in Lebanon: Confrontation in the Middle East*. Cambridge, MA: Center for International Affairs, Harvard University, 1983.
5. Siklawi R. The Dynamics of the Amal Movement in Lebanon 1975-90. *Arab Studies Quarterly*. 2012. Vol. 34, No. 1. P. 4-26.
6. Chehabi H.E. (ed.) *Distant Relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years*. The Center of Lebanese Studies, Oxford, 2006.
7. Сейед Мехди Тахери (سید مهدی طاهری). *Влияние исламской революции Ирана на шиитов Ливана с акцентом на движение*

- «Хезболла» تأثیرات انقلاب اسلامی ایران بر) (بر)
شیعیان لبنان با تاکید بر جنبش حزب الله).
Исследования по Исламской революции
C. مطالعات انقلاب اسلامی). 2011. № 23.
108-156 (на перс. яз.).
8. Ибрахим Йезди (ابراهيم یزدی).
Шестдесят лет терпеливости и благо-
дарности. Воспоминания доктора Ибрахи-
ма Йезди. Т. 2. Восемнадцать лет на чуж-
бине: 1960-1978 (و شصت سال صبوری و)
شکوری: خاطرات دکتر ابراهیم یزدی. ج. 2
Тегеран: Кавир, 2015 (هجده سال در غربت).
(на перс. яз.).
9. Ибрахим Йезди (ابراهيم یزدی).
Книга памяти великого мученика доктора Мустафы Ча-
мрана (یادنامه شهید بزرگوار دکتر مصطفی)
Тегеран: Галам, 2004 (на перс. яз.).
10. Джалиль Зарраби (جلیل ضرابی).
Чамраном в госпитале имама Хусейна (با)
Книга چمران در "مستوصف الحسين".
памяти великого мученика доктора Му-
стафы Чамрана (یادنامه شهید بزرگوار دکتر)
Тегеран: Галам, 2004. (مصطفی چمران).
С. 130-152. (на перс. яз.).
11. Мустафа Чамран (مصطفی چمران).
Обзор заметок шахида Чамрана, сделанных
в Ливане в 1971-1976 гг. (نگاهى به)
یادداشت‌های شهید چمران در لبنان طی
شهادتنامه سال‌های 1971 تا 1976).
C. 77-82. (شاهد یاران). 2008. № 37.
(на перс. яз.).
12. Асгар Джаммалифард (اصغر جمالی‌فرد).
Интервью с Абу Ханифом (گفتوگو با)
راه برترینها). ((ابوحنیف).
- 20.02.2018 <https://www.bartarinha.ir/fa/news/679665> (дата обращения 12.03.2020) (на перс. яз.).
13. Али Джаннати (علی جنتی).
Али Джаннати говорит о своей жизни и своем
времени. *Восток* (شرق). 17.09.2017.
6 (на перс. яз.).

References

1. Mustafa Chamran. *Lebanon: Selected speeches and works of Mustafa Chamran on Lebanon*. Tehran: Bonyād-e shahid chamrān Publ., 2007. (In Pers.).
2. Mohammad Gharazi. What did the Imam ordered to Gharazi to discuss with Hafez al-Assad. *Sacred Defence*. <https://defapress.ir/fa/news/48005> (accessed: 18.03.2021). (In Pers.).
3. Hudson M.C. The Palestinian Factor in the Lebanese Civil War. *Middle East Journal*. 1978. Vol. 32, No. 3 (Summer, 1978). Pp. 261-278.
4. Khalidi W. *Conflict and Violence in Lebanon: Confrontation in the Middle East*. Cambridge, MA: Center for International Affairs, Harvard University, 1983.
5. Siklawi R. The Dynamics of the Amal Movement in Lebanon 1975-90. *Arab Studies Quarterly*. 2012. Vol. 34, No. 1. Pp. 4-26.
6. Chehabi H.E. (ed.). *Distant Relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years*. The Center of Lebanese Studies, Oxford, 2006.

7. Seyed Mehdi Taheri. Influence of the Islamic Revolution of Iran on the Lebanese Shia Muslims with Emphasis on the Hezbollah Movement. *Studies on Islamic Revolution*. 2011. Vol. 23. Pp. 108-156. (In Pers.).
8. Ibrahim Yezdi. *Sixty years of patience and gratitude. Memories of Dr. Ibrahim Yezdi. Vol. 2. Eighteen years abroad:1960-1978*. Tehran: Kavir Publ., 1394 (2015/6). (In Pers.).
9. Ibrahim Yezdi. *Book of memories on the great martyr Mustafa Chamran*. Tehran: Ghalam Publ., 2004. (In Pers.).
10. Jalil Zarrabi. With Chamran in "Husayn" Hospital. *Book of memories on the great martyr Mustafa Chamran*. Tehran: Ghalam Publ., 2004. Pp. 130-152. (In Pers.).
11. Mustafa Chamran. Review of the notes of the martyr Chamran made in Lebanon in 1971-1976. *Notes on friends*. 2008. Vol. 37. Pp. 77-82. (In Pers.).
12. Asghar Jammalfard. Interview with Abu Khanif. *Path of the selected*. <https://www.bartarinha.ir/fa/news/679665>. (accessed 12.03.2020). (In Pers.).
13. Ali Jannati. Ali Jannati on his lifetime. *East*. 09. 17.2017. P. 6. (In Pers.).

Сведения об авторе

Вишнякова Ирина Андреевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
iranvishnyakova@gmail.com

Герасимов Игорь Вячеславович,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Information about the author

Irina A. Vishnyakova,

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
iranvishnyakova@gmail.com

Igor V. Gerasimov,

Professor

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;

Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;

Approved after reviewing 10.05.2024;

Accepted for publication 25.05.2024.

The «weak link» of the European Union in the global policy of China

«Слабое звено» Европейского Союза в глобальной политике КНР

Александр Иванович Лычагин¹,

Оксана Ивановна Бодрова²,

Дарья Григорьевна Меркулова³

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

dgmerkulova@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0002-2983-4557>

²<https://orcid.org/0009-0002-9134-1726>

³<https://orcid.org/0009-0005-1544-9200>

Alexander I. Lychagin¹,

Oksana I. Bodrova²,

Darya G. Merkulova³

*^{1,2,3} Nizhny Novgorod State University named after
N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia*

Corresponding author:

dgmerkulova@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0002-2983-4557>

²<https://orcid.org/0009-0002-9134-1726>

³<https://orcid.org/0009-0005-1544-9200>

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-107-122](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-107-122)

АННОТАЦИЯ

Настоящее исследование посвящено анализу влияния Соединённых Штатов Америки на Китайскую Республику (Тайвань). Тайваньская проблематика рассматривается как один из основополагающих факторов в контексте отношений между Китайской Народной Республикой и Соединёнными Штатами на современном этапе. Основу исследования составляет анализ двусторонних соглашений США и КНР по вопросу региональной политики Китая, нормативно-правовых документов КНР в отношении КР, а также аналогичных документов законодательства США применительно к Тайваню. Авторами определены этапы формирования тайваньской проблематики, выявлены политические и экономические причины американского

ABSTRACT

This study is devoted to analyzing the influence of the United States of America on the Republic of China (Taiwan). The Taiwan issue is seen as one of the fundamental factors in the context of relations between the People's Republic of China and the United States. The study is based on an analysis of bilateral agreements between the United States and the People's Republic of China on the issue of regional policy of China, regulatory documents of the People's Republic of China in relation to Taiwan, as well as similar documents of US legislation in relation to Taiwan. The authors identified the stages of formation of the Taiwan issue, identified the political and economic reasons for American influence on the Republic of China, and also considered prospects for the development of

влияния на Китайскую Республику, а также рассмотрены перспективы по развитию фактора Тайваня в политике материкового Китая на современном этапе. Кроме того, в настоящем исследовании рассмотрена взаимосвязь дипломатических и иных шагов со стороны китайского и американского правительств в контексте условий меняющегося миропорядка, в частности, распространение влияния КНР в Европейском регионе посредством своего экономического влияния. В настоящем исследовании рассматриваются отношения КНР с Сербией и Венгрией в контексте развития экономического сотрудничества в области развития инфраструктуры в долгосрочной перспективе, в частности, в рамках реализации программы «Шёлкового пути».

Ключевые слова. КНР, США, ЕС, арабо-израильский конфликт, глобальная политика КНР

Для цитирования: Лычагин А.И., Бодрова О.И., Меркулова Д.Г. «Слабое звено» Европейского Союза в глобальной политике КНР. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 107-122 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-107-122>

Процесс глобализации, масштабная имплементация информационных технологий и развитие межгосударственного сотрудничества стимулируют экономический и социальный прогресс, однако, в то же время влекут за собой новые риски и вызовы. В условиях трансформации современной системы международных отношений, обусловленных турбулентно-

the Taiwan factor in the politics of mainland China at the present stage. In addition, this study examines the relationship between diplomatic and other steps on the part of the Chinese and American governments in the context of the changing world order, in particular, the spread of China's influence in the European region through its economic influence. This study examines China's relations with Serbia and Hungary in the context of the development of economic cooperation in the field of infrastructure development in the long term, in particular, within the framework of the implementation of the Silk Road program.

Keywords: China, USA, EU, Arab-Israeli conflict, global policy of China

For citation: Lychagin A.I., Bodrova O.I., Merkulova D.G. The «weak link» of the European Union in the global policy of China. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 107-122 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-107-122>

стью и попытками осуществления контроля в контексте меняющегося миропорядка, одним из наиболее актуальных вопросов, представляющих особый интерес среди отечественных и зарубежных исследователей, являются отношения Китайской Народной Республики и Соединённых Штатов Америки.

Китайская Народная Республика и Соединённые Штаты Америки, будучи державами, занимающими первенство в мировой экономике (США — первая экономика мира по номинальному ВВП, КНР — по ВВП по ППС), а также постоянными членами Совета Безопасности Организации Объединённых Наций, с одной стороны, заинтересованы в углублении сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес, в рамках двусторонних отношений и партнёрства в международных организациях. С другой стороны, находясь в условиях борьбы за статус ведущей державы не только на региональном, но и на глобальном уровне, китайско-американские отношения демонстрируют тенденцию к возврату биполярной системы международных отношений.

Взаимные претензии китайской и американской сторон во многом обусловлены спорами по вопросам политики КНР по Китайской Республике (Тайвань). Китайская Республика, формально являющаяся одной из 23-х провинций Китайской Народной Республики, что документально закреплено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 октября 1971 года, де-факто являет собой государство [1].

Несмотря на политику «Одного Китая» («Одна страна — две системы»), закреплённую в Шанхайском коммюнике от 1972 г. [2], «Китайско-американском коммюнике об установлении дипломатических отношений от 29 октября 1979 г.» [3] и «Совместном китайско-американском заявлении от 29 октября 1997 г.» [4], а также «Консенсусу 1992 г.» [5], американская сторона, де-юре, признающая остров частью КНР, де-факто выстраивает свои отно-

шения с Китайской Республикой как с государством. Примечательно, что именно США инициировали ротацию между Китайской и Китайской Народной республиками в Организации Объединённых Наций.

Весной 1969 года проводились первые переговоры между госсекретарём США Генри Киссинджером и главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем, направленные на обсуждение дальнейших путей улучшения отношений КНР и США. В 1971 году в Пекине состоялась очередная встреча Генри Киссинджера и председателя Государственного совета КНР Чжоу Эньлая, связанная с обсуждением запланированного визита в Китай Ричарда Никсона, что ознаменовало официальное начало развития китайско-американского диалога (Киссинджер, 2014).

Вашингтон поддержал стремление КНР урегулировать тайваньский вопрос в своих интересах, отметив, что суверенитет над островом является «...нерешённым вопросом, подлежащим международному урегулированию в будущем...» (Киссинджер, 2014). Результатом следования данного курса стало исключение правительства Гоминьдана из ООН и принятие резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 октября 1971 года «О восстановлении Китайской Народной Республики во всех её правах и признании её представителей единственным законным представителем Китая» [1]. Таким образом, учитывая возможности США в мировой политике, последние оказали решающее влияние на ООН в пользу коммунистического Китая, учитывая, конечно, и то обстоятельство, что СССР и весь социалистический лагерь не признал Китайскую Республику в качестве

субъекта международного права после 1 октября 1949 года. Однако, на сегодняшний день американская сторона подвергает критике действия КНР в тайваньском проливе, а также активно поддерживает процесс распространения идей «декитаизации» острова, активно поставляет различные виды вооружений, имеет своих военных советников и т.п., придерживаясь положения «Закона об отношениях с Тайванем»[6].

В свою очередь Пекин расценивает все действия со стороны американского правительства в отношении Тайваня как прямое нарушение международного права, в частности, апеллируя к положению «о невмешательстве во внутренние дела государства»[7], закреплённом в «Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета» (Принята резолюцией 2131 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г.)[7].

Помимо совместных китайско-американских соглашений, осуществляющих правовое регулирование по тайваньскому вопросу, в 1993 году правительство КНР выпустило «Белую книгу по тайваньскому вопросу»[8], в которой Тайвань упоминается как неотъемлемая часть Китая, а также рассматривается происхождение тайваньского вопроса, основные руководящие принципы и соответствующая политика китайского правительства по решению тайваньского вопроса, руководствуясь принципом «Одного Китая».

С другой стороны, в последние годы ключевые детерминанты развития идей независимости на Тайване можно условно разделить на

внутреннюю политику, проводимую Демократической Прогрессивной Партией (далее ДПП), и внешнюю, учитывающую влияние третьих государств, в особенности Соединённых Штатов Америки.

23 декабря 2023 года Джо Байден подписал «Закон об оборонном бюджете США на 2024 год»[9], объём которого составил 886 млрд. долл. США. Согласно документу, а именно разделам 1341, 1342, 1343, 1344, 1347 и 1352, Соединённые Штаты принимают следующие меры:

- «...Необходимо провести Индо-Тихоокеанскую кампанию, командование которой проводит логически взаимосвязанную военную деятельность для достижения согласованных со стратегией целей. Цели инициативы должны включать: укрепление военных альянсов и партнерств США в регионе, сдерживание военной агрессии со стороны потенциальных противников и формирование восприятия потенциальных противников в отношении военного потенциала США...» [9] (раздел 1341);
- «...Необходимо создание комплексной программы обучения, консультирования и наращивания институционального потенциала для военных сил Тайваня под руководством Министерства Обороны США...» [9] (раздел 1342);
- «...Необходимо, чтобы Министерство обороны стремилось разработать инициативу с союзниками и партнерами для повышения осведомленности о морской сфере

- в Индо-Тихоокеанском регионе...» [9] (раздел 1343);
- «...Необходимо расширение полномочий Министерства обороны по продолжению Тихоокеанской инициативы по сдерживанию (программа по укреплению сдерживания и обороны Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе) до конца 2024 года...» [9] (раздел 1344);
 - «...Закон уполномочивает Министерство на закупку для замены определенных боеприпасов, переданных на Тайвань, и уполномочивает Министерство по заключению соглашений с Тайванем и другими иностранными союзниками о предоставлении материальных и сопутствующих услуг в поддержку Тайваня...» [9], «... Раздел также расширяет полномочия Департамента по заключению этих контрактов и соглашений в течение 2028 финансового года...» [9] (раздел 1347);
 - «...Министерство обороны США должно стремиться взаимодействовать с Тайванем для расширения военной деятельности по кибербезопасности...» [9] (раздел 1352).

Исходя из положений документа следует отметить, что, несмотря на действующие вышеупомянутые коммюнике, заключённые между китайской и американской сторонами, Соединённые Штаты продолжают придерживаться политики «двойных стандартов» в попытках исполнения своих обязанностей сразу перед «обеими сторонами тайваньского пролива»,

что усложняет как отношения между сторонами «одного Китая», делая из зачастую взрывоопасными, так и между КНР и США. Особое недовольство Пекина, что вполне естественно, вызывают как продажи оружия Китайской Республике, так и регулярная многомиллиардная помощь, преследующая те же, оборонительные от КНР, цели.

Китайское руководство следует по пути мирного воссоединения с островом, что не раз подчёркивалось в заявлениях глав государства и иных высоких представителей в рамках двусторонних и многосторонних переговоров, а также подтверждалось подписанием различных соглашений. В Конституции КНР Тайвань упоминается как «...часть священной территории Китайской Народной Республики» [10]. Там также отмечается, что «...Завершение великого дела воссоединения Родины — священный долг всего китайского народа, в том числе и наших соотечественников на Тайване...» [10], что констатирует статус Тайваня в качестве провинции материкового Китая и, как следствие, квалифицирует любые сепаратные сношения с островом как посягательство на суверенитет КНР.

Вскоре после подписания «Закона об оборонном бюджете США на 2024 год» заместитель директора по информации Министерства иностранных дел КНР Мао Нин в ходе одного из брифингов упомянула, что «...Закон вмешивается во внутренние дела Китая, декларирует военную поддержку Тайваня и нарушает принцип «Одного Китая» и три совместных китайско-американских коммюнике...» [11]. По словам

Мао Нин, «...Китай настоятельно призывает Соединённые Штаты выполнить обязательства не поддерживать идеи независимости Тайваня...» [11], «...прекратить манипулировать тайваньским вопросом и перестать угрожать миру и стабильности в Тайваньском проливе...» [11]. На брифинге также отмечалось, что данный Закон ставит под угрозу вопрос относительно дальнейшего экономического сотрудничества, а Соединённым Штатам следует «...отказаться от менталитета «холодной войны» и идеологических предрассудков и создать благоприятную среду для китайско-американского сотрудничества в торговле и иных сферах...» [11]. Пресс-секретарь также отметила необходимость следования принципам, установленным на саммите в Сан-Франциско в ноябре 2023 года, в противном случае «...Китай примет решительные меры для защиты своего суверенитета, безопасности и прав и интересов развития» [11].

Кроме того, в ходе брифинга также упоминался вопрос о военном развёртывании сил США в Азиатско-Тихоокеанском регионе посредством новых военных альянсов: AUKUS и QUAD, деятельность которых на сегодняшний день, в основном, трактуется как сдерживание китайского влияния в Южно-Китайском море и противодействие российской угрозе.

Несмотря на озвученные на брифинге положения относительно невмешательства во внутренние дела КНР, в конце февраля 2024 года представитель США Майк Галлахер, возглавляющий специальный комитет Палаты представителей США по Китаю, совершил визит в КР [12]. По сообщению Reuters, Галлахер в составе делегации совершил визит на Тай-

вань в рамках поддержки острова, заявив, что «...США поддержат Тайвань, вне зависимости от того, кто выиграет выборы в США...» [12].

В рамках своего визита он был принят президентом КР Цай Ин-Вэнь и новоизбранным президентом Тайваня Лаем (Уильям) Цин-Дэ (инаугурация которого состоялась 20 мая). Основной целью данного визита, по словам главы делегации, являлась «демонстрация двухпартийной поддержки Тайваня» [12]. Президент Цай выразила благодарность правительству и парламенту США за помощь Тайваню, и сказала, что надеется на усиление сотрудничества в текущем, 2024 году. На встрече с Лай Цин-Дэ глава делегации отметил, что американская сторона настроена на углубление сотрудничества с островом [12]. Стоит также упомянуть о том, что в декабре 2023 года комитет Галлахера опубликовал список двухпартийных рекомендаций по экономическим связям США с КНР, изложив в документе цели на 2024 год, которые, по его словам, помогут Соединённым Штатам заполучить статус бенефициара в АТР [13]. В документе, опубликованном комитетом, отмечалось, что:

- «...Работа Специального комитета Палаты представителей по стратегической конкуренции между Соединёнными Штатами и КПК имеет решающее значение для предотвращения угроз...» [13];
- «...Этот всеобъемлющий, двухпартийный экономический отчет обеспечивает основанную на фактах, откровенную переоценку торгово-финансовых отношений между США и Китаем...» [13];

- «...Двухпартийная стратегия, утвержденная Комитетом по Коммунистической партии Китая, является новаторским моментом, и её важные рекомендации представляют собой неотъемлемые компоненты, необходимые для противодействия экономическому влиянию КНР и КПК» [13];
- «...В Вашингтоне появился сильный двухпартийный консенсус, чтобы положить конец использованию Коммунистической партией Китая экономического принуждения для подрыва национальной безопасности Америки и американских ценностей...» [13];

Стоит также отметить, что 22 февраля текущего года Министерство обороны Тайваня выпустило информацию о том, что 21 февраля правительство США объявило об «информировании Конгресса» продаже оружия Тайваню для «Плана модернизации системы военной тактической сети Link-16» на общую сумму 75 миллионов долларов [14].

Министерство национальной обороны Китайской Республики отметило, что в случае реализации плана, «...необходимо попросить США обновить связь данных интегрированной системы надзора и наблюдения за национальными военными, провести общее планирование и завершить некоторые приоритетные обновления, чтобы повысить эффективность существующих общих боевых изображений, установить военную совместимость и в полной мере использовать совместную боевую мощь...» [14]. Министерство обороны КР выразило благодарность правительству США за ока-

зание помощи Тайваню в укреплении его оборонного потенциала и подчеркнуло, что «...Соединенные Штаты будут продолжать укреплять свое партнерство в области безопасности и совместно поддерживать мир и стабильность в Тайваньском море и в Индо-Тихоокеанском регионе, выполняя свои обязательства по обеспечению безопасности на основе Закона об отношениях с Тайванем, Шести гарантий для Тайваня и Закона об укреплении устойчивости Тайваня...» [14].

Очевидно, что американское вмешательство в тайваньский вопрос продиктовано желанием Вашингтона контролировать экономическое и политическое влияние КНР, о чём, в частности, свидетельствует заявление Джо Байдена на саммите G20 в сентябре 2023 года о запуске проекта Silk Road 2.0., направленного на сдерживание китайской инициативы «Один пояс — один путь». Согласно стратегии проекта, американская сторона планирует запустить экономический коридор Индия — Ближний Восток — Европа (ИМЕС) [15] для сдерживания распространения китайского влияния в зарубежных регионах.

Однако, трагические события 7 октября 2023 года, связанные с эскалацией арабо-израильского конфликта определили кардинальные изменения в геополитическом ландшафте. Очевидно, что подготовка ХАМАС (Палестинская исламистская политическая и военная организация, управляющая Сектором Газа — признана террористической организацией) к новому витку конфликта проходила при поддержке извне, о чём свидетельствует уровень подготовки организации [16].

Справедливо полагать, что бенефициаром поддержки палестинской стороны является КНР, заинтересованная в ослаблении позиций Израиля в качестве одного из связующих государств в рамках реализации проекта «Silk Road 2.0.» США.

Немаловажным аспектом является и то, что на сегодняшний день Китайская Республика является ведущим поставщиком полупроводников, что также объясняет рост интереса США к острову. Соединённые Штаты владеют филиалом компании по производству полупроводников TSMC в Аризоне, стимулируя фактор экономической интеграции с Тайванем.

Однако, несмотря на попытки американской стороны воздействовать на Китайскую Республику посредством своего экономического присутствия, степень экономической интеграции «между двумя сторонами тайваньского пролива» демонстрирует более устойчивую тенденцию развития. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о продаже дочерней компании King Yuan Electronics Co (京元電子) (КНР) стоимостью 4.885 млрд. юаней тайваньским компаниям King Long Technology (Suzhou) Ltd (京隆科技), Dense Forest Ltd и некоторым другим, опубликованные 27 апреля 2024 года информационным агентством Taipei Times [17]. Согласно опубликованным данным, руководство компании приняло данное решение «на фоне растущей геополитической напряженности» и нового витка торговых трений между США и Китаем, который привел «...к резкой смене глобальной цепочки поставок полупроводников» [17]. Руководство компании рассчи-

тывает использовать капитал для финансирования расширения заводов и оборудования, а также инвестировать в современное испытательное оборудование и научно-исследовательские работы, что, очевидно приведёт к усилению экономического партнёрства между материковой и островной частью Китая.

В заключении стоит отметить, что Соединённые Штаты имеют доминирующее влияние на Тайвань, препятствуя воссоединению острова с материком посредством своего многостороннего присутствия на Тайване и предоставления ему оружия, а также выстраивания отдельного экономического сотрудничества. Однако, основная тенденция в отношениях между материковым и островным Китаем демонстрирует достаточно устойчивое развитие, несмотря на попытки США дестабилизировать обстановку в регионе и препятствовать распространению глобальной политики КНР.

Справедливо отметить, что вмешательство во «внутренние дела КНР» с американской стороны неизбежно влечёт за собой рост напряжённости не только на региональном, но и на глобальном уровне. Попытки США довлеть над положением КНР в АТР влекут за собой ответные меры со стороны Пекина, заключающиеся, в частности, в распространении его влияния в Европе.

6 мая 2024 года Си Цзиньпин прибыл с официальным визитом во Францию для встречи с Эмануэлем Макроном [18]. В рамках встречи Председатель КНР и его французский коллега обсудили вопросы двусторонних отношений между Китаем и Францией: от торговли

и инвестиций до инноваций и культурного обмена. Примечательно, что на встрече глав государств также присутствовала председатель Европейской Комиссии Урсула фон дер Ляйен [18], что, мягко говоря, вызывает недоумение и, безусловно, негативно сказывается на имидже президента Франции. В рамках встречи председатель Еврокомиссии высказывала претензии Председателю КНР на предмет датирования некоторых отраслей промышленности Китая, в частности, автомобильной и металлургической, что, совершенно очевидно, является грубым вмешательством во внутренние дела Китая, опять же, учитывая тот факт, что сам ЕС традиционно субсидирует сельского хозяйства большинства развитых стран ЕС.

Во время трехсторонней встречи Китай-Франция-ЕС, Си Цзиньпин подчеркнул, что китайско-европейские отношения обладают «...мощной внутренней силой и широкими перспективами развития, и они не направлены против какой-либо третьей стороны, не должны опираться на какую-либо третью сторону или же зависеть от нее...» [19]. Кроме того, в рамках встречи стороны обменялись мнениями по арабо-израильской проблематике, а также пришли к выводу о необходимости выступить с инициативой по глобальному перемирию и прекращению огня во время предстоящих Олимпийских игр в Париже [20], что, разумеется, несёт в себе особую значимость в контексте украинского кризиса, и, безусловно, является инициативой в интересах Российской Федерации.

Вслед за встречами в Париже, Си Цзиньпин нанёс визит в Сербию, в рамках которой Пред-

седатель Си и президент Сербии Александр Вучич обсудили планы о расширении партнёрства между странами [21], а также, по сообщению Reuters, подписали 29 соглашений, способствующих правовому, нормативному и экономическому сотрудничеству и обсудили сербское потенциальное участие в инициативе «Пояс — путь» [22]. По оценкам информационного агентства WRAL News, улучшение отношений Китая с Сербией и вовлечённость последней в программу «Шёлкового пути» можно назвать «китайским троянским конем и воротами» в Европу [23].

9 мая 2024 года в годовщину 75-летия отношений Китая и Венгрии состоялся первый визит Си Цзиньпина в Будапешт [24]. На встрече с президентом Тамашем Сулюком Си Цзиньпин призвал сторону Венгрии помочь в продвижении «стабильных и здоровых» связей между Китаем и Европейским союзом. Главы государств обсудили дальнейшее укрепление сотрудничества между двумя странами во всех областях, в том числе в рамках инициативы «Один пояс и один путь», заявив, что двусторонние связи «...выдержали испытание меняющейся международной ситуации...» и были «...наилучшими в своей истории...» [24]. Председатель Си также отметил, что отношения между странами «...не направлены ни против третьей стороны...» и «...не ограничены третьей стороной...» [24], что свидетельствует о готовности Китая к продвижению на Запад на независимых от мнения США условиях. В свою очередь, президент Венгрии заявил, что венгерская сторона поддерживает позицию Пекина по тайваньскому вопросу [25].

Примечательно, что Сербия и Венгрия уже перманентно декларируют несогласие с антироссийской позицией ЕС, в частности, эти страны абсолютно солидарны с позицией КНР по вопросу украинского кризиса, а именно немедленное и повсеместное прекращение огня, после чего — переговоры. Кроме того, формально Сербия не является ни членом Организации Североатлантического договора, ни участником Европейского Союза. Нам совершенно очевидно, что Китай нашёл «слабое звено» ЕС и стратегически ведёт переговоры с отдельными государствами Европы, но не с Евро-союзом в целом. Важным аспектом в рамках визита Председателя Си стало заявление о флагманском проекте китайско-венгерского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а именно строительство высокоскоростной железной дороги, соединяющей Белград и Будапешт [26]. КНР уже имеет опыт в развитии транспортной инфраструктуры на Балканах — в Черногории. Китайская сторона принимала активное участие в реконструкции железнодорожной инфраструктуры Черногории, а в 2015 году Подгорица передала проект по строению автомобильной магистрали Бар — Боляре китайской компании China Road and Bridge Corporation (CRBC) [27]. При этом кредит на строительство также был взят в Китайском экспортно-импортном банке (China Exim). Правительство Черногории ожидало завершение работ к 2019 году, при этом стоимость проекта первоначально составляла €800 млн [27]. Однако, окончание строительства несколько раз откладывалось, а его стоимость со временем возросла до €1,3 млрд [27]. По данным за 2021 год,

госдолг Черногории составил €4,33 млрд, или 103% от ВВП, 14,5% из которых составил долг КНР [27]. Данное обстоятельство позволяет нам сделать вывод о том, что Китай стремится распространить влияние на Балканах и, в перспективе, в Западной Европе посредством своего экономического присутствия в регионе, с последующим «выдавливанием» Соединённых Штатов. Конечно, это отдалённая перспектива, но, нам совершенно очевидно, что замысел китайской дипломатии именно таков.

Список литературы и источников

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2758 от 25 октября 1971 г. «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН» [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru> (дата обращения: 19.02.2020)
2. 中华人民共和国和美利坚合众国联合公报 (“上海公报”) (1972年2月28日) [Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Соединённых Штатов Америки от 28 февраля 1972 г.] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Совета КНР. URL: https://www.gov.cn/ztl/zmdh/content_624341.htm (дата обращения: 19.02.2024)
3. Joint Communiqué On The Establishment Of Diplomatic Relations Between The People's Republic Of China And The United States Of America, 1979 [Электронный ресурс] //

- USC US-China Institute. URL: <https://china.usc.edu/joint-communique-establishment-diplomatic-relations-between-peoples-republic-china-and-united-state> (дата обращения: 20.02.24)
4. 中美联合声明 (1997年10月29日) [Совместное китайско-американское заявление (29 октября 1997 года)] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Совета КНР. URL: https://www.gov.cn/ztl/zmdh/content_624352.htm (дата обращения: 19.02.2024)
 5. «Консенсус 1992 г.» // Китайский Информационный центр. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2019-04/02/ (дата обращения: 19.02.2024)
 6. Taiwan Relations Act [Электронный ресурс] // U.S. defense articles and services, availability to Taiwan. United States Department of States. URL: <https://www.congress.gov/96/statute/STATUTE> (дата обращения: 10.03.2022)
 7. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета (Принята резолюцией 2131 Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г.) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 19.02.2020)
 8. 《一个中国的原则与台湾问题》 (白皮书) [Белая Книга КНР: Принцип «Одного Китая» в отношении тайваньского вопроса] (от 1993 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного Совета КНР. URL: https://www.gov.cn/test/2006-02/28/content_213366.htm (дата обращения: 19.02.2020)
 9. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2024 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конгресса США. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/2226> (дата обращения: 21.02.24)
 10. Конституция КНР: Пекин: 1982 (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004, 2018). – 138 с.
 11. China firmly opposes U.S. signing into law national defense authorization act: spokesperson [Электронный ресурс] // Xinhua News. URL: <http://eng.chinamil.com.cn/VOICES/MinistryofForeignAffairs/16276348.html> (дата обращения: 23.02.24)
 12. B. Blanchard, US lawmaker in Taiwan visit reassures support regardless of U.S. election outcome [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/us-lawmaker-who-chairs-china-committee-arrives-taiwan-2024-02-22/> (дата обращения: 23.02.24)
 13. Select Committee Adopts Proposal to Reset Economic Relationship with The People's Republic of China [Электронный ресурс] / The Select Committee on the CCP. URL: <https://>

- selectcommitteeontheccp.house.gov/media/press-releases/select-committee-adopts-proposal-reset-economic-relationship-peoples-republic (дата обращения: 24.02.2024)
14. 國防部發布新聞稿，針對「美對臺軍售案」乙情說明(113年2月22日) [Министерство национальной обороны выпустило пресс-релиз по «делу о продаже оружия США Тайваню»] [Электронный ресурс] / Ministry of National Defense of Taiwan. URL: <https://www.mnd.gov.tw/Publish.aspx?p=82620&title=國防消息&SelectStyle=新聞稿> (дата обращения: 24.02.24)
 15. D.Sacks, Will the U.S. Plan to Counter China's Belt and Road Initiative Work? / Council on foreign relations. // URL: <https://www.cfr.org/blog/will-us-plan-counter-chinas-belt-and-road-initiative-work> (дата обращения: 27.04.2024)
 16. Hamas's October 7 Attack: Visualizing the Data. / Center for strategic and international studies. // URL: <https://www.csis.org/analysis/hamass-october-7-attack-visualizing-data> (дата обращения: 5.05.2024)
 17. L. Wang, King Yuan plans to divest its Chinese subsidiary. / Taipei Times. // URL: <https://www.taipetimes.com/News/front/archives/2024/04/27/2003817012> (дата обращения: 28.04.2024)
 18. Китай и Франция готовы укреплять связи на фоне глубоких изменений в мире. / Жэньминь жибао. // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0506/c95181-20165185.html> (дата обращения: 8.05.2024)
 19. Си Цзиньпин заявил, что Китай выступает против использования украинского кризиса для очернения третьей страны и подстрекательства к "новой холодной войне". / Жэньминь жибао. // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0507/c31520-20165473.html> (дата обращения: 9.05.2024)
 20. Си Цзиньпин заявил, что Китай готов совместно с Францией выступить с инициативой о глобальном перемирии во время предстоящих летних Олимпийских игр в Париже. / Жэньминь жибао. // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0507/c31520-20165454.html> (дата обращения: 9.05.2024)
 21. EU candidate Serbia and China chart 'shared future'. / Euractiv News. // URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/news/eu-candidate-serbia-and-china-chart-shared-future/> (дата обращения: 9.05.2024)
 22. Китай и Сербия намечают "общее будущее", когда Си Цзиньпин посещает Европу. / Reuters. // URL: <https://www.reuters.com/world/chinas-xi-jinping-visit-serbia-anniversary-1999-nato-bombing-2024-05-07/> (дата обращения: 9.05.2024)
 23. China and EU-candidate Serbia sign an agreement to build a 'shared future'. / WRAL News. // URL: <https://www.wral.com/story/chinese-leader-xi-jinping-set-to-meet->

- serbian-officials-on-the-second-leg-of-his-europe-tour/21420095/ (дата обращения: 09.05.2024)
24. Xi Jinping says China-Hungary relations an 'all-weather' strategic partnership. / Euractiv News. // URL: <https://www.euractiv.com/section/china/news/xi-jinping-says-china-hungary-relations-an-all-weather-strategic-partnership/> (дата обращения: 09.05.2024)
25. Xi Jinping banking on Hungary and Serbia in face of growing China-Europe tensions | South China Morning Post. / South China Morning Post. // URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3261707/whos-who-xis-europe-trip-chinese-president-accompanied-macron-meeting-top-party-and-> (дата обращения: 09.05.2024)
26. Высокоскоростная железная дорога Будапешт-Белград стала флагманским проектом в рамках "Пояса и пути" в Центральной Европе. / CGTN. // URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-05-10/1788910188789665793/index.html> (дата обращения: 10.05.2024)
27. Долговая яма Черногории. / ТАСС. // URL: <https://tass.ru/opinions/11196953/amp> (дата обращения: 10.05.2024)

References

1. UN General Assembly Resolution 2758 of October 25, 1971 "Restoration of the legitimate rights of the People's Republic of China in the UN" // United Nations. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru> (accessed: 19.02.2024) (In Russ.)
2. 中华人民共和国和美利坚合众国联合公报（“上海公报”）（1972年2月28日）[Joint communiqué of the People's Republic of China and the United States of America dated February 28 1972] // Official website of the State Council of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/ztl/zmdh/content_624341.htm (accessed: 19.02.2024) (In Chin.)
3. Joint Communiqué On The Establishment Of Diplomatic Relations Between The People's Republic Of China And The United States Of America, 1979 // USC US-China Institute. URL: <https://china.usc.edu/joint-communiqué-establishment-diplomatic-relations-between-peoples-republic-china-and-united-state> (accessed: 02.02.2024)
4. 中美联合声明（1997年10月29日）[Joint Chinese-American statement (October 29, 1997)] // Official website of the State Council of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/ztl/zmdh/content_624352.htm (accessed: 19.02.2024) (In Chin.)
5. "1992 Consensus" // Chinese Information Center. URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2019-04/02/

- (accessed: 19.02.2024) (In Russ.)
6. Taiwan Relations Act // U.S. defense articles and services, availability to Taiwan. United States Department of States. URL: <https://www.congress.gov/96/statute/STATUTE> (accessed: 10.03.2024)
 7. Declaration on the inadmissibility of interference in the internal affairs of states, on the protection of their independence and sovereignty (Adopted by resolution 2131 of the UN General Assembly on December 21, 1965) [Electronic resource] // United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (accessed: 19.02.2024) (In Russ.)
 8. 《一个中国的原则与台湾问题》（白皮书） [White Book of the People's Republic of China: The "One China" Principle in relation to the Taiwan Question] (from 1993) [Electronic resource] // Official website of the State Council of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/test/2006-02/28/content_213366.htm (accessed: 19.02.2024) (In Chin.)
 9. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2024 [Electronic resource] // Official website of the US Congress. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/2226> (accessed: 21.02.2024)
 10. Constitution of the People's Republic of China: Beijing: 1982 (as amended in 1988, 1993, 1999, 2004, 2018). – 138 p.
 11. China strongly opposes the U.S. signing into law national defense authorization act: spokesperson // Xinhua News. URL: <http://eng.chinamil.com.cn/VOICES/MinistryofForeignAffairs/16276348.html> (accessed: 23.02.2024) (In Russ.)
 12. B. Blanchard, US lawmaker in Taiwan visit reasures support regardless of U.S. election outcome // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/us-lawmaker-who-chairs-china-committee-arrives-taiwan-2024-02-22/> (accessed: 23.02.2024)
 13. Select Committee Adopts Proposal to Reset Economic Relationship with The People's Republic of China / The Select Committee on the CCP. URL: <https://selectcommitteeontheccp.house.gov/media/press-releases/select-committee-adopts-proposal-reset-economic-relationship-peoples-republic> (accessed: 24.02.2024)
 14. 國防部 發布 新聞稿 針對 「美對臺軍售案乙情 乙情 說明 說明 說明 說明 說明 說明 說明 說明 說明 說明 說明 說明 月 2 月 22 日」 [The Ministry of National Defense issued a press release for the “US weapons case”] / Ministry of National Defense of Taiwan. URL: <https://www.mnd.gov.tw/Publish.aspx?p=82620&title=國防消息&SelectStyle=新聞稿> (accessed: 24.02.2024) (In Chin.)
 15. D. Sacks, Will the U.S. Plan to Counter China's Belt and Road Initiative Work? / Council on foreign relations. // URL: <https://www.cfr.org/blog/will-us-plan-counter-chinas-belt-and-road-initiative-work> (accessed: 27.04.2024)

16. Hamas's October 7 Attack: Visualizing the Data. / Center for strategic and international studies. // URL: <https://www.csis.org/analysis/hamass-october-7-attack-visualizing-data> (accessed: 05.05.2024)
17. L. Wang, King Yuan plans to divest its Chinese subsidiary. / Taipei Times. // URL: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2024/04/27/2003817012> (accessed: 28.04.2024)
18. China and France are ready to strengthen ties amid profound changes in the world. / People's Daily. // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0506/c95181-20165185.html> (accessed: 08.05.2024) (In Russ.)
19. Xi Jinping said that China opposes the use of the Ukrainian crisis to smear a third country and incite a "new Cold War". / People's Daily. // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0507/c31520-20165473.html> (accessed: 09.05.2024) (In Russ.)
20. Xi Jinping said that China is ready, together with France, to come up with an initiative for a global truce during the upcoming Summer Olympics in Paris. / People's Daily. // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0507/c31520-20165454.html> (accessed: 09.05.2024) (In Russ.)
21. EU candidate Serbia and China chart 'shared future'. / Euractiv News. // URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/news/eu-candidate-serbia-and-china-chart-shared-future/> (accessed: 09.05.2024)
22. China and Serbia chart a 'shared future' as Xi Jinping visits Europe. / Reuters. // URL: <https://www.reuters.com/world/chinas-xi-jinping-visit-serbia-anniversary-1999-nato-bombing-2024-05-07/> (accessed: 09.05.2024) (In Russ.)
23. China and EU-candidate Serbia sign an agreement to build a 'shared future'. / WRAL News. // URL: <https://www.wral.com/story/chinese-leader-xi-jinping-set-to-meet-serbian-officials-on-the-second-leg-of-his-europe-tour/> (accessed: 09.05.2024)
24. Xi Jinping says China-Hungary relations an 'all-weather' strategic partnership. / Euractiv News. // URL: <https://www.euractiv.com/section/china/news/xi-jinping-says-china-hungary-relations-an-all-weather-strategic-partnership/> (accessed: 09.05.2024)
25. Xi Jinping banking on Hungary and Serbia in face of growing China-Europe tensions | South China Morning Post. / South China Morning Post. // URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3261707/whos-who-xis-europe-trip-chinese-president-accompanied-macron-meeting-top-party-and-> (accessed: 09.05.2024)
26. The Budapest-Belgrade high-speed railway has become the flagship project of the Belt and Road in Central Europe. / CGTN. // URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-05-10/1788910188789665793/index.html> (accessed: 10.05.2024) (In Russ.)
27. Debt pit of Montenegro. / TASS. // URL:

<https://tass.ru/opinions/11196953/amp>
(accessed: 10.05.2024) (In Russ.)

Сведения об авторах

Александр Иванович Лычагин

д.и.н., Заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: lychagin.a@bk.ru

Оксана Ивановна Бодрова

к.и.н., Доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: oksana-rul@yandex.ru

Дарья Григорьевна Меркулова

ассистент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: dgmerkulova@mail.ru

Oksana I. Bodrova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Oriental Languages Department of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: oksana-rul@yandex.ru

Darya G. Merkulova

Assistant of the Department of Oriental Languages of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: dgmerkulova@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;

Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;

Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;

Approved after reviewing 10.05.2024;

Accepted for publication 25.05.2024.

Information about the authors

Alexander I. Lychagin

Doctor of History, Head of Oriental Languages Department of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: lychagin.a@bk.ru

Persian manuscript of the 18th century from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS): Contribution to the historiography of Kashmir

**Персидская рукопись XVIII века из коллекции ИВР РАН:
Вклад в историографию Кашмира**

Смирнова Анастасия Михайловна

*Институт Восточных рукописей РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
anastasiasmirnova111@gmail.com*

Anasatasia M. Smirnova

*Institute of Oriental Manuscripts (RAS),
St. Petersburg, Russia*

*Corresponding author:
anastasiasmirnova111@gmail.com*

УДК 930 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-123-132](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-123-132)

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена вопросу изучения источников по истории Кашмира, написанных на персидском языке. Кашмир длительное время испытывал на себе влияние иранской культуры, что не могло не сказаться на историографии региона. Существует ряд источников по истории Кашмира на персидском языке, которые сравнительно подробно освещены в иранской и мировой историографии. Однако, есть и менее известные научному сообществу тексты, которые необходимо изучить и сделать более доступными для ознакомления. Одним из таких источников является работа Мухаммада 'Азама Дидамари «Ваки'ат-и Кашмир» или «События Кашмира».

Основная цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать три списка рукописи «Ваки'ат-и Кашмир», хранящиеся в собрании Института Восточных рукописей

ABSTRACT

This article is devoted to the study of historical sources on the history of Kashmir, written in Persian. Kashmir experienced the influence of Iranian culture for a long time, which could not but affect the historiography of the region. There are a number of sources on the history of Kashmir in Persian, which are covered in comparative detail in Iranian and world historiography. However, there are also texts less known to the scientific community that need to be studied and made more accessible for review. One such source is the work of Muhammad 'Azam Didamari «Vaqi'at-i Kashmir» or «Events of Kashmir».

The main purpose of this article is to analyze three copies of the manuscript «Vaqi'at-i Kashmir» stored in the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and determine the significance of this source in the context of the historiography of Kashmir by

РАН и определить значение данного источника в контексте историографии Кашмира путем использования историко-сравнительного, текстологического и лингвистического методов научного исследования.

Результатом проделанной работы можно назвать освоение и анализ текста рукописи, сравнение трех его списков из собрания ИВР РАН между собой, а также, с двумя другими списками, хранящимися в Кашмире и Калькутте и имеющимися в онлайн доступе.

В качестве основных выводов, приведенных в статье, можно упомянуть, что списки «Ваки'ат-и Кашмир» из собрания ИВР РАН являются прижизненными автору и наиболее ранними из всех списков, имевшихся в нашем распоряжении. Текст рукописи представляет собой своеобразное собрание имен суфиев, ученых и поэтов Кашмира, отчасти — географический справочник по Кашмиру, а также источник по истории Кашмира — если говорить о последней главе.

Ключевые слова. персидская рукопись, историография, история Кашмира, тазкира, ИВР РАН

Для цитирования: Смирнова А.М. Персидская рукопись XVIII века из коллекции ИВР РАН: Вклад в историографию Кашмира. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 123-132 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-123-132>

using historical-comparative, textual and linguistic methods of scientific research.

The result of the work done can be called the development and analysis of the text of the manuscript, the comparison of three of its copies from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts RAS with each other, as well as with two other copies stored in Kashmir and Calcutta and available online.

As the main conclusions given in the article, it can be mentioned that the copies of «Vaqi'at-i Kashmir» from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts RAS are the lifetime of the author and the earliest of all the copies at our disposal. The text of the manuscript is a kind of collection of names of Sufis, scholars and poets of Kashmir, partly a geographical guide to Kashmir, as well as a source on the history of Kashmir — if we talk about the last chapter.

Keywords. Persian manuscript, historiography, history of Kashmir, tazkireh, Institute of Oriental Manuscripts RAS

For citation: Smirnova A.M. Persian manuscript of the 18th century from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS): Contribution to the historiography of Kashmir. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 123-132 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-123-132>

Географически, Кашмир является самым северным регионом Индийского субконтинента. В прошлом, термин «Кашмир» относился только к Кашмирской долине, расположенной между Большими Гималаями и хребтом Пир-Панджал. Сегодня этот термин применяется для обозначения более широкой территории, включающей Джамму, Кашмир и Ладакх, находящиеся под управлением Индии, а также Азад-Кашмир и Гилгит-Балтистан, контролируемые Пакистаном, и территории Аксайчин и Транс-Каракорумский тракт, которые находятся под контролем Китая.

Исторически, изучение Кашмира всегда оставалось важным с точки зрения религиозной обстановки, так как население этой территории представлено несколькими конфессиями. На севере преобладает ислам, на юге — индуизм, а на востоке — буддизм, также там проживают сикхи. По данным переписи населения Британской Индии, в княжестве Кашмир и Джамму мусульмане составляли 74,16% населения, 95,6% мусульман проживало в кашмирской долине, и такое соотношение сохранялось даже в середине XX века (Imperial Gazetteer of India 1908, 99-102).

На индийских территориях ислам распространялся с первых лет его возникновения в VII в., однако, из-за изолированности Кашмира, сюда он пришел сравнительно поздно. Долгое время история региона была тесно связана с развитием буддизма. В IV веке н.э. Кашмир был центром изучения буддизма и индуизма, а кашмирские миссионеры распространили буддизм в Тибете и Китае (Састри 1988, 219).

В XI веке мусульманский правитель Махмуд Газневи совершил поход на Кашмир. Его кампания не увенчалась успехом, однако в регион начали проникать первые иранские просветители исламской мысли (Вазифедан Муллашахи 2014, 142).

Представители династии Шах-Миридов (1339–1561) стали первыми мусульманскими правителями Кашмира, и при их правлении мусульмане, особенно из Ирана, начали активно переселяться в Кашмир. В XIV веке ислам стал доминирующей религией в Кашмире, который, к этому моменту, утратил свой статус центра санскритской литературы.

Таким образом, можно сказать, что ислам в Кашмире имеет исторические корни, связанные с иранскими переселенцами и распространением мусульманских традиций. Влияние этой религии на культуру Кашмира является неотъемлемым элементом местной идентичности.

Связь между кашмирской и иранской культурами стала темой для исследований современных иранских ученых. Например, Абул Касем Радфар является иранским исследователем и экспертом по вопросу изучения Кашмира. Его работа, название которой можно перевести на русский язык как «Кашмир — это маленький Иран», посвящена историческим, политическим и социальным аспектам кашмирского вопроса (Радфар 2006).

Другой современный иранский исследователь Мухаммад Хусейн Риахи посвятил одну из своих работ изучению биографий иранских духовных деятелей, переселившихся в Кашмир

в период с XIV по XVII вв. В статье «Роль и влияние иранских деятелей в Кашмире, на основании местных хроник и тазкире»¹, при помощи описательно-аналитического подхода с исторической перспективой, рассматривается просветительская деятельность отдельных иранских личностей на основе местных хроник и документов (Риахи 2014, 1-16).

Статья Фатимы Вазифедан Муллашахи «Кашмир и персидский язык» посвящена изучению связи между Кашмиром и персидским языком. В статье проводится анализ влияния персидского языка на язык Кашмира, а также исследуются различные аспекты культурного и исторического взаимодействия между этими двумя регионами. Статья базируется на ревидии различных источников, включая исторические тексты, литературу и архивные материалы. Автор исследует языковые особенности Кашмира и описывает влияние персидского языка на его лексику, грамматику и фонетику. Также обсуждаются исторические события, которые повлияли на распространение персидского языка в Кашмире. (Вазифедан Муллашахи 2014, 139-160).

Следует отметить, что изучение Кашмира иранскими исследователями стало возможным во многом благодаря существованию источников по истории этого региона, написанных на персидском языке. Авторы ссылаются на такие знаковые труды, как:

– «История Хасана» / «Асрар аль-Ахбар» Пир Гулама Хуссейна Кахвиами (XVI в.), посвященная географии, природе и населению Кашмира, политической истории и положению персов в этом регионе (Вазифедан Муллашахи 2014, 150-151).

– «История Хайдара Малика», написанная в монгольскую эпоху на основе Раджатарангини². Данный труд охватывает события, происходившие в Кашмире с древних времен до завоевания Кашмира Акбар-шахом (XVI в.) (Радфар 2006, 57) (Таиби 2014, 14-18).

– Поэма Мухаммада Тауфика «Шахнаме Кашмира» о политической истории региона (XVI в.) (Аношех 1996/1997, 692).

– Избранные хроники, написанные Пандитом Нраином Каулем в XVIII в. (также на основании Раджатарангини), и доведенные до периода правления Тимуридов (XVI в.) (Радфар 2006, 57).

Этот список не является исчерпывающим. Указанные источники — это некоторые из наиболее известных и изученных персидских источников по истории Кашмира. Однако, есть и другие менее известные памятники, которые также написаны на персидском языке и содержат информацию о истории Кашмира.

К подобным трудам можно отнести рукопись, хранящуюся в собрании Института Восточных рукописей (РАН) в Санкт-Петербурге.

¹ Тазкире — жанр антологическо-библиографических энциклопедий

² Раджатарангини — хроника, повествующая о древних царях Кашмира, написана на санскрите автором Калханой примерно в 1147—1149 годах н. э.

Автором рукописи является Мухаммад 'Азам Дидамари (ум. в 1765 г.), а ее название звучит как «Ваки'ат-и Кашмир» («События Кашмира») или «Тарих -и- 'Азами» («История 'Азама»).

В собрании ИВР РАН хранятся три списка данной рукописи под номерами В 2458, В 663, В 720, датированные 1170 и 1171 г.х. (1757-58 гг.)

Список В 2458 имеет картонный переплет, обтянутый кожей черного (снаружи) и красно-коричневого (внутри) цвета. Переплет дополняет клапан прямоугольной формы с заострением к центру, также обтянутый кожей, следов завязок нет.

Обложка украшена глубоким тиснением в форме заостренного овала посередине (турундж), двух ромбов над и под ним, и окантовки по периметру передней и задней обложек. Клапан также украшен тиснением в виде рамки по периметру, а в центре клапана расположен ромб с кругами по углам. Поверх ромба наклеен кусочек кожи красного цвета, повторяющий рисунок тиснения. Все тиснения выполнены в виде растительного орнамента.

На страницах списка имеются следы старой восточной реставрации и отпечатки владельческих печатей, что характерно для начальных листов книг. Какого-либо декора в списке нет, но для оформления развернутых фронтисписов оставлено место. Форзац и несколько первых страниц, приклеенных к обложке, исписаны более поздними, чем сама рукопись, стихами и упражнениями.

Список выполнен черными чернилами почерком насх, а красным прописаны имена

и отделены бейты, для заметок оставлены широкие поля, на которых видны следы частого использования.

В списке В 720 имеются следы реставрации. Картонный переплет, обтянут кожей темно-коричневого (снаружи) и белого (внутри) цвета. Клапан не предусмотрен. Обе обложки украшены одинаково: тиснением в виде турунджа, двух ромбов над и под ним, резных уголков, нескольких окантовок по периметру, а также точками. Внутри тиснений растительный орнамент.

Форзац и несколько первых страниц исписаны стихами и, возможно, упражнениями по письму, которые датируются позднее, чем сам список.

Какого-либо декора в списке нет, текст написан черными чернилами подчеркиком насх, красный цвет используется для выделения в тексте имен, стихов и цитат на арабском языке, а для заметок оставлены широкие поля.

Список В663 также выполнен без клапана, обладает картонным переплетом, обтянутым кожей, снаружи — черной, внутри — светло-коричневой.

Обе обложки украшены одинаковым тиснением — заостренный овал с растительным орнаментом в центре, квадратные и удлиненные ромбы в центральной части обложки и по краям. Поверх оттисков приклеены кусочки кожи светло-коричневого цвета, однако часть из них отсутствует.

В списке отсутствуют следы реставрации, а также какой-либо декор. Широкие поля

и края листов чистые, на них практически нет следов чтения.

Список выполнен черными чернилами почерком насх, красный цвет использован для выделения особенно важных фрагментов и имен.

Следует отметить, что расхождения между тремя списками практически отсутствуют.

О Мухаммаде 'Азаме, сыне Хайр аз-Замана, — авторе «Ваки'ат-и Кашмир» — известно довольно мало. Он был представителем суфийского братства Накшбанди, а также поэтом. Как видно из текста сочинения, оно было начато в 1148 г.л.х. (ок 1735 г.), т.е. в период правления Мухаммад Шаха или Насер ад-Дина Абу-л-Фатха Мухаммада из династии Великих Моголов (1719-1748), и охватывает историю Кашмира с древних времен до даты завершения рукописи - около 1746/1747 г. Работа разделена на Введение (описание Кашмира), три части (история происхождения индуистских царей, история мусульманских царей и Кашмир при Тимуридах) и Заключение.

Как правило, подобные рукописи начинаются с различных риторических выражений, похвалы в адрес божественного и стихотворных фраз. Рукопись «События Кашмира» не стала исключением, и содержательная часть начинается лишь с середины листа 3а (здесь и далее нумерация листов будет приводиться в соответствии со списком В720).

По словам автора, до него об этом регионе уже было написано и переведено несколько исторических текстов. Так, в рукописи упомина-

ются хроники Раджатарангини, а также несколько известных автору сочинений по истории Кашмира, написанных на персидском языке:

«Зафар Наме», автор Моулана Шараф ад-Дин 'Али Йазди (XV в.)

«Тарих-и-Хайдар Малик», «История Хайдар Малика», автором которой является Хайдар Малик Чадура (XVI в.),

«Тарих-и-Мирза Хайдар Кашгари», более известная в российской историографии как «Тарих-и Рашиди», автор Мухаммад Хайдар Доглат (XVI в.)

«История», автором которой является некий Моулана Надери Кашмири (период написания не установлен)

«История», автором которой является некий Кази Ибрагим, сын Моуланы Хамидуддина (период написания также не установлен).

Автор отмечает, что за несколько веков, неохваченных предыдущими авторами, произошло много событий, достойных описания. По этой причине он решил написать свою историю.

Уже во введении (лист 4б-9а) автор приводит разнообразные сведения о географическом положении Кашмира, населении, особенностях климата, и, если выразиться современным языком — инфраструктуре региона.

Достаточно подробно описано устройство города Сринагар. Согласно рукописи, город расположен у подножья гор, когда-то он был достаточно хорошо обустроен и густо населен, являлся столицей Кашмирских правителей.

Через город протекает река, которую автор сравнивает с Тигром, протекающим через Багдад. Ссылаясь на рассказы жителей, автор говорит, что прежде через эту реку обеспечивали переправу около 30 мостов и паромов, 7 из которых находились в Сринагаре. Река соединяет город с Аравийским морем, протекая через Пенджаб, окрестности Пешавара. По всей видимости, автор описывает реку Джелам, которая относится к бассейну Инда.

По словам Мухаммада 'Азама, город, и его окрестности, были достаточно плотно застроены, основной строительный материал — тиковое дерево. Постройки состояли из по меньшей мере пяти помещений: жилая часть, павильон, веранда, верхние комнаты и выход. Основные улицы города были выложены битым камнем. Различные мастера-ремесленники трудились прямо у себя в домах. Городские сады было не принято ограждать заборами.

Еще одной интересной особенностью является то, что произрастающую в Кашмире в большом количестве шелковицу (тут) использовали только ради листьев для производства шелка. Как говорит автор, есть плоды с этих деревьев было не принято.

Также, во введении можно встретить информацию о дорожном сообщении в регионе. В тексте упоминается, дорога в Хорасан, существовал путь в Гилгит и Бадахшан, который, по словам автора, было невозможно преодолеть вьючным животным, поэтому тяжелые грузы на собственных плечах несли специальные люди. Кроме того, упоминаются пути на полуостров Индостан и в Тибет. Путь в Индостан, по

словам автора, в его время стал гораздо легче для путников, по сравнению с «временами Кашмирских султанов» (лист 6а). Дорога в Тибет была легче, чем все упомянутые до этого, однако и она не была лишена трудностей: по видимому, там произрастали какие-то ядовитые растения, смертельные для вьючных животных, поэтому путникам приходилось запастись фуражом.

Все эти дороги связывали Кашмир с Кашгаром и Хотаном (сейчас Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая) и городом Лхаса (сейчас Тибетский автономный район Китая), а от этих мест с Китаем, Южным Китаем (граничит с Индией), Туркестаном и Тураном.

Автор также упоминает некий путь на Декан, однако с оговоркой, что точных сведений о нем не имеет.

Во введении также приводятся сведения о климате, основных видах произрастающих здесь растений и трав, некоторые принципы земледелия, упомянуты поэты, оставившие стихи о красоте природы и климата Кашмира.

Введение завершается ссылкой автора на работу Хайдара Малика и сведениями о том, что многое в устройстве и инфраструктуре города было улучшено после утверждения на этих территориях ислама.

В первой главе представлено довольно структурированное перечисление имен известных автору раджей и краткие характеристики их деятельности. Эта глава по сравнению с главами два и три достаточно короткая — около 33х листов.

Глава два посвящена династиям Шах-Миридов (XIV-XVI вв.) и Чак (XVI в.). Здесь автор старался следовать некоей логике, начиная повествование с правителей, затем переходя на религиозных деятелей. Между перечислениями исторических фигур можно встретить фрагменты, посвященные отдельным событиям, или расширенные главы об известных личностях. Также, информация может быть сгруппирована по такому принципу, что сначала упоминается правитель, а затем описывается его роль в распространении ислама.

Третья глава посвящена людям и событиям, случившимся в период правления Чагатаидов и Тимуридов. Глава начинается сразу с перечисления религиозных деятелей, а не правителей. В этой главе встречаются отдельные фрагменты, в которых перечислены поэты, современники того или иного правителя. Подобные фрагменты разделяют исторические комментарии, которые по объему достигают нескольких листов.

Рукопись завершается описанием удивительных, по мнению автора, мест Кашмира.

Следует отметить, что списки «Ваки'ат-и Кашмир» также хранятся в библиотеке Алламы Икбала, Кашмирский университет и в Национальной библиотеки Индии, Калькутта, однако эти версии рукописи являются ее более поздними копиями: кашмирский список датируется 1263 г.л.х (ок.1847); в списке, хранящемся в Калькутте, год переписки невозможно разобрать досконально, однако, однозначно можно сказать, что список был закончен после 1200 г.л.х., что уже значительно позже даты написа-

ния самой рукописи, а также дат, указанных в списках собрания ИВР РАН.

Следовательно, списки «Ваки'ат-и Кашмир», хранящиеся в собрании ИВР РАН являются одними из самых ранних списков, доступных к изучению. Кроме того, судя по их датировкам, они были созданы еще при жизни автора, что также значительно повышает их научную ценность.

Нельзя не упомянуть, что текст «Ваки'ат-и Кашмир» дважды переводился на язык урду (Ашрафом 'Али в 1846 г. и Хамидом Йаздани в 1988 г.), что также говорит о значимости рукописи как источника по истории региона.

Таким образом, «Ваки'ат-и Кашмир» является ценным источником по истории и историографии Кашмира, тазкирой суфиев, ученых и поэтов. Это подробный исторический обзор, проливающий свет на жизнь и достижения сейидов, суфиев, поэтов и улемов, живших и осуществлявших здесь свою деятельность. Рукопись также содержит сведения о правителях Кашмира от доисламского периода до времени жизни автора, т.е. до середины XVIII в. Кроме того, это богатый источник информации о самом регионе и культурном влиянии на него Ирана, Афганистана и Центральной Азии.

Списки «Ваки'ат-и Кашмир», хранящиеся в Институте Восточных рукописей РАН обладают рядом особенностей: все они хорошо сохранились и доступны для чтения, имеют примерно одинаковую датировку, указывающую на то, что все три списка были созданы при жизни автора. Три текста не имеют каких-либо серьезных расхождений между собой, но их наличие

в распоряжении исследователя существенно облегчает процесс чтения.

Подробное и тщательное изучение текста рукописи «Ваки'ат-и Кашмир» Мухаммада 'Азама Дидамари на основании трех ее списков из собрания ИВР РАН позволит открыть данный источник для более широкого круга исследователей, что однозначно внесет вклад в развитие как историографии Кашмира, так и персоязычного источниковедения.

Список литературы

1. Мухаммад 'Азам Дидамари (محمد اعظم ديдамاری) (События Кашмира دیدماری) 1746/1747(на перс.яз.):
2. № В 663 ИВР РАН
3. № В 720 ИВР РАН
4. № В 2458 ИВР РАН
5. № 6175 Библиотека Алламы Икбала, Кашмирский университет// <https://www.loc.gov/item/2021667175/> (дата обращения 09.07.2023)
6. № 80 Национальная библиотека Индии, Калькутта // <https://indianculture.gov.in/rarebooks/tarykh-kshmyr> (дата обращения 09.07.2023)
7. Imperial Gazetteer of India. Oxford University Press. 1908. v.15. (на англ. яз.)
8. Sastri, K. A. Nilakanta. Age of the Nandas and Mauryas. Motilal Banarsidass Pub. 1988. (на англ. яз.)
9. Вазифедан Муллашахи, Фатима (وظيفه دان ملاحاشاهی، فاطمه) (Кашмир и персидский язык. (کشمیر و زبان فارسی) Исследования субконтинента. 18 №. 2014. (مطالعات شبه قاره) С. 139–160. (на перс.яз.)
10. Радфар, Абул Касем (رادفر، ابوالکاسم) (Кашмир – маленький Иран. (کشمیر ایران صغیر است). 2006(на перс.яз.)
11. Риахи, Мухаммад Хусейн (ریاحی، محمدحسین) (Роль и влияние иранских личностей в Кашмире. (تأثیر شخصیت های ایرانی در کشمیر) Ежеквартальный выпуск исторических исследований Исфаханского университета. 2014. (فصلنامه پژوهش های تاریخی دانشگاه اصفهان). 4№С. 1-16. (на перс.яз.)
12. Таиби Фард, Казем (طیبی فرد، کاظم) (Хайдер Малик и книга «История Кашмира». Окно в изучение исторического Кашмира. (حیدر ملیک و کتاب تاریخ کشمیر. دریچه ای به شناخت کشمیر) (مجله ژورنال письменного наследия تاریخی) 2014. (С.14-18. میراث مکتوب). (на перс.яз.)
13. Аношех, Хасан (انوشه، حسن) (Энциклопедия персидского языка и литературы на субконтиненте (دانشنامه زبان و ادب فارسی در شبه قاره) تهران, 1996/1997. (на перс.яз.)

References

1. Muhammad 'Azam Didamari. Events of Kashmir 1746/1747 (in Pers.):
2. No. В 663 Institute of Oriental Manuscripts (RAS)
3. No. В 720 Institute of Oriental Manuscripts (RAS)

4. No. B 2458 Institute of Oriental Manuscripts (RAS)
5. No. 6175 Allama Iqbal Library, University of Kashmir// <https://www.loc.gov/item/2021667175/> (accessed 07/09/2023)
6. No. 80 National Library of India, Calcutta // <https://indianculture.gov.in/rarebooks/tarykh-kshmyr> (accessed 07/09/2023)
7. Imperial Gazetteer of India, Oxford University Press. V.15, 1908. (in Eng.)
8. Sastri, K. A. Nilakanta, Age of the Nandas and Mauryas. Motilal Banarsidass Pub, 1988. (in Eng.)
9. Vazifedan Mullashakhi, Fatima. Kashmir and the Persian language. Studies of the Subcontinent. 2014, № 18, pp. 139–160. (in Pers.)
10. Radfar, Abul'kasem. Kashmir - small Iran. Tehran, 2006. (in Pers.)
11. Riakhi, Mukhammad Khusein. Role and influence of Persian personalities in Kashmir. Isfahan University Historical Research Quarterly Journal. 2014, №4, pp. 1–16. (in Pers.)
12. Taibi Fard, Kazem. Haider Malik and the book of history of Kashmir. A window to the knowledge of historical Kashmir. Written Heritage Magazine, 2014. pp. 14–18. (in Pers.)
13. Anoshekh, Khasan. Encyclopedia of Persian Language and Literature in the Peninsula. Tehran, 1996/1997. (in Pers.)

Сведения об авторе

Смирнова Анастасия Михайловна,
Институт Восточных рукописей РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург,
191186
anastasiiasmirnova111@gmail.com

Information about the author

Smirnova Anastasia
Institute of Oriental Manuscripts (RAS)
Dvortsovaya Emb., 18, St. Petersburg,
191186
anastasiiasmirnova111@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;
Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;
Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;
Approved after reviewing 10.05.2024;
Accepted for publication 25.05.2024.

The role of public-private partnerships in shaping Japan's
sustainable cybersecurity policy

Роль государственно-частного партнерства в формировании
устойчивой политики кибербезопасности Японии

Низамова Маргарита Александровна

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

margarita-nizamova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2199-4855>

Margarita A. Nizamova

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

margarita-nizamova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2199-4855>

УДК 323 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-133-139](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-133-139)

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется роль государственно-частного партнёрства в формировании устойчивой политики кибербезопасности в Японии, а также рассматриваются ключевые аспекты сотрудничества и их эффективность. На основе статистических данных были изучены основные трудности, с которыми сталкиваются субъекты при налаживании государственно-частного партнерства. В заключении сделан вывод, что на современном этапе, ввиду высокой степени зависимости объектов критической инфраструктуры от частных компаний, налаживание тесного государственно-частного партнерства в перспективе станет основой в формировании стабильного и устойчивого киберпространства.

ABSTRACT

This article analyzes the role of public-private partnerships in shaping a sustainable cybersecurity policy in Japan and examines key aspects of cooperation and their effectiveness. Based on statistical data, the author examines the main difficulties faced by actors in establishing public-private partnerships. The author concludes that at the current stage, due to the high degree of dependence of critical infrastructure on private companies, the establishment of close public-private partnerships will be the basis for a stable and sustainable cyberspace in the future.

Keywords. Cybersecurity, public-private partnerships, Japan, critical infrastructure, cyberattacks.

Ключевые слова. Кибербезопасность, государственно-частное партнерство, Япония, критическая инфраструктура, кибератаки, современная история.

Для цитирования: Низамова М.А. Роль государственно-частного партнерства в формировании устойчивой политики кибербезопасности Японии. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (2). С. 133-139 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-133-139>

Наряду с правительственными институтами значимую роль в обеспечении безопасности киберпространства играет государственно-частное партнерство (ГЧП). Большая часть критической инфраструктуры Японии, наряду с киберпространством в целом, регулируется частным сектором (энергетика, водоснабжение, транспорт, связь и т.д.) [1], следовательно, необходимость создания эффективного механизма сотрудничества между государственными и частными субъектами носит критически важный характер.

Если на правительственном уровне за все вопросы, связанные с кибербезопасностью Японии, отвечает Национальный центр готовности к инцидентам (NISC) [2], то обеспечением кибербезопасности частных компаний занимается Координационный центр JPCERT (JPCERT/CC) [3], который был сформирован в 1996 году и, несмотря на финансовую поддержку правительства и тесную кооперацию с NISC, продолжает функционировать как независимый центр. Помимо JPCERT/CC функционируют и другие частные организации, связанные с ки-

For citation: Nizamova M.A. The role of public-private partnerships in shaping Japan's sustainable cybersecurity policy. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2). P. 133-139 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-133-139>

бербезопасностью, но отвечающие за определенный ее аспект, такие как Японская ассоциация сетевой безопасности (JNSA), Японская бизнес-федерация (Keidanren), Центр обмена информацией и анализа (ISAC) и другие.

Важность ГЧП определяется тремя основными причинами. Во-первых, ГЧП позволяет государству получить необходимую информацию о характере, масштабах, целях и последствиях киберугроз непосредственно от компаний, которые им подверглись. Анализируя опыт частного сектора, государственные органы, отвечающие за ведение политики кибербезопасности, могут использовать его для дальнейшего совершенствования политики кибербезопасности. Во-вторых, ГЧП позволяет наладить обмен ресурсами, что позволяет обоим секторам углубить свои знания в области киберугроз и, следовательно, создать более эффективные меры для борьбы с ними. В-третьих, ГЧП позволяет частному сектору получить поддержку правительственных институтов (в том числе и финансовую) для создания новых инновационных решений в области кибербезопасности.

В Японии ГЧП подразумевает в первую очередь сотрудничество с компаниями, сфера предоставляемых услуг которых непосредственно связана с проблемами кибербезопасности [4]. Сюда можно включить такие компании, как KDDI — крупнейший оператор мобильной связи, Mitsubishi Heavy Industry — крупнейший поставщик военной техники министерства обороны Японии, Softbank — японская холдинговая компания, работающая в области телекоммуникаций, маркетинга, финансов, Trend Micro — один из основных разработчиков программного обеспечения в сфере кибербезопасности в Японии, Nippon Telegraph and Telephone (NTT) — телекоммуникационная компания и многие другие.

Согласно стратегии кибербезопасности Японии, государственно-частное партнерство подразумевает сотрудничество по четырем основным направлениям [5]:

1. Обеспечение экспертным мнением и участие в разработке политики кибербезопасности;
2. Налаживание внутрисекторального и межсекторального обмена информацией о киберинцидентах;
3. Организация информационно-пропагандистской работы;
4. Подготовка высококвалифицированных кадров в сфере кибербезопасности.

Обеспечение экспертным мнением и участие в разработке политики кибербезопасности. Правительстве Японии и Национальный центр готовности к инцидентам ак-

тивно использует опыт частного сектора, предоставляя возможность выступать в роли технических экспертов в вопросах киберугроз, высказывать свои предложения по регулированию сферы кибербезопасности, а также непосредственно принимать участие в актуализации стратегии кибербезопасности. На сегодняшний день в рамках NICS функционируют четыре экспертные группы, в каждой из которых экспертами выступают представители частных компаний, опыт которых позволяет на реальных кейсах оценить эффективность принимаемых правительством мер. Примером такого сотрудничества является исследовательская группа по промышленной безопасности, экспертами в которой выступают Mitsubishi и NTT — два крупнейших представителя критической инфраструктуры Японии [4].

В качестве еще одного примера ГЧП можно привести работу комитета по электротехническим стандартам, который совместно с частыми предприятиями разработал руководящие принципы безопасности для систем управления электроэнергией, которые в свою очередь были одобрены на уровне Министерства экономики, торговли и промышленности и стали носить обязательный характер. А для работы в олимпийском комитете по обеспечению безопасности Токио-2020 были привлечены эксперты с Исследовательского института Номура — одного из первых крупнейших аналитических центров Японии, а также эксперты из координационного центра JPCERT [4].

Таким образом, частный сектор активно задействован в правительственных институтах, занимающихся вопросами кибербезопасности,

а его опыт способствует более полному пониманию реальных угроз, которым подвергается бизнес и объекты критической инфраструктуры и позволяет разрабатывать и внедрять более эффективные и актуальные меры защиты.

Налаживание внутрисекторального и межсекторального обмена информацией о киберинцидентах. Важнейшим элементом в создании эффективной модели кибербезопасности является налаживание своевременного обмена информацией между субъектами, а также предоставление возможности расширенного анализа угроз с целью создания действенных превентивных методов. Японские частные компании и предприятия сотрудничают с правительственными институтами и организациями с целью обмена информацией об угрозах и инцидентах, однако, стоит отметить, что в отличие от общеевропейского законодательства по кибербезопасности, согласно которому компании и объекты критической инфраструктуры обязаны сообщать о киберинцидентах на уровне правительства, законодательство Японии не обязывает передавать подобную информацию правительственным институтам, следовательно, обмен информацией о киберинцидентах носит исключительно добровольный характер.

Согласно статистическим данным исследовательского центра PricewaterhouseCoopers за 2016 год, готовность добровольно делиться данными о киберинцидентах среди японских компаний значительно ниже, чем среди компаний Европы и США и составляет 30.4% против 64.7% [6]. Одной из основных причин таких низких показателей является тот факт, что

компаниям попросту опасаются за свою репутацию и полагают, что обнаружение подобных пробелов в обеспечении кибербезопасности негативно скажется на имидже компаний и как следствие приведет к потере клиентов. В этой связи, для увеличения масштабов внутрисекторального и межсекторального обмена информацией, государственная организация по обмену информацией анонимизирует полученные данные о кибератаках перед их распространением, тем самым обеспечивая безопасность для имиджа компаний, подвергшихся киберугрозам [7].

Другой немаловажной причиной является отсутствие эффективных каналов обмена информацией [8]. В связи с этим, для поддержания и увеличения масштабов обмена информацией о киберугрозах правительство финансирует создание платформ для обмена информацией между компаниями из различных сфер деятельности. В перспективе создание таких платформ станет эффективным каналом обмена информацией как между частными предприятиями как таковыми, что позволит другим частным предприятиям адаптировать свои меры кибербезопасности, чтобы не стать объектом аналогичной кибератаки, так и между частными предприятиями и правительственными организациями, что позволит повысить скорость реагирования на киберинциденты, сведя потенциальные риски и потери к минимуму.

Подготовка высококвалифицированных кадров в сфере кибербезопасности. Согласно исследованию Cybersecurity Workforce Study по состоянию на 2022 год нехватка специалистов в сфере кибербезопасности

в Японии оценивается в 55809 кадров [9], что несомненно демонстрирует не только необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов, но и важность укрепления партнерства между правительством, академическими кругами и частным сектором.

В рамках государственно-частного партнерства функционирует Центр передового опыта в области промышленной кибербезопасности (ICSCoE), который играет первостепенную роль в подготовке специалистов в области кибербезопасности [10]. Отделом ICSCoE была разработана обучающая программа для специалистов по информационной безопасности частных компаний, в рамках которой компаниям предоставляется возможность пройти пять наиболее распространенных сценариев кибератак [11]. В свою очередь специалисты ICSCoE анализируют и оптимизируют работу, позволяя увеличить скорость реагирования на кибератаки, скоординировать работу сотрудников, а также рекомендуют дальнейшие меры для достижения наибольшей эффективности внутренних систем безопасности.

Информационно-пропагандистская работа. Помимо основной работы правительственные институты совместно с частными компаниями организуют работу по популяризации важности кибербезопасности, в рамках которой особое внимание уделяется повышению грамотности населения. Ввиду высокого уровня интеграции интернета в повседневную жизнь, а также из-за того, что киберугрозы развиваются значительно стремительнее, чем повышается уровень грамотности населения в этой области, от обычных пользователей так-

же требуется соблюдения определенных мер безопасности. Таким образом, чтобы сформировать комплексный подход, проводятся семинары и тренинги для граждан, на которых выступают эксперты и простыми словами рассказывают о важности и простоте соблюдения мер безопасности, а для детей даже выпускается специальная манга под названием «Everyday zeroday» под авторством сотрудника Центральной железнодорожной компании Японии Харунобу Яги, которая в формате комиксов рассказывает маленьким пользователям о важности киберпространства [11].

Стоит отметить, что на правительственном уровне ввиду того, что большинства объектов критической инфраструктуры Японии принадлежат частным компаниям, налаживание государственно-частного партнерства является одним из приоритетных направлений политики кибербезопасности. Крупнейшие частные компании активно вовлечены в работу правительственных институтов в рамках так называемой «исследовательской группы по промышленной безопасности» и более узкоспециализированных рабочих групп. Основываясь на опыте частных компаний, рабочие группы вносят свой вклад в создание практических норм и рекомендаций для частных компаний на случай кибератак, стремятся наладить своевременный обмен информацией между компаниями и правительственными институтами, а также вносят свой вклад в актуализацию стратегии кибербезопасности Японии в целом.

Однако несмотря на то, что правительство понимает важность и необходимость эффективного государственно-частного

партнерства, существуют определенные сложности в его налаживании. Ввиду того, что политика кибербезопасности Японии регулируется большим количеством институтов, функции и полномочия которых зачастую схожи, отсутствует единый удобный и безопасный механизм по обмену информацией между частными компаниями и правительственными регулирующими структурами. К тому же, обмен информацией о кибератаках между частными объектами критической инфраструктуры и правительственными институтами не носит обязательный характер, вследствие чего компании неохотно стремятся делиться этой информацией, боясь нанести ущерб своей репутации. Все это снижает эффективность реагирования на киберугрозы, характер и масштаб которых постоянно меняется.

Список литературы

1. Кибербезопасность в Японии. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=5a1b0e44-9f84-432e-9bed-88523b2ebb6a> (дата обращения: 12.01.2024)
2. Национальный центр готовности к инцидентам и стратегии кибербезопасности. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/index.html> (дата обращения: 25.12.2023)
3. Координационный центр JPCERT. URL: <https://www.jpCERT.or.jp/about/> (дата обращения: 25.12.2023)
4. Шутц Д. Политика кибербезопасности Японии: введение. URL: https://euclid.s3.amazonaws.com/euclid/assets/g58arz_B/rif-japan-schuetze-final.pdf (дата

обращения: 17.01.2024)

5. Стратегия кибербезопасности. URL: <https://www.nisc.go.jp/pdf/policy/kihon-s/cs-senryaku2021.pdf> (дата обращения: 22.12.2023)
6. Состояние информационной безопасности в мире. URL: <https://www.pwc.com/jp/ja/japan-knowledge/archive/assets/pdf/information-security-survey2016.pdf> (дата обращения: 12.01.2024) (на яп.яз.)
7. Бартлетт Б. Кибербезопасность в Японии. Издательство Оксфордского университета, 2022. С. 799.
8. Чарльз А. Государственно-частное партнерство в сфере кибербезопасности. URL: https://www.prevention-cybercrime.ca/_files/ugd/9d4ef1_4a135253f5dd4974bcd693c15989bf98.pdf?index=true (дата обращения: 20.01.2024)
9. Исследование кибербезопасности. URL: <https://www.pwc.com/jp/ja/japan-knowledge/archive/assets/pdf/information-security-survey2016.pdf> (дата обращения: 17.01.2024)
10. Центр передового опыта промышленной кибербезопасности. URL: <https://www.ipa.go.jp/en/about/org/icscoe/index.html> (дата обращения: 24.01.2024)
11. Отчет ICSCoE. URL: <https://www.ipa.go.jp/en/it-talents/ics/cdk3vs0000001vji-att/kcrmqo000000x5m.pdf> (дата обращения: 13.02.2024)

References

1. Cybersecurity in Japan. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?>

- g=5a1b0e44-9f84-432e-9bed-88523b2ebb6a (accessed: 12.01.2024)
- National center of Incident readiness and Strategy for Cybersecurity. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/index.html> (accessed: 25.12.2023)
 - Japan Computer Emergency Response Team Coordination Center. URL: <https://www.jpCERT.or.jp/about/> (accessed: 25.12.2023)
 - Julia Schuetze. Japan's Cybersecurity Policy: An Introduction. URL: https://euclid.s3.amazonaws.com/euclid/assets/g58arz_B/rif-japan-schuetze-final.pdf (accessed: 17.01.2024)
 - Cybersecurity strategy. URL: <https://www.nisc.go.jp/pdf/policy/kihon-s/senryaku2021.pdf> (accessed: 22.12.2023)
 - The global state of information security. URL: <https://www.pwc.com/jp/ja/japan-knowledge/archive/assets/pdf/information-security-survey2016.pdf> (accessed: 12.01.2024) (in jap.)
 - Bartlett B. Cybersecurity in Japan. Oxford University Press, 2022. P. 799.
 - Charles A. Public-Private Partnerships in Cybersecurity. URL: https://www.prevention-cybercrime.ca/_files/ugd/9d4ef1_4a135253f5dd4974bcd693c15989bf98.pdf?index=true (дата обращения: 20.01.2024)
 - Cybersecurity Workforce Study. URL: <https://www.pwc.com/jp/ja/japan-knowledge/archive/assets/pdf/information-security-survey2016.pdf> (accessed: 17.01.2024)
 - Industrial Cyber Security Center of Excellence ICSCoE. URL: <https://www.ipa.go.jp/en/about/org/icscoe/index.html> (accessed: 24.01.2024)
 - ICSCoE Report. URL: <https://www.ipa.go.jp/en/it-talents/ics/cdk3vs0000001vji-att/kcrmqo0000000x5m.pdf> (accessed: 13.02.2024)
- ### Сведения об авторе
- Низамова Маргарита Александровна**,
Старший преподаватель, б/с
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Россия, Казань, ул. Пушкина 1/55
margarita-nizamova@mail.ru
- ### Information about the author
- Margarita A. Nizamova**
Senior Lecturer
Kazan (Volga region) Federal University
Russia, Kazan, st. Pushkina 1/55
margarita-nizamova@mail.ru
- ### Информация о статье
- Поступила в редакцию: 28.04.2024;
Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;
Принята к публикации: 25.05.2024.
- ### Information about the article
- The article was submitted 28.04.2024;
Approved after reviewing 10.05.2024;
Accepted for publication 25.05.2024.

Review: Ozerov O.B. Karim Khakimov: Chronicle of Life

(about the fate of Islam and communism in Russia) / Ed. ed. V.V. Naumkin.

– M.: Association of scientific publications KMK, 2020. – 232 p.

ISBN 978-5-907213-80-7. 1000 copies

Рецензия: [Ковалевский О.М. История монголов / подг. к изд., предисл., коммент., прилож: И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков; отв. ред. И.Ф. Попова; вступ. слова: И.Ф. Попова, Р.М. Валеев. — СПб. : Нестор-История, 2024. — 644 с. ISBN 978-5-4469-2301-4]

*Мартынов Дмитрий Евгеньевич¹,
Мартынова Юлия Александровна¹*

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:
dmitrymartynov80@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>

*Martynov D.E.¹,
Martynova Yu.A.¹*

¹Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia

Corresponding author:
dmitrymartynov80@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5385-1915>

УДК 94(517)+ 655.552 | РЕЦЕНЗИЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-2-2024-140-147](https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-140-147)

Рецензия на первоиздание фундаментального труда О.М. Ковалевского (1800–1878).

Ключевые слова. История Монголии, История Китая, История российского университетского востоковедения, О.М. Ковалевский.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Рецензия: [Ковалевский О.М. История монголов / подг. к изд., предисл., коммент., прилож: И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков; отв. ред. И.Ф. Попова; вступ. слова: И.Ф. Попова, Р.М.

Review of the first edition of the fundamental work of O.M. Kovalevsky (1800–1878).

Keywords. History of Mongolia, History of China, History of Russian university oriental studies, O.M. Kovalevsky.

For citation: Martynov D.E., Martynova Yu.A. Review on: [Kovalevsky O.M. History of Mongols. Publication, commentary by I. V. Kulganek, V. Yu. Zhukov. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2024. 644 p. ISBN: 978-5-4469-2301-4]. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№2).

Валеев. — СПб.: Нестор-История, 2024. — 644 с. ISBN 978-5-4469-2301-4]. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; 6 (2). С. 140-147 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-140-147>

P. 140–147 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2024-140-147>

Рецензируемое издание содержит *editio princeps* рукописи «История монголов» выдающегося востоковеда О.М. Ковалевского (1800–1878), подготовленной к печати петербургскими исследователями: доктором филологических наук, востоковедом И.В. Кульганек (Институт восточных рукописей РАН) и кандидатом исторических наук, независимым исследователем В.Ю. Жуковым¹. Приурочено оно к 225-летию со дня рождения создателя российского научного монголоведения, буддолога, основателя первой в мире кафедры монгольской словесности, открытой в 1833 г., организатора науки, который в разное время возглавлял Вторую казанскую гимназию, кафедру педагогики и Восточный разряд в Казанском университете, а затем и сам университет, будучи в 1855 – 1862 гг. избранным ректором, утвержденным указом императора Александра II в чине действительного статского советника. Последние 16 лет жизни учёного прошли в Польше, где он почти до самой смерти возглавлял историко-филологический факультет и кафедру всеобщей истории Варшавского университета.

Издание предваряется «вступительными словами» признанных российских востоковедов — члена-корреспондента РАН, директора Института восточных рукописей РАН Ирины Федоровны Поповой, и профессора Казанского университета, историка российского востоковедения, главного редактора ГБУ РТ «Редакция «Книга Памяти» Рамиля Миргасимовича Валеева. Именно во введении Р.М. Валеева дается обоснования необходимости издания «Истории монголов» чуть ли не через полтора века после ее создания. Именно рукопись О.М. Ковалевского знаменовала новый этап в российском источниковедении, когда исследователи приступали к комплексному освоению и использованию разнообразного источникового материала, восточных актов и памятников, осуществляя непосредственное восприятие (в данном случае) монгольского мира, акцентируя национальную историю и культуру народов степной Евразии (с. 10). В известном смысле, издание «Истории монголов» это и завершение казанского этапа жизни и деятельности О.М. Ковалевского, так как труд был завершён именно в стенах Казанского университета (там же).

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке РНФ и Кабинета Министров Республики Татарстан (проект № 23-28-10046) в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Предисловие публикаторов — И.В. Кульганек и В.Ю. Жукова, невелико по объёму. В методологическом плане нам это кажется вполне оправданным: середина XIX в. — это современный этап в развитии научного мышления и становления университетской науки, поэтому можно только согласиться с суждением редакторов-составителей, что «История монголов» ценна как историческими сведениями, которые в неё помещены, так и оригинальностью теоретических выводов, не потерявших актуальности (с. 13). Иных обоснований актуальности и своевременности издания данного труда не приводится, да и нужды в этом нет.

Введение открывается краткой характеристикой научного вклада О.М. Ковалевского с отсылками к многочисленным публикациям Р.М. Валеева, И.В. Кульганек и их коллег, вышедших после 2002 г. Дается также характеристика уцелевших и неизданных архивных фондов, содержащих ценные для реконструкции и дополнения научной биографии О.М. Ковалевского данные. Рукопись О.М. Ковалевского «История монголов» извлечена из Архива востоковедов в ИВР РАН, будучи знакомой востоковедам-историкам прежних поколений, цитируется она и в современных публикациях Р.М. Валеева, К.В. Орловой, О.Н. Полянской, В.Л. Успенского, Д.Б. Улымжиева. Прежде публиковались крайне незначительные фрагменты рукописи (с. 15, прим. 5).

Публикаторы затронули и некоторые кодикологические аспекты, необходимые для адекватной содержательной оценки рукописи. Сам по себе 900-страничный манускрипт не подписан и не датирован, однако стилевые осо-

бенности, найденные в архивном фонде, и почерк не вызывают сомнения в авторстве (образцы приведены в фототетради). Авторы датировали основное время написания труда промежутком 1843 – 1851 гг., основываясь, прежде всего, на библиографии оригинальной рукописи. Вносились в манускрипт и более поздние вставки (с. 15).

«История монголов» отражает полиглотство и выдающуюся научную квалификацию О.М. Ковалевского, которому были доступны для анализа арабские, армянские и монгольские тексты. Вводная часть отражает и методологические и методические установки Ковалевского-историка, который (задолго до Л.Н. Гумилёва) без колебаний рассматривал монгольские народы как составную часть всемирной истории, её «исторической драме» (с. 15).

В содержательном отношении труд О.М. Ковалевского разделен на четыре части («периода»). Первый именуется «Введением в историю монголов», сопровождаясь упомянутым историографическим разделом, а также географическим очерком и рассуждением об «историческом характере народов». Далее следуют шесть глав, в которых представлена история народов, обитавших на территории Монголии с древнейших времён до III века н.э. Значительная часть объема текста посвящена державе Хунну, а также народам дунху и юэчжи, и их взаимоотношениям с Китаем, преимущественно эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г.). Далее изложение переходит к эпохе Шести династий (III – VI вв.), в значительной степени завися от китайских источников.

Вторая часть труда посвящена мировой державе Чингизидов, от провозглашения Чингисхана в 1206 г. до утраты его домом власти на Китае в 1368 г. Третий период охватывает время до вхождения монголов в подданство империи Цин в 1691 г. Четвертый период — современный автору — в известной степени рассматривается на основе лично полученных им в Забайкалье и во время путешествия в Пекин (в 1831 г.) впечатлений. В приложении даны генеалогические таблицы.

Чтобы потенциальный читатель мог составить представление о методе и стиле О.М. Ковалевского, выборочно рассмотрим некоторые разделы его труда. Уже в историографическом очерке (построенном «по народам») ученый чрезвычайно оригинально характеризовал официальные истории Китая: «...они излагают прошедшее сухо, без прикрас и философского взгляда; смотрят на человека как на существо постороннее, подобно натуралистам, не проникая во внутреннюю жизнь его; хвалят или осуждают исполнение или пренебрежение моральных обязанностей, рассказывают события в хронологическом порядке без прагматической связи, иногда пристрастно, неверно, всегда хладнокровно. Скрижали китайского бытописания покрываются как бы сеткой, которой однообразные и правильные ячейки наполнены условленными выражениями для описания известного происшествия, отрезанного от прошедшего и не связанного со следующим. Это просто дневные заметки под сильным влиянием местного взгляда на человека и природу» (с. 22). Представляется, что взгляд «со стороны» (Ковалевский мог воспринимать китай-

скую историографию только в переводах, в том числе монгольских) будет востребован исследователями эволюции исторического мышления западных востоковедов эпохи позитивизма. Из очерка следует, что на руках О.М. Ковалевского находились четыре рукописных тома перевода «Тун цзянь ган му» отца-иезуита де Майя, выполненные с маньчжурского языка на французский. Казанский ученый мог сопоставлять их с печатным изданием Гросье (с. 22–23). На с. 26 прямо указывается, что в библиотеке Ковалевского имелся рукописный монгольский перевод китайских исторических сочинений эпохи Цин, а также печатные труды его современника о. Иакинфа (Бичурина, 1777–1853). Мусульманские источники в переводе представляли современники и коллеги Ковалевского по Восточному разряду – Ф.И. Эрдман и И.Н. Березин (с. 30–31). Очерк об Абуль-гази заимствован О.М. Ковалевским из «Энциклопедического лексикона» Плюшара 1835 г. (с. 33, прим. 80; с. 35, прим. 94). На с. 574–580 в приложении публикаторы составили библиографический список печатных и рукописных трудов, упоминаемых О.М. Ковалевским, на русском (21 единица), европейских (78 единиц, включая переводы трудов русских востоковедов), китайском (15 единиц), монгольском (9 единиц) и арабском (7 единиц) языках.

Весьма полезным для характеристики исторических взглядов О.М. Ковалевского представляется очерк «Взгляд на географическое положение Азии, особенно Средней, или Внутренней. — Исторический характер народов». Он построен на обычных для восточноазиатской историографии бинарных оппозициях,

в которых оседлый «роскошный» Китай даже в географическом отношении противопоставляется мрачности Гоби: «китайцы, знакомые с оседлостью, земледелием, гражданственностью и промышленностью, под влиянием физического устройства занимаемой ими земли, между тем как обширные, суровые нагорья заняты были дикими племенами, которые сама природа предназначила к номадной жизни ил еще к дикому состоянию звероловов и рыболовов» (с. 53). В отличие от культурологов и историко-географов первой половины XX в. (Фу Сыняня, Гу Цзегана, К. Витфогеля, О. Латтимора), О.М. Ковалевский, в том числе основываясь на личных впечатлениях, противопоставляет китайский и монгольский мир. При этом он признаёт, что «исторический характер Китая и Монголии преимущественно основывается на патриархализме; но Китай успел развить стройную у себя систему светской государственной жизни, а монголы, под чужим влиянием с принятием буддизма стали стремиться к духовно-религиозному единству» (с. 55). Если в Китае власть включает одновременно духовный и светский элементы, то в Монголии духовное сословие «всячески силилось светское правление подчинить духовному влиянию Тибета и чрез то ввергли ее в борьбу с противоположным элементом Китая, — борьбу, решившуюся порабощением монголов» (там же).

Как и многие современники, включая о. Иакинфа, О.М. Ковалевский не признавал существования на территории исторической Монголии тюркских, монгольских и тунгусских народов, утверждая, что смена названий народов и государств, это на самом деле смена име-

ни царствующего дома, распространяющего свою власть на окружающие племена. Таким образом, народы китайских хроник, сменявшие друг друга — *хунну*, *сяньби*, *туцзюэ*, *хойлоры*, *кидани* — это всё монголы. Всего за III в. до н.э. – XIII вв. О.М. Ковалевский насчитал семь династий, правивших монгольскими народами (с. 57–58). «Увидим, как одни лишь династии исчезали с[о] страниц летописей, а народ оставался бессменным деятелем, под другим только именем и, вероятно, с примесью новых поколений, по мере расширения владений главного» (с. 58). Равным образом Ковалевский, прямо ссылаясь о. Иакинфа, разделял идею отсутствия прогресса у тюркских, монгольских и тунгусских народов, которые, по данным китайских хроник, и за 2000 лет до времени написания «Истории монголов» населяли те же территории, что и во времена самого Осипа Михайловича (с. 58–59). На с. 155, со ссылками на о. Иакинфа и академика Я.И. Шмидта, приводятся лингвистические доводы в пользу того, что и тюрки-туцзюэ на самом деле монголы, и фонетический прототип *туцзюэ* — монгольский корень со значением «шлем». Таким образом, вместо великого Тюркского каганата на страницах «Истории монголов» появляется Тулгаское царство.

Помимо политической истории, О.М. Ковалевский постоянно обращается к проблемам религии и культуры, используя для разъяснения древнего степного шаманизма названия божеств и те ритуалы, которым сам являлся свидетелем во время экспедиции в Забайкалье, Монголию и Китай в 1828–1832 гг. Проследит он и судьбу буддизма на территории

Китай, откуда в степи Монголии пришло это вероучение. Приведём обширную цитату, которая превосходно отражает воззрения О.М. Ковалевского:

«Судя по числу приверженцев разных религий, Азия как бы разделена на две большие отрасли, из коих одна предана буддизму, религии древней, основанной на местных преданиях; вторая исповедует ислам, заключающий в себе семена перехода к западному вероучению, христианству, которое обуздывало дикие страсти одряхлевшей римской империи. Среднеазиатское разъединенное, грубое, невежественное население, умевшее охранять одно только силою свои подвижные обиталища, и вовлекаемое постепенно в сообщество материальное, доставляющее ему только средства к пропитанию, не могло вполне оценить важность учения сурового, хотя и в простых словах выраженного. Чтобы бедных номадов исторгнуть из тьмы варварства и приготовить их к восприятию божественной веры, буддизм казался лучшим и единственным для них учением, которое было в состоянии положить конец не расстройству общественному, а индивидуальному волнению народа, привыкшего к бродячей жизни и лишённого других общественных связей. Ислам своими успехами обязан был своей снисходительности к человеческим слабостям и привычкам климатическим у народов бедных, лишённых нравственной силы. Потому-то он прибегал к мечу и насилию, воскрешавшему решимость ума, исторгавшему человека из лона дремоты и неги» (с. 335).

Затронуты в «Истории монголов» и сюжеты, касающиеся возникновения национальной

письменности. Её создание однозначно связано с «религиозным переворотом» и нуждами внешних сношений с Китаем. Так как и Киданьское государство рассматривается О.М. Ковалевским как одна из династий, то создание письма описывается по китайским шаблонам: знаки создаются на основе китайской идеографии. Слоговая азбука была создана чжурчжэнями при династии Цзинь («Гинь» в терминологии Ковалевского, заимствованной у о. Иакинфа). О.М. Ковалевский связывал широкое распространение уйгурского языка и письменности с личностями основателей монгольской династии Юань, даже лично Чингисханом. Напротив, при Хубилай-хане «воспитаннике тибетских лам в Китае, при возрастающей родной его словесности, оказалась необходимость иметь письмена, приближенные к санскритским и тибетским». Так появилась квадратная письменность Пакба-ламы (с. 338–339).

В частях труда, посвящённых державе Чингисхана (империи Юань), О.М. Ковалевский отдельно останавливался на причинах падения династии Чингизидов в Китае. Прочитируем оригинал и здесь: «Китай, сопредельный пустыням и океану, создал свой собственный способ воззрения на жизнь, написал для себя законы, составил свои обычаи, которые проистекли из собственных сил народа, и никогда их не покидал, преимущественно потому, что вокруг себя не встречал ничего лучшего: он гордился своей образованностью, своими законами, возвышавшими его дух и доставлявшими ему истинное благо; он создал для себя религию, проникшую все составы его жизни. Оттого-то Китай языком, религией, моралью и законами

резко отделился от своих соседей и над ними восторжествовал, чрез то именно, что все элементы его народной жизни были чрезвычайно сильно между собой связаны. Перемена царственных династий, нападения иноземцев, внутреннее волнение мятежа терзали это государство, но не могли потрясти основных его начал, на которых все там зиждется, и которые поддерживают империю до нашего времени, почти без малейших потрясений. Варвары, толпившиеся на пределах Китая, не могли себе усвоить идеи его; в них-то они встречали непреодолимую преграду, прочнее Великой стены, воздвигнутой для пресечения иноземных нападений. Даже, после завоевания Китая, местный там житель чувствовал только перемену в правителях, а не в правлении, которое обеспечивало его спокойствие, безмятежные труды, а всего важнее главные стихии жизни. Напротив, монголы, сохранившие свою кочевую жизнь в среднеазиатских степях, поселившись в Китае, Персии, России, принуждены были принять характер завоеванных ими земель» (с. 351). Компромисс между властными элитами был невозможен, а слишком малочисленные монголы должны были привлекать представителей среднеазиатских народов для эксплуатации покоренного Китая (с. 353). Далее в порядке сравнительного сопоставления расписаны исторические судьбы остальных частей мировой державы, в отношении Золотой Орды и Восточной Европы немало места занимает польский вопрос, видимо, важный для национального самосознания О.М. Ковалевского. К описанию судьбы державы Хулагуидов логически примыкает и деятельность Тимура-

Тамерлана. Вообще, эта часть рукописи демонстрирует системность мышления О.М. Ковалевского, который не загромождает изложение лишними подробностями, хотя сам масштаб происходящего поражает. Говоря о походе Тимура на Кавказ и Поволжье, было невозможно не касаться ордынско-московских отношений, казуса хана Тохтамыша и великого князя Дмитрия Ивановича (Дмитрия Донского).

Сюжеты взаимоотношения новосозданной маньчжурской державы и монгольских княжеств вводятся отдельной библиографией (с. 460–462), то же касается введения в изучение ойратов в четвертой части труда (с. 482–483). Говоря о положении монгольских народов в составе империи Цин, О.М. Ковалевский не мог проигнорировать русско-цинских отношений, которые должны были начаться хотя бы в силу деятельности казаков-первопроходцев в Сибири, Якутии и на Дальнем Востоке. И эти страницы труда вводятся обстоятельной библиографией (с. 548–549). Здесь множество разных сюжетов, включая ныне позабытые детали обороны Албазина и подробности переселения западномонгольских родов и племён в Россию XVIII в. (с. 555–557), административного устройства бурятов — подданных Российской империи и устройства Духовной миссии в Пекине (с. 558–561).

Каждая страница рукописи подробнейшим образом прокомментирована составителями, в совокупности корпус примечаний и научного аппарата (издание снабжено всеми необходимыми географическими и именными указателями)² образует своего рода *Encyclopædia*

² Индексы привязаны к листам рукописи (скрупулезно обозначаемым в тексте), а не к страницам издания.

Mongolica, органично разъясняющая современному читателю реалии, которые казались О.М. Ковалевскому самоочевидными. Корпус комментариев снабжён собственной библиографией. В приложения вынесены одиннадцать генеалогических таблиц, составленных О.М. Ковалевским. Для персоналий, упомянутых в таблицах, приведён отдельный именной указатель.

Рецензенты не вправе заменить историков-исследователей, в руки которых попал ценнейший историографический источник. «История монголов», несомненно, использовалась в преподавательской практике Восточного факультета Казанского императорского университета и по стройности изложения, умелого сочетания фактологии и библиографических отсылок, вполне актуальна в этом качестве и до сих пор. Количество сюжетов, затронутых О.М. Ковалевским, требует, по крайней мере, десятка статей; для будущей интеллектуальной биографии великого монголоведа также открывается больше поле интерпретаций и прямых суждений. «История монголов» лишний раз подтверждает специфику гуманитарного знания, обращённого как к общечеловеческим («вечным») побуждениям и ценностям, так и его «автобиографизм», предметом описания в которой являются прошедшие эпохи. В этом отношении «История монголов» несколько не устарела (несмотря на архаизированный высокий слог, вообще свойственный личному стилю О.М. Ковалевского), наоборот, обогащает наши представления об историческом сознании русских историков и востоковедов николаевской эпохи, которые сами создавали целые отрасли науки, находясь при том в непрестанном взаимо-

обогащающем диалоге со своими европейскими, восточными и отечественными коллегами.

Сведения об авторах

Профессор, доктор исторических наук
Мартынов Дмитрий Евгеньевич
Казанский федеральный университет
42008, Казань, ул. Кремлёвская, 18, Россия

Доцент, кандидат исторических наук
Мартынова Юлия Александровна
Казанский федеральный университет
42008, Казань, ул. Кремлёвская, 18, Россия
E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

Information about the Authors

Professor, Doctor of Historical Sciences
Dmitry E. Martynov
Kazan Federal University 420008, Kazan,
Kremlyovskaya str., 18, Russia

Associate Professor, PhD
Yulia A. Martynova
Kazan Federal University 420008, Kazan,
Kremlyovskaya str., 18, Russia
Email: dmitrymartynov80@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.04.2024;
Одобрена после рецензирования: 10.05.2024;
Принята к публикации: 25.05.2024.

Information about the article

The article was submitted 28.04.2024;
Approved after reviewing 10.05.2024;
Accepted for publication 25.05.2024.

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный. В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учреждения (в соответствии с наименованием,

указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости

каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследова-

ований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам

в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. **!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!**

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «**Список источников**».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: *Фамилия И.О. Название монографии. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.*

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: *Фамилия И.О. Название статьи. Название журнала, где была издана статья. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых разме-*

щена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных приводится <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок ***Chicago***, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. *Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-

водится <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»** (**“Contribution of the authors:”**).

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 08.12.2021;
принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 08.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

Исторические/другие науки

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

числа

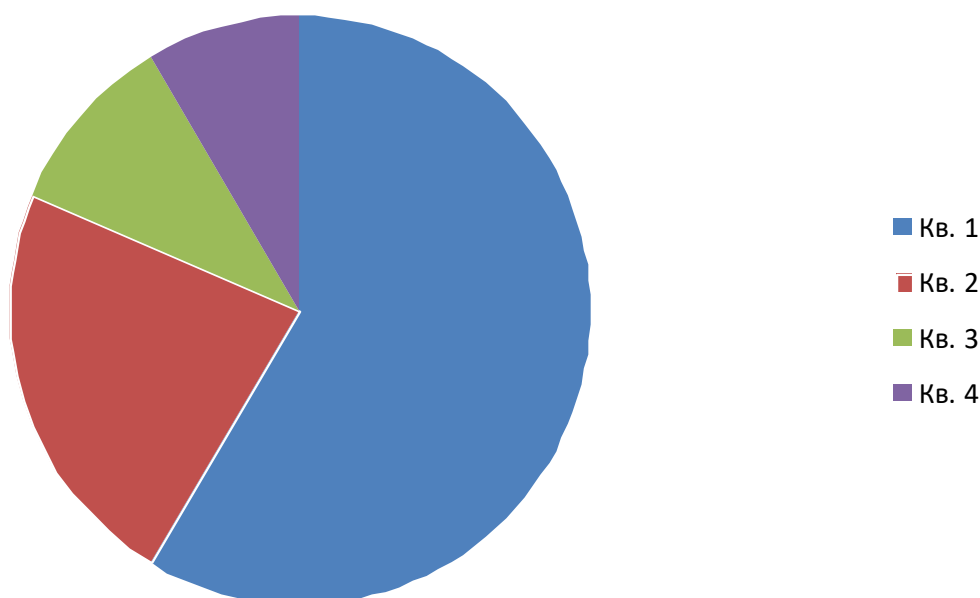

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.